

День первый. У прохладной воды в высокой траве

«Когда-то ведь надо и отдыхать.»

Славяна вдохнула свежий ночной воздух и, закинув руки за голову, с наслаждением потянулась всем телом. Белая рубашка обтянула высокую грудь, пуговица посередине выскочила из петли... Она смущённо огляделась, не увидел ли кто, потянувшись было поправить. Но сразу же с облегчением улыбнулась. Нет же никого. Луна в тёмно-синем небе и черные деревья, вот и все её зрители. Подумав немного, девушка ослабила узел алого пионерского галстука... да и сняла его совсем. Расстегнула две верхние пуговицы, открывая прохладу шеи и грудь, и вновь вздохнула поглубже, прогоняя из лёгких остатки жаркой дневной пыли лагеря.

Послышался негромкий всплеск, и по гладкой, словно толстое литое стекло, поверхности воды пошли волны, разбивая почти идеальное отражение неба. Протяжный крик неизвестной ночной птицы заставил Славяну вздрогнуть.

Дни в летнем лагере состояли по большей части из всяческой суеты, но суета Славяне нравилась, она ощущала себя на своём месте, нужной и даже необходимой. Ей нравилось ставить на место раздолбаев и хулиганов, ощущая за спиной незримую тень строгой старшей вожатой. Сегодня она пресекла на месте начавшуюся по неясной причине драку малолеток из шестого отряда. Кто там был охотник, кто добыча — разобраться было невозможно, она и не пыталась. Просто развела драчунов и встала между ними. Услышать непристойное ворчание в свой адрес с обеих сторон сразу было немного обидно, но виду она не подала. Завтра можно было ожидать нацарапанного где-нибудь на стене «СЛАВЯ ДУРА». Или ещё чего погрубей.

Пару-тройку похожих анонимных откровений она уничтожила на месте, просто сбегав за мокрой тряпкой. Не пожаловалась и вообще никому ничего не сказала. Подброшенный к двери домика мусор просто убрала. Чистая одежда, идеально заплетённые косы и всегда доброжелательная улыбка на губах. А что иногда обида ощущается тупой иглой в груди и сжимающими трахею злыми пальцами — это можно пережить.

«Они не виноваты, они не плохие. Бегут через площадь, которую она недавно подмела, радуются отличной погоде. И не догадываются, что наведённый ей порядок тоже добавляет немалую долю в их радость. И бросают небрежно, куда долетит, огрызок яблока или смятую бумажку. Главное ведь не прерывать интересную жизнь всякой тоской, вроде поиска урны. Они действительно не задумываются, насколько ужасным местом стал бы лагерь, в котором никто не следит за порядком.»

Завтра, после длинного дня, она вновь возьмет метлу и проследит. Но это завтра. А сегодня, уже после того, как пошли расползаться по домикам сонные пионеры и пионерки, после делового отчёта перед Панамкой... та, озабоченная чем-то личным, впрочем, не особо к нему прислушивалась, Славяна вышла к воротам и выполнила свою финальную обязанность: налегая всем телом, сдвинула металлические неровно крашенные створки и заперла навесной замок. В теле переливалась тяжелая усталость, но голова была ясной и звонкой, нервная энергия требовала выхода. Славяна прошла боковой тропкой вдоль кирпичного забора сквозь заросли до известной ей, как и девяти десяткам из обитателей лагеря, не запирающейся технической калитке и покинула территорию.

В лагере — распорядок и устав, за калиткой — территория свободы, разумеется, для тех, кто готов рискнуть возможным нагоняем от вожатых. Готовые находились регулярно, Славяна некоторых из них хорошо знала, чем бы таким ни занимались в вольном лесу лагерные робин-гуды или бэды, парочками или троечками — она не стала бы им мешать. Сама она не рисковала ровно ничем, разрешение на выход за территорию у неё было. Подпись, печать, все дела. Но и своей в лесу она не ощущала себя никогда. Позволяла себе побродить среди зарослей, не уходя от забора слишком далеко, выбрать одиноко стоящее дерево, постоять, уткнувшись лбом в шершавую кору, позволить хоть толике душевного напряжения уйти прочь. А потом вернуться.

Сегодня получилось иначе, чем в другие разы. Может быть, закат сегодня был особенно розовым и ярким? А может, в ней самой что-то неуловимо переменилось? Её внимание привлёк просвет между стволами, Славяна пошла в его сторону и оказалась на берегу лесного озера. Не самого маленького и почти идеально круглого, лежащего среди леса словно опрокинутое в небо зеркало. Гладкая поверхность удваивала розово-сиреневые краски неба, прорезанного неровной полосой леса. Над водой там и сям висели островки белого тумана. Высокая не примятая трава вокруг говорила ясно: гости у этого озера бывают нечасто.

«Интересно, почему так?»

Раздвигая шуршащие при каждом шаге стебли, она прошла туда, где в зарослях озерного рогоза намечался просвет, там обнаружился стихийный пляж из чистейшего песка. Небольшой, максимум на одного человека. Или на пару, если те согласятся лежать тесно соприкасаясь телами. Стараясь

не намочить туфли, она остановилась у самой кромки воды, наклонилась, ловя своё отражение, но виден был лишь тёмный силуэт на фоне неба. Вздохнув ещё раз, убрала за спину косы и, примяв участок травы, уселась. Запах озерной воды смешался с густым травяным ароматом, закружил голову, будя загадочные, не оформленные в образы желания внутри. Славяна стеснительно глянула в сторону, но увидела лишь стену высокой травы и чуть дальше — тёмные деревья, уходящие кронами в густую синеву. Помедлив пару секунд, она скинула рубашку, положила вместе с галстуком рядом с собой и, раскинув руки, завалилась спиной в траву.

Отряхнуть одежду от песка всяко проще, чем отстирывать светлую ткань от травяного сока. Стебли приятно защекотали обнажённую кожу плеч, длинные «зонтики» на фоне неба зашатались, ей в лицо просыпалось невесомое облако семян. Она зафыркала и рассмеялась себе самой, смахивая их в сторону.

Цвет неба понемногу смещался от тёплого сиреневого к тёплому чёрному, и уже различались первые звёзды. Так уютно и тихо. Улыбнувшись своим мыслям, девушка приподняла спину и, расстегнув пояс, сдвинула юбку в район лодыжек. Подёргав стройными загорелыми ногами, избавилась от неё вовсе вместе с туфлями. Раскинулась в позе морской звезды, ловя кожей слабые воздушные токи. Хорошо. Она позволила телу расслабиться.

Некстати вспомнилось, как всего пару дней назад она наткнулась на свою рыжую одноотрядницу у задней стены столовой. Та, не особо даже скрываясь, дымила папиросой.

Вообще, они с Алисой не ладили. Проявляли взаимное уважение, состоящее во взаимном игнорировании, по большей части. Первый отряд всё-таки, высший уровень среди прочих детишек. Одна белокурая и правильная, с вечно прямой спиной и прямым взглядом. Другая расхристанная и сутулая, себе на уме, неизвестно о чём постоянно думающая и какие планы строящая. О чём бы они смогли разговаривать, что им вместе делать? Но тогда остаться равнодушной она не смогла и высказала что-то вроде «вредно», «нам всем влетит», «правила...» Рыжая, наверное, была тогда сильно не в своей тарелке. Плевать она хотела на правила и вредности. Кроме тех, разве что, которые сама и создаст. В памяти всплыли подробности. Девушка тогда и договорить не успела, как её приложили спиной в кирпичную стену, твёрдое горячее предплечье оказалось приставлено к её горлу, словно нож, а чужая ладонь упёрлась в левую грудь. Рыжая, бледная с алыми пятнами на скулах, смотрела ей в лицо, раздувая ноздри, обдавая неприятным запахом табака.

Голова от такого неожиданного нападения закружилась, Славяна отвернулась, прячась от слишком близкого чужого взгляда... А рыжая вдруг отпустила её и ушла. Почти убежала. Огрызаясь неразборчивыми словами, словно плевками. Славяна так и осталась стоять, прислонившись к рыжему пыльному кирпичу. Было горько и обидно. Она ведь всё делала правильно, в отличие от рыжей, только и умеющей, что разрушать и портить. Захотелось плакать, что-то горячее уже почти закипело в уголках глаз. Но вдруг за углом, совсем рядом, послышались детские голоса, и она заставила себя оттолкнуться от стены, распрямиться. Пригладила косы, спрятала слёзы. А вокруг неё всё висел, не спеша развеиваться, горький табачный запах, прошитый нотками чужого пота.

Славяна не стала жаловаться вожатой. Позволила рыжей остаться не пойманной и безнаказанной. Было как-то стыдно от произошедшего с ней.

От воспоминаний стыд вернулся как приступ фантомной боли. Хотя рыжая Алиса совсем не сделала ей больно, скорее, напугала. Вернулось ощущение чужого прикосновения к груди и Славяна машинально положила на это место ладонь, приподняла, немного сжимая. Прикосновение было приятным.

Тело своё она ощущала словно отстав во времени на пару-тройку лет. Светлая, тонкая как тростинка и стремительная как световой луч в вакууме. Собственное отражение всякий раз вызывало у неё на долю секунды чувство смущенного удивления. Почти неузнавания. Так быстро округлившаяся мягкая грудь, широкие бёдра, ну просто незнакомка из зазеркалья. Переодеваясь перед зеркалом в домике, девушка порой позволяла себе познакомиться с новым телом поближе, конечно, если за её любованием собой не следила ревниво соседка. Прикосновения к собственной груди, к низу живота, к плавному изгибу бедра будили внутри неё сладкие и тянущие чувства, которые она не могла, да, наверное, и не решилась бы оформить в слова.

И вот сейчас она расслабленно лежала в высокой траве на берегу лесного озера. В одном нижнем белье. Изнурительная жара дня вытеснялась тёплой ночной духотой и вот так валяться полуголой в полном одиночестве оказалось невероятно приятным занятием. На легальном пляже днём не расслабиться. Как бы кто из купающейся мелкоты не утонул, как бы кто не потерял полотенце, одежду, не поссорился бы. Опять всё та же вечно прямая спина. Славяна улыбнулась себе самой, продолжая поглаживать так неожиданно схваченную рыжей грудь. Боли никакой не было, но она продолжала. От прикосновения расходились по всему телу волны щекокущих мурашек, собирающихся больше всего на затылке и внизу живота. Мурашки кружились словно маленькие звёздочки, становясь понемногу всё горячее. Она уже не столько поглаживала, сколько хватала саму себя, проводя сильными пальцами от основания груди к самой чувствительной точке на

вершине.

Бюстгальтер стал казаться ей тесным, а бретельки на плечах жёсткими и какими-то неприятными. «Почему бы и нет...», подумала девушка и сделала это — выгнув спину, приподнялась, завела руки за спину и расстегнула замок. Одно движение и предмет одежды улетел в сторону, обнажённая грудь мягко колыхнулась и у девушки вырвался тихий стон, когда она обхватила её, приподнимая ладонями и сжимая. Она потянулась всем телом, пытаясь сбросить странное напряжение в плечах и бёдрах и вновь, не в силах остановиться, провела ладонями от низа живота вверх, захватила пальцами открытые соски. Как же здорово! Девушка непроизвольно облизнула пересохшие губы. Руки её проскользили по собственному телу, от резинки трусиков по гладким бёдрам, на внутреннюю сторону по лобку и вверх. Она снова обхватила грудь, ставшую намного чувствительней, соски затвердели и смотрели прямо в тёмное небо как маленькие купола.

Перед её внутренним взором вдруг возникло лицо Алисы. Как тогда, когда она прижала её к стене. Славяна, оказывается, в деталях помнила её лицо, оказавшееся настолько близко: острые высокие скулы, тонкие и яркие губы приоткрытые в злобной усмешке, мелкий нос и глаза цвета тёмного янтаря. Она глубоко вздохнула, и ей показалось, что она вновь ощущает тот сладкий и резкий аромат. Ей представилось, как рыжая вновь сдавливает её грудь, сразу обе... и лифчика на ней нет. Горячие волны собирались там, внизу. Она ощутила влагу между ног, прикоснулась к ткани трусов, надавила. Тело отозвалось вспышкой удовольствия, прослойка из ткани показалась ненужной и Славяна сдвинула её в сторону. Пальцы разом увлажнились и стали скользкими, она нерешительно покружила ими, растирая смазку и быстро нащупала самую чувствительную точку. Она инстинктивно надавила сильнее, и тело отозвалось новым всплеском, заняли возбужденные соски и губы, мышцы ног напряглись ещё сильнее, их свело наслаждением вплоть до самых кончиков пальцев, девушка развела ноги сильнее и надавила ещё раз. Сдавленный стон и всплески наслаждения перешли во взрыв, длящийся, длящийся, длящийся...

Она выдохнула, запрокидывая голову назад. Попыталась приподняться, но тело не слушалось. Опыт с самой собой у неё был, но вот так, почти внезапно... Сердце колотилось. Горячая кровь стыда прилила к щекам, больше из-за того, что она вот так представила себе нагую рыжую... вот так... чужая мягкая грудь прижалась к её собственной, вот так... чужие губы, тонкие и яркие, прижимаются к её губам... Девушка не могла этому сопротивиться, она сдавила собственные груди левой рукой, а другой опять скользнула — туда. Прикосновение отозвалось болезненным уколом, но тело требовало, оно не хотело успокаиваться, ему было мало. По груди и животу вновь побежали мурашки. Как барашки по гребням волн, а под кожей шли сами волны, тугие и плотные. Она словно подбирала ключ к самой себе, к воротам давно и надёжно запертым, с табличкой «не входить» поверх. Но почему-же они такие притягательные, почему так и просят «войди»? Ключ повернулся на пол-оборота и створки задрожали. Двумя пальцами — вокруг. Сильней, больше! Ключ с щелчком повернулся до конца, до упора, ворота распахнулись и поток ощущений, цветных и звонких как осколки в калейдоскопе накрыл Славяну с головой.

Втянув в себя воздух, показавшийся вдруг прохладным, она ощутила, насколько сама горячая и мокрая. Запах... её собственный, от ямок подмышек и ложбинки между грудями, такой пряный, похожий на запах рассерженной рыжей. Я открыта вся, целуй меня, бери меня. Нажим отозвался болью. Ничего. Преодолевая колючие уколы, мешающиеся с потоками наслаждения, она давила себя словно тревожную кнопку. Доступ открыт! Доступ открыт! Доступ открыт! Да! Да! Да! Да! Да! Кнопка сработала, взвыла аварийная сирена и до самой макушки внутри неё сверкнула обжигающая молния. Третий раз!

Она застыла, растеклась всем телом не в силах больше напрячь ни единый мускул. В голове было ясно, звонко и непривычно пусто. словно она простым усилием решила все мировые проблемы разом и установила всеобщий безупречный порядок. Славяна с изумлением уставилась на пучок вырванной с корнями травы, зажатый в левой руке. Я что, кричала? Она вдруг осознала, что лежит на траве возле озера, почти голая с бесстыдно сдвинутыми вниз трусами... она не помнила, когда это сделала. Жгучий стыд за всё сделанное с собой поднялся от сердца, в горле собрался комок и голову сжало. Но внизу живота в ответ шевельнулось простое и тёплое чувство правильности.

«Никто ведь меня не видел, я здесь совсем одна. Разве получать удовольствие — плохо?»

Славяна неуверенно встала. Ноги чуть дрожали, принимая на себя вес тела. Небо над головой было тёмным и только над противоположным берегом ещё светилась багровая полоска. Грудь и живот девушки поймали финальный всплеск заката, окрасившись в нежный малиновый тон. Одеваться и уходить не хотелось. Славяна стянула трусики, бросила к оставленной в траве одежде и шагнула к воде. Неуверенно попробовала её ногой. Прохладная, но в меру. Вот и отлично.

Три шага вода омывала её лодыжки, а на четвёртый — дно резко ушло вниз и Славяна ухнула обнажённым телом в воду, подняв целый фонтан брызг. А-ах! Она вынырнула, отфыркиваясь и протирая глаза. Перевернулась на спину и поплыла, лениво загребая руками и бездумно глядя в тёмное небо. Грудь показалась над водой, она обтекала её, как пару мягких островков. Она прибавила в скорости, ловя ощущения щекотных воздушных пузырьков между ног и с удивлением

открывая, с каким удовольствием реагирует её тело.

Позже она, выбравшись на импровизированный маленький пляж, собирала в темноте одежду и на ощупь выжимала длинные косы. На сердце было легко, память о том, что она делала с собой ушла на глубину и рдела тёплым гранатовым огоньком. Вспомнились было неприличные фантазии с участием рыжеволосой Алисы... но Славяна, застеснявшись самой себя, оттеснила их туда же — на дно сознания, под тяжелую крышку, в глубокую впадину, полную тёмной воды. Мысли её приняли иное направление, она внезапно ощутила сочувствие к рыжей.

«Алиса совсем не участвует в общих мероприятиях. Она так нервно и зло реагирует, когда пытаешься к ней обратиться. Может быть, ей нужна помощь? Ещё она довольно бледная и вечно смотрит исподлобья... наверное, курит много. Это ведь очень вредно...»

Славяна была уже полностью одетой и застёгивала тщательно вытряхнутую от песка рубашку. Порядок и самоконтроль. Чистые руки и ясная улыбка.

«Какое хорошее место... Почему бы мне не попробовать взять шефство над Алисой? Обязательно вернусь сюда ещё раз... Я, наверное, могла бы ей помочь?»

Собираясь уходить, она обернулась напоследок. Зрачки её поймали последний луч уходящего заката. Розовый отблеск над кронами тёмных деревьев. Розовый отблеск накрыл её, подобно пригнанной вечерним бризом морской волне. Волна накатила на неё, впиталась в неё и ушла куда-то внутрь. В самые потаённые глубины.

День второй. Опека

***

— Славя, я всё же ещё раз спрошу: ты точно уверена?

Они стояли вдвоём перед полукруглым домиком, выделявшимся среди прочих «Весёлым Роджером» возле двери. Выгоревший на солнце символ вольных корсаров гордо висел боком.

— Ольга Дмитриевна, я уверена, — красивая голубоглазая девушка в идеально чистой форме энергично кивнула. Только что каблуками не щёлкнула. Косы взлетели и упали. Энтузиазм и активная гражданская позиция.

Женщина, разговаривавшая с ней, чуть отвела взгляд. Машинально поправила холщовую панамку на каштановых волосах. В отличие от Славяны, уверенности она не испытывала. Сторонний наблюдатель, окажись он рядом в эту минуту, отметил бы, что женщина не сильно-то и старше своей подопечной. Ростом повыше, фигура пофигуристее, форма ладно обтягивает все выпуклости и изгибы, красивый ровный загар на всех открытых участках тела. Не строгий босс, а просто очень привлекательная зеленоглазая женщина. Сейчас в зелёных глазах можно было отчётливо разглядеть неуверенность и сомнение.

— Я хочу... — Славяна опустила очи долу, — попытаться.

Вожатая выразительно вздохнула. Рубашка натянулась на высокой груди, алый галстук приподнялся.

— Двачевская опять пропустила линейку, — проговорила она, по-прежнему не глядя на подопечную. — И мероприятия отряда либо игнорирует, либо устраивает такое... что лучше бы и вовсе не приходила...

— Но она ведь не хулиганка какая! — горячо возразила ей Славяна.

— Именно! — Ольга возвысила голос. — Будь она преступницей малолетней, выперли бы мы её на... в два счёта домой, пусть милиция разбирается.

К неуверенности женщины добавилось ещё и волнение. Передёрнув плечами, она продолжала.

— Она не хулиганка, ей просто на всё наплевать. Понимаешь, Славяна? На всё и на всех нас. Человек-растение эта твоя Алиса!

— Она не моя... — отчего-то смутилась Славяна, но Ольга не обратила на её слова внимания.

— И теперь ты возом... захотела за неделю её переделать?

— Ольга Дмитриевна, хорошее есть в каждом из нас! — сверкнув глазами на вожатую, заспорила Славяна. Девушка явно была готова отстаивать своё мнение. Ольга, наконец, посмотрела ей в лицо внимательно. И смягчила речь.

— Славя... мне бы не хотелось видеть тебя разочарованной в людях. И в собственных силах заодно. Поверь мне, это...

Вожатая разглядела выражение глаз своей подопечной и замолкла.

«Вот что мне с ними, такими, поделать? Запрети я ей сейчас — начнёт без моего согласия, а меня запишет в тормоза прогресса».

Вслух она этого говорить не стала. Сказала другое, стараясь сохранять строгий вид знающего человека:

— Раз ты так твёрдо решила — ответственность вся на тебе.

Славяна энергично закивала, вновь заставляя кончики кос плясать аки пчёлы над сладким нектаром.

— Ну... пойдём тогда... — вожатая коротко кивнула в сторону домика. До двери им было ровно пять шагов.

***

— Тук! Тук!

— Никого нет дома!

Алиса тихо порадовалась своему остроумию, даже улыбнулась самой себе. Валяться глядя в потолок, заплета ноги в серое армейское одеяло и заложив руки за голову ей уже прискучило. Наступивший день обещал быть жарким, в домике было душно. Ткань прилипла к мокрой от пота спине. Уже минут тридцать, как Алиса прикидывала способы убить время.

«И вот незваные гости, сейчас соображу чего прикольное...»

Мысль осталась незаконченной. Дверь, скрипнув, распахнулась и в домик широкими шагами вторглась тупица-Панамка со своим вечным выражением на лице «дай мне до тебя докопаться». Заведёт сейчас шарманку, подумала с тоской Алиса, но и эта мысль повисла недодуманной. Из-за спины вожатка тенью вынырнула та самая...мышь белая лабораторная. До стерильности очищенная и с улыбочкой украденной с плаката «Будь Готов». Активисточка. Пониже грудной клетки засвербило нехорошее предчувствие, но внешне Алиса осталась спокойной.

— Двачевская, если тебя нет дома, то кто же тогда отвечал?

«Панамка попыталась сострить? На троечку. Ясно же, тупица.»

— Доброе утро, Ольга Дмитриевна, — отозвалась Алиса сипло. Повернулась на бок, демонстративным жестом натягивая колючее одеяло повыше.

От внимания Двачевской не ускользнуло, что активисточка помалкивает и рассматривает её, Алису, с непонятым выражением в глазах. А вожатка тем временем уже разорвалась на полную.

— Доброе... ты почему опять линейку пропустила? Пионеры обязаны присутствовать на утренней линейке, таковы правила лагеря! Валяешься в кровати до полудня, как... Вставай, немедленно!!!

— Проспала. Будильник сломался... — пробурчала в ответ Алиса, но приказу подчинилась. Заскрипев панцирной сеткой, встала на доски пола. На Алисе была измятая чёрная футболка с угловатой надписью КИНО поперёк груди, длиной не доходившая и до середины бедёр. Ниже начинались стройные голые ноги и... больше ничего. Алиса переступила с ноги на ногу, неловко поджимая пальцы.

— Да в таком бардаке ещё не то сломается, — распаялась Панамка. — Это что такое? И вот это? И это вот всё?!

Вожатка злобно тыкала пальцем в кучу сухой травы на столике, в брошенную в беспорядке форму на стуле, в торчащие из-под кровати спутанным комком носки, в гору фантиков на полу напротив...

— Это вообще Улькины фантики... — заспорила Алиса. На Панамку она не смотрела, изучала искоса стоящую рядом активисточку. Этой-то что здесь понадобилось? Неужто засекала чего и настучала с утра пораньше?

— И что? Ульяна младше тебя! Ты обязана её воспитывать!!!

— Ольга Дмитриевна, я непременно передам ей ваши слова, — голос Алисы был само смирение и понимание.

— Передай непременно! И... — вожатая явно утратила нить разговора. Завершила тоном ниже.

— И... бардак свой убери сегодня же! И чтобы завтра с утра была на линейке!

«Села батарейка, ой-йо!»

Вожатая начала отворачиваться, но натолкнулась взглядом на смирно ожидающую Славяну. С раздражённым сопением крутанулась обратно.

— Так! Самое главное, Двачевская! — Ольга пошла чеканить слова тяжелой поступью имперской пехоты. — Лагерь. Больше. Не может. Терпеть. Твою. Пассивность и...

— Чего? — Алиса была малость ошарашена таким сюрпризом.

— И безразличие, — припечатала Ольга. И продолжала уже спокойней. — До конца смены ты прикрепляешься к Феоктистовой.

— Чего-чего?!

Алиса метнула в Славяну испепеляющий луч, но та отразила его доброжелательной улыбкой.

— Славяна поможет тебе стать обра... нормальной пионеркой. Правила простые: она руководит — ты подчиняешься. Контроль на мне, будут жалобы — будет разбирать... разбирать особая комиссия. И результаты тебе очень... не понравятся.

Ольга выдохлась. На самом деле, никакой схемы контроля у неё не было, да и быть не могло: столь стремительно ворвалась к ней поутру со своей потрясающей идеей Славяна. Пришлось импровизировать на ходу, в чём Ольга, скажем честно, не была сильна. Закруглив свою тираду на ноте благожелательно-ободряющей, сквозь которую, однако, явственно просвечивал мотив «ладно, дальше вы как-нибудь сами», вожатая поспешила удалиться прочь. На свежий воздух она вылетела, словно раскалённая болванка из мартена.

«Шестнадцать лет, это вам не шесть, всё они знают, всё могут. Но если что, я непременно вмешаюсь.»

Успокоив себя такими мыслями, Ольга переключилась на решение более понятных и приятных повседневных задач.

***

Они остались вдвоём.

У Славяны было заготовлено небольшое вступительное слово, про общий язык и общее дело и тому подобное, и она уже открыла было рот... Но первый ход сделала Алиса. Резко прекратив сверлить свою внезапную наставницу огненным взором, она завалилась с размаху назад в постель. Пружины в сетке жалобно взвыли. Славяна смешалась. Всё это она представляла себе иначе, а теперь все заготовки шли прахом.

— Алис... — начала она неуверенно. — Нам надо...

— Не надо!

Лёжа на спине, рыжая закинула ногу на ногу, от чего край футболки сполз по гладкому бедру вверх до опасного предела. Пренебрежительно прикрыла глаза.

— Но что... — вновь начала Славяна.

— Ничего! — раздражённо отрезала рыжая.

— Двачевская! — воскликнула Славяна уже почти в отчаянии. Та, наконец, соизволила удостоить её прямого взгляда. В янтарных глазах кружились злые искорки.

— Феоктистова, свали... куда-нибудь! — Алиса оскалилась. — И вообще, тебя поставили меня опекать — опекай. Веди разъяснительную работу, к примеру. Только подальше от меня, хорошо?!

Выдав это злобным голосом, Алиса демонстративно отвернулась к стене, натянув одеяло до самой шеи. Словно Славяны здесь и вовсе не было.

И что теперь делать? Славяна в волнении потеряла кончик косы, предмета зависти многих девушек. Знали бы они только, как много сил уходит на поддержание длинных волос в должной чистоте? Алиса старательно лежала неподвижно. Может быть, она от духоты такая злая? Обрадовавшись своей идее, Славяна потянувшись над столом, открыла тугую форточку. Прохладней, правда, не стало — за окном царил жаркий пополуденный штиль.

Алиса скрипнула пружинами и тут же старательно глубоко задышала.

Славяна с лёгким чувством брезгливости обозрела комнатку, машинально прикидывая фронт работ. Бардак здесь и вправду царил изрядный, но всё же не чудовищный. Подумав, она сгребла одним движением пресловутые фантики и отправила в мусорное ведро под столом. Стало лучше. Славяна немного повеселела. На самом деле, за час можно управиться: крошки от еды подмести, скомканную как попало одежду развесить, неопределённый мусор из углов повыгрести. Горка увядшей зелени на столе при ближайшем рассмотрении оказалась недоплетённым венком из одуванчиков. Гитара... Инструмент стоял на полу, прислонившись по диагонали к шкафчику так, что мог упасть в любую минуту. Славяна в три шага пересекла комнатку, присматриваясь. Корпус у гитары был покрыт царапинами, пара вроде бы иностранных наклеек обтрепались на краях и выгорели на солнце, надписи было не разобрать. Склонившись, Славяна провела пальцами по струнам сверху и те издали тонкий высокий звук.

— Феоктистова, инструмент не трогай, — раздалось вдруг со стороны кровати резкое.

— Хорошо, я просто... — Славяна взялась за длинную часть гитары, желая поставить её поровней.

— Не лапай гитару, я кому говорю, бля! — молниеносно сорвавшись с кровати, Алиса схватила Славяну за плечо, разворачивая к себе. Лица их оказались очень близко, Славяну обожгло горячим дыханием. Она схватилась за запястье Алисы, отрывая ту от себя. Ещё один раскалённый выдох.

— Двачевская, ты перегрелась? — Славяна озабоченно попыталась положить свободную руку Алисе

на лоб, но та, дёрнув головой, уклонилась. — Под шерстяным одеялом в такую жару...

Алиса на это молча цапнула гитару за гриф и переставила подальше. Славяна отпустила её запястье.

— Алиса... — она постаралась придать голосу твёрдость. — Я сейчас иду к Виоле и к Ольге Дмитриевне.

Раньше ей не приходилось рассматривать Алису так близко. Зрачки тёмного янтаря, нездоровые красные прожилки на воспалённых глазах, светлые ресницы. Россыпь рыжих веснушек на бледной коже. Обветренные и обкусанные тонкие губы.

Двачевская внезапно сдалась, рассудив, что чем нарываться на разборки с вожаткой, проще помотать активисточке нервы и, глядишь, сама отвалится.

— Ладно, типа... — проворчала она, отводя глаза. — Что делать-то?

Славяна улыбнулась, расслабляясь.

— Для начала — я выйду, переоденюсь нормально.

— Кит-тайские церемонии...

Прошипев это сквозь зубы, Алиса отшатнулась с грацией рассерженной кошки, отворачиваясь и стягивая КИНО через голову. Перед Славяной мелькнула небольшая, правильной формы грудь с тёмно-коричневыми мелкими сосками, мгновенно сменившаяся на угловатые лопатки в россыпях красных родинок. Оставшаяся в одних обычных белых трусах Алиса нагнулась, собирая с пола форму. Славяна ощутила как горячая кровь приливает к щекам и к шее.

— Я всё-таки выйду...

— Забей! — Алиса по-армейски стремительно натянула форменную юбку, рубашку на голое тело. Повернулась, скручивая полы и затягивая узлом под грудью, оставляя плоский живот открытым. Славяна покачала головой, но решила оставить этот вопрос на потом.

— Так что дальше-то? — вновь с раздражением спросила Алиса. Она взбила и пригладила рыжину на голове, извлекла откуда-то заколки и соорудила свои коронные хвостики а-ля Пеппилотта.

«Всё начинается не так уж и плохо. Я тебе помогу...», - с этой мыслью Славяна вскинула подбородок и сверкнула глазами, обозрев от босых ног до рыжей макушки сердитую смирившуюся Алису.

— Для начала — уборка!

За час они, разумеется, не управились. Славяна заставила свою подопечную не только выгрести пыль и мусор изо всех углов, но даже вымыть окно. Алиса шипела, огрызалась, материлась вполголоса — но, со скрипом, подчинялась. Работы с избытком хватило на обеих.

— По-моему, неплохо! — подвела черту Славяна, оглядывая идеально чистый пол и заправленные постели. Даже свет в домике стал каким-то другим, более правильным. И дышалось легко.

Стоявшая рядом Алиса хмыкнула, поджимая губы. Славяна распахнула дверь и кивнула, приглашая Алису следовать за ней.

***

— Ты мало на солнце бываешь...

Жаркое солнце, яркая словно на картине зелень, запахи разогретой сосновой смолы и цветов. Славяна легко шагала по тропинке, подопечная её плелась следом, поминутно щурясь и приставляя ладонь козырьком ко лбу.

— Феоктистова, ты тупая, — огрызнулась Алиса. — Я рыжая, вообще-то.

— И чего?

— Того, что на солнце сгорю до костей мгновенно, бля!

— Извини... — Славяна огорчённо опустила уголки губ. — У меня крем от загара есть.

— Не надо мне ничего! — интонации Алисы были полны «благодарности». — Лучше скажи, чего дальше? Много там ещё?

Она очень-очень-очень надеялась на то, что энтузиазма мисс Безупречности надолго не хватит. И подпитывать его не собиралась ни словом, ни делом.

— Дальше обед, — легко отозвалась Славяна. — А мы с тобой поможем в столовой. С подготовкой и с уборкой.

— Так, я не догоняю, — взвилась рыжая. — Ты нас в дежурные вне очереди записала?

— Ага.

— Ой, ма-а-а-а-а-ть...

Сторонний наблюдатель, оказавшись он в лагерной столовке в тот момент, несомненно оценил бы экспрессию Двачевской. Тарелки летели на столы, словно корабли передовых частей марсианского вторжения. Конечно, если бы марсиане решили начать порабощение землян именно с этой столовой. И увидев яростное выражение в глазах Алисы — не исключено, что подавились бы собственными тепловыми лучами, да и убралась бы восвояси.

— Ну всё, наконец, — взмыленная рыжая расталкивая лёгкие стулья подгрребла к своему куратору. Та, сделавшая за это время куда больше, являла собой живое воплощение миролюбия и лучезарности.

— Ты только не уходи после обеда, нам ещё уборку надо делать будет.

Финальную реплику Славяны перекрыл звук горна из динамиков. «Стол накрыт, прошу на ужин.» Двери в едальню распахнулись, впуская самых нетерпеливых.

— Да помню я, помню... э-ге-ге-гей! — Алиса замахала руками, обнаружив в толпе самых голодных свою малолетнюю соседку и рванула ей навстречу. — Улька, я без очереди сегодня! И тебе место займу!

Рыжая сорвалась с места, отесняя первую волну атакующих, немного задержалась, упершись взглядом в вывешенный список дежурных. Тряхнула головой и чуть ли не сунулась по пояс в окошко раздачи.

Славяна, с печальной улыбкой Моны Лизы, расположилась с полной тарелкой за небольшим столиком спиной к общей суете. А по столовой уже неслись гневные слова Ольги-Панамки.

— Двачевская, ты во что одета?

— М-м... в форму...

— С узлом на пузе? Это не форма, а... развяжи немедленно! Так, не здесь!!! Выйди и приведи себя в порядок!

Славяне отчего-то стало очень смешно.

***

— Двачевская, погоди!

Утомлённая уборкой Славяна остановила подопечную. Та, на бегу вытирая руки, хлопнула дверью, в два прыжка соскочила с крыльца столовки и ринулась было прочь. Домой, в прекрасно заправленную постель. Или на волю в пампасы куда угодно, лишь бы подальше от. Вот только Славяна сидела на скамеечке под крыльцом, отдыхала и ждала.

— Мы что, ещё не всё? — Алиса обернулась, взмахивая руками. Её глазами сейчас можно было бы разжечь костёр без спичек. Причём из сырых дров.

— Нет.

— Как ты задрала, Феоктистова! Ну что ещё?

— Младшие отряды играют в волейбол, мы должны проследить за порядком и соблюдением правил.

— Типа, арбитром побыть? — хмыкнув, Алиса скрестила руки под грудью. Рубашку свою она сразу после обеда перевязала на привычный манер.

— Ну да, — Славяна поднялась, забрасывая косы за спину. — Пойдём?

— Ну когда же этот день, мать его, закончится... — простонала рыжая, запрокидывая голову и закатывая глаза.

Славяна обогнула низкое кирпичное здание столовки и, нырнула в известный ей проход среди зарослей. Так можно было быстро выйти на спортплощадку. Треск веток дал ей понять, что Двачевская ломится следом. Но она и так в этом не сомневалась.

Волейбольная площадка была как тысячи других, не менее вольных. Два столба и сетка посередине вытоптанного участка земли, густой подлесок вокруг и берёзовые стволы над ним. Дневная жара уже понемногу шла на убыль, солнце поплёскивало сквозь зелёные кроны вполне дружелюбно. Самое время дать быстрый и решительный бой противнику. Мелкие вразброд собирались на поле. В глазах у Алисы уже рябило от спортивных маек и разномастно подстриженных макушек.

— Двачевская, ты правила знаешь? — обеспокоилась вдруг Славяна.

— Получше твоего... — хмыкнула та. — Плавали...

— Тогда давай партию ты, партию я, по очереди, — жестом не допускающим возражений Славяна протянула подопечной свисток и повязку. Та, не глядя ей в глаза, дернула углом губ и, задрав нос, отправилась на поле.

«Справится».

Славяна опустила на траву, выбрав место там, где тень была погуще. Прикрыла глаза и позволила себе отрешиться от происходящего. Эта опека над Алисой, признаться, уже довольно утомила её. Насколько же проще, когда сама собой руководишь и с самой себя спрашиваешь. Хотя, она не могла не признать, подопечная её вполне неплохо справлялась...

Крики на площадке привлекли её внимание. Конечно, кричали играющие и болельщики непрерывно, но этот шум явно вносил дисгармонию и беспорядок.

— А-а-а-а-а!

— Вон с площадки, дебил!!!

— Ты что делаешь, ты?

— А-а-а-а-а-а-а-а-а!

— Что случилось? — Славяна выдернула себя из расслабленного состояния и подлетела к сетке. Игра стояла, все участники сбились в беспорядочную кучу.

— Славя, чего она дер... — заныл почти наголо стриженный шкет в чёрной майке и трусах.

— Да ты достал меня в край уже, дятел тупорылый! — заорала красная и взлохмаченная Двачевская. — Правил не знаешь, а...

— Алиса, Алиса, — вмешалась Славяна, — тут ведь не...

— Не лезь, Феоктистова, я ему сейчас ещё добавлю!

— А-а-а-а-а-а!

Славяна не выдержала этого безобразия.

— Так! Всё! Хватит!!! — заорала она на всех разом. Её приятный как золотой солнечный луч голос обратился сталью. — Прекратили все. Тихо.

Она вовремя заметила на дальних подступах фигуру вожатой Ольги и понизила голос.

— Тихо-тихо-тихо... — она потрепала обиженного шкета по макушке. Тот зыркнул снизу вверх чёрным глазом на них с Алисой и промолчал.

— Двачевская, заканчиваем, — продолжила Славяна. — Я продолжу судить. А ты остынь, потом меня подменишь...

— Да больно надо!

Двачевская кинула ей свисток и отошла в сторону.

***

Первый тонкий намёк на вечерние краски и вечернюю же прохладу, словно кто-то взял огромную кисть и прозрачной сиреневой акварелью прошёлся по домикам, деревьям и небу.

Славяна вывела Алису на центральную площадь. Та шла за ней молча, но сторонний наблюдатель

мог бы понять — она всё ещё кипит от негодования. Сжатые губы и ярче проступившие веснушки говорили за неё лучше любой ругани. Славяна избегала на неё смотреть.

— Ну что, мы закончили, наконец? — проговорила Алиса злобно. Прорычала бы, будь в её словах хоть одна буква «р».

— Двачевская, ну вот зачем... — с усталостью в голосе начала Славяна.

— Не терплю дебилов! — отрезала та как топором рубанула. — Закончили?

После целого дня суеты она была готова придушить активисточку на месте и закопать.

— Нет ещё! — в тон ей отозвалась Славяна. Они как раз подошли к задней части памятника Деятелю, сурово украшавшему собой площадь и лагерь в целом. Славяна, чуть поморщившись от усталой спины, нагнулась и извлекла из вросшего в землю длинного ящика пару длинных мётел.

— Осталось нам подмести площадь и на сегодня всё, — обескураживающе улыбнувшись, она протянула одну метлу Алисе.

Той не хватало этой единственной небольшой крохотной малости, чтобы слететь с катушек.

— Феоктистова, я не въезжаю, — начала Алиса полупридушенным голосом, — ты реально каждый день вот так за всех корячишься?!

— Ну... да... — отозвалась та негромко и удивлённо.

— Да захрена?! — рыжая рявкнула так, что с ближайших деревьев с карканьем взвились вороны. — На кой? За всеми подотрёшь, всё подберёшь, так завтра же навалит больше прежнего, а тебе ещё и в спину плюнут!!!

Славяна уставилась на этот внезапный взрыв расширенными глазами.

— Человек не должен быть пустым местом, — голос её задрожал. — Человек должен приносить пользу.

Побледневшая от злости Двачевская смотрела на неё исподлобья, искривив губы в страшенькой улыбочке.

— Вот только ты и можешь, что «пользу приносить»! Пустое место это про тебя как раз! — Алиса только что не задыхалась от ненависти. — Никому на хрен не сдалась ты, вот и подлизываешь вожатке вечно. Активисточка! Давай, иди, поработай поглубже язычком своим, блядь!

Двачевская рванула на себя метлу, которую Славяна так и продолжала ей протягивать и с силой швырнула той под ноги.

— Ну вас всех... делайте что хотите! У меня свои дела есть!

Облив замершую неподвижно Славяну презрительным взглядом, Алиса развернулась. Славяна её не остановила. Она стояла, опустив руки с зажатым в них черенком и губы её дрожали. Алиса зашагала прочь.

«Вот и всё. И нахер! Нахер, слышите, нахер!!! Пусть эта себе метёт за всех, а я не такая.»

Кипя чёрной злобой и чёрным удовлетворением, наконец-то высказав этой всё, всё, чего она на деле стоит, Алиса дошагала до края площади. Желая ещё раз пожать плоды триумфа, обернулась, пошарила взглядом по пустому пространству. Флагшток, кусты по периметру, спина Деятеля возвышается на фоне вечернего неба. Славяны не было видно. Может, она за монументом? Алиса осторожно двинулась по краю площади, присматриваясь.

Никого.

«Что ж, я так ей вломила, что всё бросила и ушла? А может, Панамке почесала стучать сразу?»

Алиса забеспокоилась. Дать себе волю одно дело, а отвечать потом... Но тут ноги вывели её прямо к одной из скамеек, стоявшей в образованной зеленью естественной нише и со стороны не видимой. Прямо с краю, уткнувшись лицом в сложенные руки, сидела Славяна.

— Феоктистова, ты ч... — Алиса, опешив, замерла как вкопанная.

— Отстань! — не поднимая головы, глухо отозвалась та. Плечи Славяны вздрагивали.

В поток чёрного удовлетворения Алисы откуда-то влилась струя недоумения... и неловкости.

— Феоктистова, ты плачешь что ли?

Славяна повернула к ней раскрасневшееся лицо, в вечернем свете блеснули голубые, огромные, в окружении чистейших алмазов глаза.

— Тебе какое дело?! — крикнула она срывающимся голосом. — Иди давай. Иди, занимайся своими делами уже!

— Так... Панамка же... — Алиса отвела глаза. Не могла она видеть эти сверкающие слёзы. Алисе сильно-сильно захотелось куда-нибудь спрятаться.

— Я ей скажу, что ты перевоспиталась, — проговорила Славяна. — И осознала. И что угодно. Вали, давай, отсю... да!

Последний слог затопила новая порция слёз и Славяна вновь спрятала лицо.

Алиса стояла над ней. Где-то на глубине сознания бродили самодовольные мыслишки о том, что лохи должны страдать, что работа дураков любит, но там же вдруг возник образ чистого, убранного их совместными усилиями домика. Запах свежего леса, ясный солнечный свет, льющийся сквозь отмытое дочиста окно.

— Да... чтоб вас всех... — процедила Алиса сквозь зубы. Нагнувшись, подхватила с земли брошенную Славяной подметалку. И ринулась на площадь, вколачивая в землю каблучки с такой силой словно хотела пробить её до самого ядра.

Сторонний наблюдатель, окажись он неподалёку, ясно расслышал бы звук шаркающих по земле прутьев. А через некоторое время к нему присоединился второй такой же.

***

Ночной лес дышит покоем и тишиной. Луна подсвечивает кроны деревьев серебристым светом, но до земли он почти не пробивается. Девушка спокойно идёт по знакомой ей тропинке. Очень красивая и очень усталая девушка в пыльной и пропотевшей за день пионерской форме.

«Хорошо будет освежиться после такого дня».

Скулы её еще немного стягивают высохшие слёзы. Горят щёки. Но на душе у Славяны светло. Светлее, чем дорожка от лунного света на поверхности лесного озера.

«Всё ведь правильно получилось. Сложно. Но правильно. Как же я устала...»

Воспоминание о вчерашнем вечере на этом же берегу мягко толкнулось тёплым шариком от груди вниз. Славяна мотнула головой, прогоняя воспоминание. Сбросила поскорее верхнюю одежду, она сегодня просто пришла поплавать. Купальник взяла.

Тепло между ног не отпускало, усиливалось. Славяна положила туда руку, инстинктивно пытаясь погасить ощущение, так звери зализывают рану. Но от прикосновения пальцев там разгорелось и зазудело ещё сильнее, заставляя её закусить губы и сжать колени. Славяна стеснительно оглянулась назад, в лес, но там было в точности, как и вчера — темнота. И вообще здесь никого не было, кроме ночной гостьи и луны в небе.

Перестав сопротивляться, Славяна опустила спину в высокую траву. Мешающий ей лифчик полетел в сторону, трусики съехали до лодыжек.

«Ничего, я один разик только.»

...

«Или два...»

День третий. Новые грани

Алиса Двачевская проснулась раньше обычного. По косому потолку над её головой с неотвратимостью секундной стрелки полз вниз рыжий прямоугольник. Отпечаток утреннего солнца. Такой же рыжий, как её волосы. Ещё немного и вполз бы ей на лицо, разбудив.

Закинув руки за голову и как следует потянувшись под одеялом всем телом, Алиса зевнула. В памяти замелькали картинки из длинного вчерашнего дня. Почти на всех присутствовала голубоглазая аккуратистка. Ну, это неудивительно. Финальная уборка площади вымела из души Алисы остатки черноты, та же как она сама вымела мусор. С Феоктистовой они расстались холодно, но, в общем, мирно, с вежливыми пожеланиями спокойной ночи.

«Интересно, чем активисточка дальше занималась? Наверное, опять чем-то очень полезным...»

Повернувшись под вечный оркестр пружин на бок, Алиса подтянула одеяло повыше, втянула воздух с запахом шерсти. В носоглотке разом зазудело, Алиса сморщилась и чихнула!

— Бу-у-у... с добрым!

Точно такой же скрип пружин раздался у противоположной стенки и из-под одеяла миру явилась круглая заспанная физия, окружённая лохматым нимбом красных волос. В воздухе разом запахло нездоровым любопытством и нехорошими розыгрышами. Алиса не смогла сдержать улыбки. Улька! Ходячая или точнее бегающая катастрофа четырнадцати лет от роду. Соседка и, невзирая на разницу в возрасте, можно сказать, подруга.

Подруга выпростала наружу тощие загорелые ноги, опустила их на пол. Сладко-пресладко зевнула, запрокидывая шальную голову. Поправила на плече красную футболку с надписью СССР; к слову сказать, в ней она предпочитала не только спать, но и делать все остальные дела. Потянула на себя подушку, из-под которой немедленно посыпались неизбежные фантики и ещё какой-то мелкий мусор. Гнездо для сна Уля любила обустроить с чувством и с толком.

— И тебе не злиться, мелочь, — неспавшаяся Алиса была полна сарказма. Наверное, это и заставило её добавить неожиданное. — Хлам с пола подними.

— Чи-иво? — Улька ещё раз продемонстрировала умение широко зевнуть.

— Убери говно с пола, говорю. — Алиса приподнялась, опершись на локоть. — Я зря здесь вчера два часа, как...

— По-моему, тебя Славя покусала!

Смутив Алису таким заявлением, Уля преувеличенно старательно сгребла всё с пола и принялась одеваться.

— Ау, Алис, я к умывальникам, — прозвучало через некоторое время.

— Дуй...

Алисе хотелось полежать в одиночестве и предаться размышлениям. Уля, надув губы, набросила на шею вафельное полотенце на манер стильного шарфа и выскочила за дверь.

— Ой, привет... — сразу же донеслось с улицы. И мимо не успевшей даже закрыться двери прилетел ответ.

— Доброе утро, Ульянка.

Голос был очень знакомый. Замячило смутное подозрение: полежать в одиночестве не предвидится. Алиса веретеном, скручивая под собой простыню, отвернулась к стенке и закрыла глаза. Длинный скрип и короткий щелчок захлопнувшейся двери, потом осторожные шаги и лёгкое дыхание совсем близко.

— Алиса...

Та не ответила, зажмурилась сильнее и преувеличенно ровно засопев.

— Алиса.

Не дождавшись реакции, Славяна осторожно потрясла лежащую за тёплым плечом.

— М-м-м... я сплю.

Славяна, нахмурившись, трянула её немного сильнее. Дальше прикидываться было некуда.

— Ну чего ещё?

В этот мир ещё не являлась более несчастная и более уставшая рыжеволосая соня. Впрочем, Славяну нельзя было смутить таким спектаклем.

— Доброе утро, Алиса. Зарядка и пробежка не ждут.

Алиса с болезненным и длинным стоном повернулась на спину. Славяна стояла над ней, светясь утренней неподдельной бодростью. Две тугие аккуратные косы уходили ей за спину. Фигуру складно обтекал чёрный с парой белых полос на боках спортивный костюм: майка и шорты до середины бёдер.

— Феоктистова, ты... смерти моей хочешь? — проныла Двачевская.

— Что ты, что ты? — запричитала Славяна, складывая перед собой ладони и наклоняясь ближе. — Я помочь хочу...

Алису накрыло облаком ароматов мятного зубного порошка и чего-то ещё неясного, но приятного.

«Чистюля, вот прицепилась ведь».

Алиса в упор злобно уставилась на Славяну, подбирая в уме бронебойную колкость посылнее. Блуждая глазами, она искала в чертах лица настырной активистки понятные ей осуждение и презрение к себе, вечной помехе, грязном пятне на идеальном знамени. Искала и не могла найти. В глазах Славяны светилось чистое беспокойство и желание поддержать. На смуглой коже ясно выделялся пропущенный хозяйкой при заплетании кос локонов, дополнявший выгоревшие на солнце ресницы и брови. Над левой бровью и над верхней губой различались две маленькие родинки. Сами губы выжидательно приоткрылись и Алису вновь обдало всеобъемлющим запахом мяты.

— Да ну... — она растерялась. Все обидные и язвительные слова летали как весенние мухи, где-то за пределами досягаемости. — Да не...

Славяна немного сдвинула брови.

— Двачевская! — сказано это было заметно громче и с нажимом. Впрочем, Алиса уже сдалась и с ворчанием полезла из-под одеяла. На ней была прежняя длинная футболка КИНО.

— Вот и отлично, — Славяна вновь сияла как начищенный пятак. — Где у тебя форма для занятий?

— Щас...

Алиса опустила пятки на дощатый пол и полезла под кровать, косясь назад. Мучительница отступила на шаг и спокойно ждала. Алиса нашарила в сумке нужное.

— Феоктистова, отвернись! Я под футболкой совсем голая, вообще-то...

— Ой, прости пожалуйста...

Славяна резко повернулась спиной, ощущая, как разом загорелись жаром шея и уши. Шорох снимаемой футболки. Сердце застучало так, словно она уже пробежала километры вокруг лагеря.

«Да что такого, это же просто грудь, у меня такая же...»

Вчера возле озера она вновь видела её перед собой. Разряжаясь, она почти физически ощутила как жесткие вершины чужой груди продавливают её мягкую. Между ног пошла собираться знакомая теплота и Славяна затрясла головой, прогоняя ощущение. И в эту же секунду почувствовала двойной мягкий толчок по лопаткам.

— А-ах! — растревоженная, она подскочила на месте, оборачиваясь. Лицу стало ещё жарче.

— Феоктистова, не спи стоя! — Алиса стояла вплотную, уперев руку в бок и белозубо ехидно скалясь. Она успела переодеться в довольно открытый оранжевый комплект. Топик и шорты. Всё предельно короткое и открытое. Славяна сглотнула. Постаралась успокоиться. Спрятала руки за спину и чуть покачалась на носках.

— Феоктистова, я готова!

— Да-да, — отозвалась Славяна торопливо. — За мной.

***

Утренний лагерь был ещё наполнен прохладой и запахом росистой травы. Жестяные полукруглые

крыши домиков только начинали прогреваться. Редкие птичьи выкрики, ещё более редкие человеческие. Девушка в чёрном торопливо шагала по дорожкам, ведя за собой другую, в оранжевом. Застывший в неизменной позе Деятель строго взирал на них сверху.

— Феоктистова, а почему за территорией-то? Ведь нельзя...

Славяна вывела Двачевскую через известную нам калитку. Симпатичная, хорошо освещённая полянка оказалась совсем рядом у стены лагеря.

— Мне разрешено. А я нам с тобой разрешила, — Славяна восстанавливала дыхание после быстрой ходьбы. — Удобнее и не мешает никто. Начнём с разминки.

— Ноги на ширину плеч. Руки перед собой. На плечи. В стороны. Р-раз! Два!

Славяна отбивала выученную последовательность упражнений звонким голосом. Руководить зарядкой ей приходилось не раз и не два.

— Руки над головой. Вытянемся!

Она тянула мышцы изо всех сил, стараясь не смотреть вбок, где неохотно выгибала стан Алиса. Стыдные мысли свои Славяна загнала поглубже. Временам её казалось, что их и вовсе не было, был разве что плохо запоминаемый неприятный сон. Разминка подошла к концу. Для спортивной Славяны это было сплошным телесным удовольствием, чего не скажешь об Алисе: рыжая остановилась, уронив руки вдоль боков и тяжело дыша.

— Ну как тебе?

— Нормально... — проворчала Алиса, восстанавливая дыхание. — Закончили уже?

— Не-а, — Славяна с удовольствием помотала головой. — Теперь пробежка. Бегом за мной.

— Ты ненормальная, Феоктистова! Ты моджахед с косичками!!!

— Если ты меня обгонишь, я тебе отпускаю насовсем!

— Чё, серьёзно?

— Зуб даю!

Раскрасневшаяся Славяна задорно трянула косами. Голубые зрачки азартно блеснули. Алиса тоже ощутила нечто вроде злого возбуждения. Чтобы она, да позволила себя уделать этой выскочке? Она припомнила истории из жизни, когда ей приходилось удирать со всех ног. Из чужого сада, к примеру. Из враждебного двора. Ни разу не догнали. Хорошо, почти ни разу...

— Смотри, Феоктистова, потом не отмазывайся!

— Тогда — бегом марш!

Выдав широкую улыбку, Славяна развернулась и с места в карьер сорвалась меж кустов, на лесную дорожку огибавшую лагерь. Через секунду с криками «эй» и «подожди» за ней сорвалась Алиса.

— Догоняй! — Славяна рассмеялась было, но тут же прервалась. Вывела себя на рабочее дыхание: два шага вдох, два шага — выдох. Дорожка вильнула пару раз, Славяна резко отклонилась вбок, огибая торчащую ветку. «Ч-чёрт», — раздалось сзади. Всё правильно, Алиса согласилась участвовать. А дать обогнать себя ей... Дорожка вышла на знакомый прямой участок и Славяна прибавила темп, ощущая, как колотят по лопаткам косы.

Алисе приходилось сложнее. Она едва увернулась от попытавшейся хлестнуть по лицу ветке, с хрипом втянула воздух. Отсутствие привычки к бегу сказывалось. «Может я и правда курю много», подумала она мельком, но сразу же сосредоточилась на мелькающих впереди загорелых икрах и локтях. Выскочка и подлиза неслась как по линейке, аккуратно держась ровно на пять шагов впереди. Алиса постаралась поддать газу, затылок и шея разом взмокли и струйки потекли ниже под одежду.

«Блядь, надо быстрее, потом активисточка не отмажется!»

Алиса прибавила ходу и расстояние между ними начало медленно сокращаться. Она могла уже различить капельки пота на спине и шее Славяны, означавшие, что та тоже выкладывает на полную. Алиса на бегу поправила съехавший вверх топик и постаралась выровнять дыхание. Бежать стало легче. Решив не трогать усилий понапрасну, Алиса подстроилась под ровный темп и стала ждать удобного момента. Ждать долго не пришлось. Дорожка пошла плавно изгибаться вправо и сужаться, под ногами нарисовались узловатые корни, а впереди замаячила россыпь камней.

Славяна вынужденно снизила скорость.

«Сейчас!»

Алиса сильно оттолкнулась от земли, в три прыжка преодолела разделявшее их расстояние и, оттолкнув Славяну с узкой тропы, вырвалась в лидеры. В спину ей прилетел громкий взвизг, Алиса чуть не потеряла равновесие от толчка, взмахнула руками и запрыгав горной козой с корня на корень, удержалась. «Всё, я тебя сделала!» — злорадно подумала она, бросив назад короткий взгляд и готовясь рвать во весь опор дальше. И затормозила так, словно внезапно вылетела на край километровой высоты обрыва.

Славяна, которую она так хитро и быстро обыграла, лежала головой в сторону от тропы. Она не шевелилась. Алиса обмерла, разом ощутив ледяную волну от сердца вверх, в глотку.

— С-славь... — позвала Алиса. Попыталась позвать. Язык словно обкололи новокаином и обсыпали песком, губы не слушались. Она с ужасом смотрела на раскиданные по тропе крупные серые камни, по которым она только что так лихо пролетела. Ладони разом взмокли и задрожали колени.

«Она ведь могла головой удариться... Я что, её убила? Что же теперь делать, ой?» Алиса беспомощно огляделась, но вокруг были только зелёные кусты и стволы берёз. И было очень тихо. Даже задорный птичий щебет куда-то подевался. Алисой понемногу завладевала паника.

«Зачем она меня только сюда потащила, бегали бы по лагерю себе... Как же быть, ну как же? Бегом в лагерь, звать на помощь? А может она умирает, может ей это... которое искусственное надо срочно?» Алиса на подгибающихся ногах подковыляла поближе. Заставила себя. Ей было до обморока страшно. Макушка Славяны такая светлая на фоне земли, беспомощная полоска белой кожи. Загорелая шея с небольшим углублением посередине. Алиса потянула к лежащей трясущуюся руку, но прежде, чем она успела её коснуться, Славяна застонала и пошевелилась.

— Славя! — пискнула Алиса обрадованно. — Ты как?

Славяна неуклюже заворочалась, приподнимаясь и Алиса скорее подхватила её под мышки, помогая той сесть. Присмотрелась к её лицу внимательней, смахнула приставшую к виску сухую берёзовую серёжку. Крови, кажется, не было.

— Прости... я тебя напугала... — Славяна попыталась слабо улыбнуться, глядя в глаза Алисе.

«Она ещё, блядь, извиняется!»

— Ты как? — Алиса бесцеремонно взяла Славяну за щёки и повернула голову влево-вправо. — Головой не ударилась? Ничего не сломала?

— Нет-нет, я успела руки подставить... — Славяна начала было выпрямляться, но сразу же болезненно сморщилась. — Бедром ударилась. Эй, ты чего?

Она перехватила ладонь Алисы. Та уже оттянула резинку чёрных спортивных шорт и пыталась осмотреть ушиб.

— Нормально там всё... — Славяна смущенно хихикнула. — Синячище теперь здоровый будет.

Алиса внезапно осознала, что сидит на земле напротив активисточки, одна рука у той на плече, другая — держится за пояс. Кровь бросилась ей в лицо как доза острого перца и Алиса, резко убрав руки, вскочила. В ту же секунду покраснела и Славяна. Глянула на рыжую снизу вверх, но увидела лишь тёмный силуэт на фоне неба. Картинка глазах всё ещё немного расплывалась. Алиса сердито засопела и коротко спросив «встать сможешь» протянула ей ладонь.

Вставшая на ноги Славяна с огорчённым видом отряхнула форму от песка и лесного мусора и заулыбалась с таким ясным видом, словно ничего не произошло.

— Ну вот, — сказала она склонив голову набок, — ты меня обогнала.

Стоявшую с мрачным видом Алису словно чем-то распрямило изнутри.

— Да ни черта... я тебя не обогнала! — ответила она хрипло. — Так не считается! Я ведь тебя...

— Ты ведь не специально... — подбодрила её Славяна.

— Вот я и говорю: не считается...

Молчание. Раскрасневшиеся и жаркие после так неудачно прерванной пробежки, они стояли и рассматривали друг дружку. Наконец, Славяна чуть заметно пожала плечами.

— Надо возвращаться, скоро линейка. Пожалуйста, не пропускай её сегодня.

Она развернулась и, стараясь не обращать внимания на боль, ровным шагом двинулась обратно. Двачевская, хмыкнув что-то неразборчивое, потащилась следом. Так, друг за другом, больше не разговаривая, они вернулись в лагерь и разошлись переодеваться.

***

При ходьбе Славяну теперь немного сносило вбок. Но пока стоишь — ничего не заметно. Она и стояла на своём месте, среди выстроившихся по росту пионеров первого отряда. Высокая девушка стояла в ряду второй. Слева от неё со скучающим видом смотрела в пространство Двачевская.

Где-то перед ними Ольга-Панамка слала в пространство вдохновляющие лозунги, растягивая гласные и дробя на раскатистую барабанную дробь согласные. Славяна, наверное, впервые в жизни, не могла слушать. До её чуткого обоняния долетал аромат спортивного пота Алисы. Неприятно не было. Словно обоняешь чашку кофе с корицей. Или зарываешься лицом в огромный букет незнакомых цветов. Славяна непроизвольно скашивала глаза влево, поглядывая как её подопечная переминается с ноги на ногу.

Стоп-кадр.

Две девушки, светленькая с длинными косами и рыжая с забавными короткими хвостиками, обе в аккуратных белых рубашках, замерли навтыжку. Расстояние между ними положенное по уставу, но всё же что-то заставляет думать, что оно вот-вот начнёт сокращаться. Может быть то, с каким видом первая косится прямо сейчас на вторую. Хорошо, что она не знает, как именно это смотрится.

«Я не понимаю, что происходит... но мне просто ужасно хочется потрогать её грудь. И дать ей потрогать свою. Нельзя такое думать. Но я опять представляла её вчера вечером, там. Так нельзя. Но мне же просто хочется потрогать. Как будто мне или ей это повредит. Это просто приятно. Мы ведь обе девушки... Нет, так нельзя. Но просто ведь потрогать. Глупо. Меня все сочтут ненормальной... Но я не чувствую себя сумасшедшей. Что плохого в груди? И в прикосновениях? Это ведь просто приятно и никому не повредит. И всё же надо перестать об этом думать...»

Она и не думала именно так, вряд ли у неё получилось бы передать в виде связного текста свои неясные ощущения и желания, от которых то становилось жарко в разных частях тела, то накатывал резкий, как от холодного ветра, озноб.

Пуск!

Славяна загнала хаос мыслей под спуд и автоматически отсалютовала под завершающее «...гда готов!» Линейка закончилась, кто-то пошёл решать некие важные вопросы с Ольгой, остальные начали разбредаться кто-куда в ожидании завтрака. Славяна и Алиса остались вдвоём. Рыжая уже пришла в себя после пробежки и держалась насмешливо-отстранённо.

— Феоктистова, ну что, какой сегодня план на лесоповале?

Славяна повернулась. Взглянула ей в лицо. Алиса растягивала губы в кривой улыбке и шурилась на яркий свет. Девушка разом ощутила, как дрожит от напряжения туго завинченная крышка, которой она прикрыла свои странные мысли. Бьют сквозь щели струйки раскалённого пара и с металлическим хрустом начинает поддаваться резьба...

— Феоктистова, эй? — ирония Алисы разбавилась тревогой.

— Н-ничего... — Славяна выдавила это, ощущая как всё быстрее вращается за грудиной докрасна раскалённый шар. — С-сегодня — ничего. Извини, пока.

Она спешно рванула прочь, ощущая шеей и лопатками недоумевающий взгляд.

Плунув на все дела и обязанности Славяна второй раз за день вылетела через калитку. Знакомая тропинка сама легла под ноги. Дневной лес был прост и дружелюбен, всё ночное таинственное ушло в глубокие тени под камнями, под корнями, под нависшими над берегом ивами. Она прервала быстрый почти-бег только завидев свое заветное озеро. Прижала ладонь к груди, унимая дыхание.

Славяна неоднократно воображала себя участницей романтических отношений. Всё просто и понятно. Влюблённость — это когда тебе признаются в любви. Дарят огромные букеты. Долгие прогулки вдвоём. Объяснение. Первый поцелуй. Кольцо. Радостные родители. Свадебное торжество в белом платье. Первая брачная...

Она ощущала собственную горячую кожу словно ещё одну слишком тёплую одежду под аккуратной пионерской формой. Рыжая идиотка. Держит на ней руки. Разгоряченная и вспотевшая после

пробежки. Славяна ясно видела, поймала момент, когда пошла трещинами вечная алисина маска злого равнодушия, пропуская наружу простой и понятный страх.

«Она ещё чуть штаны с меня не стащила, ненормальная. Будь это здесь на берегу, ночью... Прекрати об этом думать немедленно. Девушка не может быть в отношениях с девушкой. Какие там букеты, какие кольца! Родители точно не обрадуются. Свадьба... смешно! Но окажись мы вдвоём... И что бы мы стали делать? Ведь это уже не просто потрогать за...»

Славяна быстрым шагом подлетела к воде, на ходу сбрасывая с себя одежду. Форму, бельё. Долой всё это. Взбить ногами придонную муть, три шага и, раскинув руки, позволить себе упасть, подняв волну и выбросив радужный фонтан брызг. В первую минуту вода показалась ей обжигающе ледяной. Славяна вынырнула, вытирая мокрое лицо, выдохнула, перевернулась на спину и поплыла прочь от берега. Чистая озерная вода умалила саднящую боль в бедре и жар в прочих частях тела пошёл на спад.

«Мало ли что в голову может прийти. Чепуха всё это. Полная чепуха. Но надо всё же узнать, что за человек Алиса... Сейчас это моя обязанность.»

День третий. Что ты скрываешь в тенях?

Сцена для культмассовых мероприятий в лагере была построена шефами в давние ещё времена. Перед ней — ровные ряды скамеек, когда-то красно-коричневых, теперь же всё больше — серых. Спинки и сиденья были там и сям помечены откровениями уставших от скучных концертов слушателей.

Художественная самодеятельность потому и «само», что делается, в первую очередь, для самих же выступающих. И в последнюю для тех несчастных, кто в силу хоть родственных, хоть дружеских обязательств, вынужден будет просмотреть-прослушать всё от начала и до конца.

Сейчас сцена и зрительные места пусты, прожариваются под пополуденным солнцем. Сторонний наблюдатель, вздумай он сейчас сюда заглянуть, отметил бы лишь то, что делать здесь абсолютно нечего. Да и ушёл бы, не обратив внимания на доносящиеся откуда-то ленивые звуки. От низких к высоким и обратно.

Насколько неуютно было бы сейчас на сцене, настолько спокойно и хорошо было с другой стороны. Высокая, словно до самого неба, крашеная в много слоёв масляной краской стена прикрывала от солнечных лучей. Две ведущие на сцену двери были заперты на ржавые висячие замки. Надёжно. Ещё с трёх сторон пространство замыкалось живой зелёной изгородью выше человеческого роста. На этой полянке выступающие переодевались, прячась в импровизированных из простыней кабинках. Здесь гримировались, спорили и доучивали в последние минуты текст.

Алиса Двачевская сидела на дощатом ящике, прижимаясь к стене — и к сцене — лопатками и затылком. Голова её была запрокинута назад, глаза полузакрыты. Гитара-недотрога лежала на коленях плашмя. Рука с коротко обрезанными ногтями небрежно перебирала струны и в пространство летели тянуще-вибрирующие звуки. То басовые, то звонкие.

Послать всех подальше, забить на любые обязанности и удалиться с гитарой на плече. Удобно разместившись в тени, призывать и глушить ладонью аккорды. Если есть настроение — позвать с собой шустрю Ульку, та охотно слушала хоть детские песенки про кота Леопольда, хоть самый забубенный блатняк. И даже не краснела, подпевая. Но лучше вот как, как сейчас. Чтобы никто не мешал.

Нет. Мешает. Активисточка Феоктистова не желала уходить у Алисы из головы.

«Она так неожиданно исчезла. Может быть и правда головой приложилась?»

Алиса не могла бы сказать, что ухоженная активистка так уж сильно её раздражает. Не сильней, чем все прочие. Достаточно просто держаться в стороне и всех «прочих» словно бы и не существует. То, как Феоктистову бесцеремонно навязали ей в «кураторы», конечно, выбесило, однако сбежать из лагеря из-за этого Алиса точно не стала бы. Не первая она и не последняя. Повидала ещё с начальной школы. «Мы знаем, как для тебя будет лучше», — железобетонная речь. Каменные лица и стеклянные глаза. Глаза эти смотрят в сторону Алисы, но Алису не видят. Видят помеху на пути, скалу, которую необходимо передвинуть или взорвать.

Идти навстречу хоть Магомету, хоть самому Деятелю скала по имени Алиса не испытывала ни малейшего желания.

Феоктистова была — другой. Она краснела, бледнела и смущалась, заставляя смущаться и саму Алису, которая причин для такого поведения в упор не видела. Она волновалась и злилась. Она непритворно, до слёз, расстраивалась. Она горячо и откровенно чего-то хотела.

Ничего общего с обычной компанией Алисы, общение внутри которой, по большей части, умещалось между глупыми попытками подколоть и столь же глупыми попытками подкатить.

Феоктистова была — живой. Когда она внезапно развернулась и ушла, Алиса обрадовалась было тому, что не придётся возиться с лагерной скукой, что можно и этот день посвятить себе самой. Хотела осушить полный стакан радости, да и обнаружила, что в него кто-то подлил немалую порцию сожаления. Ей не хотелось заниматься бессмысленными вещами, но ей не хотелось, чтобы Славяна уходила. Да и самочувствие после того, как мышцы отошли немного от нагрузки, было превосходным.

Алиса перебирала свои ощущения так же бездумно, как пальцы её перебирали струны.

***

Накупаться Славяне пришлось до синего оттенка кожи и колючих мурашек по всему телу. Выбравшись на берег, она скорее схватила бельё и натянула на мокрую кожу. Аккуратно примяв траву, уселась так, чтобы не заляпать труссы песком. Возбуждаться заново ей совершенно не

хотелось, трогать себя и подавно. При ярком солнце, когда не было возможности спрятать саму себя от себя же, все те самые мысли и действия резали глаз. Как пара крошек на идеально чистой кухне.

«Не приду больше сюда! Решено!»

Славяна обняла колени руками и положила сверху голову. Ощутила себя маленькой девочкой, прячущейся под столом во время семейного скандала. Конечно, взрослые со временем остынут, перестанут швырять друг другу грубые малопонятные слова — и тогда маленькую Славю вытащат, поставят по стойке смирно и потребуют объяснений, что она, вообще, там делала. Но пока не заметили, можно ведь сделать вид, что тебя здесь вовсе нет? Я совсем не занимаю места, я почти не существую... В сердце просочилась капля печальной горечи да там и осталась, разрастаясь понемногу.

Сторонний наблюдатель, окажись он на этом безлюдном берегу, увидел бы в просветах между высокими стеблями полураздетую девушку, сидящую на берегу в позе васнецовской Алёнушки. Поблескивали на свету влажные светлые волосы и капли воды на гладкой коже. Солнце вдруг спряталось за приблудившейся тучкой, порыв неуютного ветра зашелестел травой и смял морщинистой рябью поверхность озера. Сидящая передёрнула плечами, поёжилась, вскочила и поспешно оделась, сохраняя на лице холодное и замкнутое выражение. Занятая своими мыслями она не заметила бы сейчас никого, подойди он хоть вплотную.

А мысли Славяны сводились к одной: «я сейчас пойду к Ольге Дмитриевне и скажу, что моя опека прекращена».

Она привела себя в порядок, затянула потуже пояс на юбке, завязала идеальной формы узел на галстук и, держа спину прямой, зашагала прочь из этого места. Не оборачиваясь.

«Скажу, что я закончила перевоспитание... Хотя нет, Ольга не поверит, лучше скажу, что я не справляюсь. Так будет правильной. Что она никаким усилиям не поддаётся...»

Славяна прошла через знакомую калитку и, задержав дыхание зачем-то, очень-очень бережно прикрыла её за собой, стараясь не лязгнуть металлической створкой. До «апартаментов» вожатой можно было легко пройти сквозь заросли, но девушка двинулась дорожками, по длинной дуге, продолжая рассуждать сама с собой. Неосознанно она хотела оттянуть этот неприятный разговор.

«Да, никаким усилиям не поддаётся. Ольга меня отпустит, а ей пометку в личном деле сделает... Нет, зачем же? Алиса вполне поддавалась, сложностей особых не было. Кажется, ей даже нравиться стало. А я её так подставляю. Наверное, правильной с ней договориться было бы, объясним Панамке вместе, что опека больше не нужна...»

Незнакомый звук прервал её рефлексии, Славяна огляделась. Ноги завели её, как оказалось, к задней части лагерной сцены. Звук повторился и сомнений уже не осталось — кто-то совсем близко вразброд перебирал гитарные струны. Кто-то? Славяна ещё не осознала, но она уже понимала, кто там сидит. Изгиб гитары с наклейками на потёртом лаке, «не трогай инструмент!» Она испытала совершенно незнакомое чувство раздвоения: верхняя половина тела словно бы рванулась прочь, подальше, а нижняя уже делала шаг, другой и третий. Славяна отодвинула лезущие в глаза ветки.

Алиса досадливо прихлопнула ладонью струны, заставляя все разом умолкнуть, и сощурился глаза уставилась на незваного гостя. Её несомненно отвлекли от очень важного дела и она, несомненно, была этому не рада. Маска продержалась ровно две секунды.

— Сл... Феоктистова? Ты какими судьбами здесь?

Алиса слишком много думала про утреннюю пробежку и теперь чувство неловкости за свою неудачную попытку вырваться в лидеры разорвалось в ней, словно брошенная с седьмого этажа на асфальт водяная бомба. Вода в бомбе оказалась неожиданно горячей, Алиса поняла, что ещё немного и она начнёт предательски краснеть.

— Я просто звуки слышала... извини, если помешала...

Славяна только сейчас в полной мере осознала, что ей хотелось встретить рыжую. И что прямо сейчас ей очень хочется развернуться и уйти. Но ведь это ужасно глупо будет выглядеть, разве нет?

— Извини... если помешала... — повторила она тише.

— Ты в медпункте была? — Алиса отчаянно пыталась вырваться на твёрдую дорожку и говорила нарочито грубым деловым тоном.

— Да зачем же?

То, как Алиса беспокоится за её состояние, удивило и сбilo с толку. От вечно раздражённой

Двачевской она никак этого не ожидала.

— Просто ушиб, уже и не болит почти, — Славяна легко улыбнулась и провела ладонью по бедру, показывая, что всё в порядке. — Не обращай внимания.

— Ну... ладно тогда...

Славяна шагнула ближе, выходя из тени зарослей и Двачевская обратила внимание на влажные косы и не до конца просохшую ткань рубашки. Купаться активисточка, что ли, бегала? Алиса была рада уйти от неудобной темы с ушибами.

— На пляж ходила? — Алиса смотрела вниз и спрашивала резко как чекист на допросе. А Славяна отчего-то вдруг засмушалась.

— Н-нет... Я просто мимо шла и услышала... Значит, ты играешь?

— Я вообще, с гитарой за спиной приехала, — Алиса усмехнулась углом рта, — так что логично.

— Я не заметила...

Алиса как раз таки в день заезда обратила внимание на яркую блондинку в голубом сарафане. Та выскочила из автобуса первой и немедленно вприпрыжку ринулась к водителям — помогать строить в ряды прущую из соседних человозок мелкоту. Вожатые, похоже, хорошо её знали. Алиса мысленно повесила над золотистой макушкой маркер «держаться подальше». Какое уж там «подальше»...

— А чего ты в клубе не играешь?

— Не, туда я ни ногой, — Алиса фыркнула. — Слушать лекцию на полтора часа...

— Из которой будет понятно полтора предложения...

Славяна засмеялась, Алиса секундой позже прыснула сквозь сжатые губы. Они прекрасно поняли друг дружку и атмосфера на полянке стала теплее. Немножко. На пару градусов.

— А почему...

— Да хватит уже! — Алиса перехватила гитару, словно закрываясь от дальнейших вопросов. Повертела в воздухе кистью, разминая пальцы и взяла несколько аккордов...

— Высоцкий... — сказала Славяна вдруг негромко.

— Чего? — Алиса уставилась на неё круглыми глазами. — Ты-то откуда знаешь?

У Славяны от обиды уголки губ опустились.

— Да кто ж его не знает? «Очень вырос в целом мире гриппа вирус...» — довольно складно и ритмично напела она.

— Три-четыре, — округлила Алиса мрачно. И сыграла, ставя пальцы иначе.

— Виктор Цой, — в голосе Славяны зазвучало даже некоторое самодовольство. Алиса хлопнула по деке с досадой. Каких ещё сюрпризов от активистки ждать?

— Я по-твоему что, совсем тёмная, что ли? — Славяна прекрасно поняла её реакцию.

— Да вроде не совсем... — отозвалась Алиса сипло.

Она возвела глаза к безоблачному небу, зашевелила пальцами, припоминая. И сыграла в третий раз. Немного менее уверенно, такие песни малость выбивались из репертуара её привычной тусы. Глянула на подошедшую ближе Славяну выжидательно. Та замотала головой.

— Нет, не узнаю.

— Башлачёв, — сказала Алиса с превосходством, задирая нос. Щеки её азартно порозовели и глаза заблестели.

— Не, никогда не слышала...

— Во-от! Так то!

Алиса сыграла ещё несколько вступлений, разогреваясь всё сильнее. Славяна угадала меньше половины. Последний проигрыш заметно отличался от остальных, мелодичный, протяжный.

Раскрасневшаяся Славяна потрясла косами.

— Не знаю. Но красиво... Может, сыграешь дальше? — добавила она тише и замолчала выжидательно. Алиса подняла на неё глаза. Славяна только что не светилась от удовольствия. Взгляды девушек встретились и разбежаться не спешили.

«Собственно, чего я теряю...»

Алиса взяла первый аккорд, но окружающая тишина прорезалась детскими голосами совсем близко и она резко придавила струны.

— Малолетки... — проворчала Алиса. Оно вдруг ощутила себя какой-то неприлично открытой и даже слабой. С этими своими аккордами. Рядом с этой активной общественностью, которая вдруг, вот так походя, её вскрыла и рассматривает вблизи.

— Закругляемся, хватит, — она вскочила, перехватывая инструмент за гриф.

— Да, и правда пора, — Славяна развела руками, отворачиваясь к выходу. — А я б послушала...

Последнее она сказала совсем тихо, но Алиса расслышала.

«Ведь и правда... не наигралась. И слушать она хорошо умеет.»

А может Алиса думала и не так. Может она и совсем не думала словами. Просто ощутила, как одну из натянутых в её душе струн зацепили и тянут. Вот эта вот ровным шагом уходящая загорелая блондинка. И пускай, пусть скорее уходит вместе со своими вопросами и утомительным совершенством. Ещё два шага и струна загудела, натягиваясь до предела и вытаскивая за собой ту часть Алисы, которой не хотелось оставаться одной.

— Эй, подожди...

***

В лёгкой ветровке поверх формы и с лёгкой сумкой на плече Славяна вышла всё через ту же калитку, без скрипа и стука прикрыла за собой. Сумерки, тишина и одиночество. Запахи влажной от вечерней росы травы и сосновых игл. «Бегаю теперь сюда, словно на учёбу ежедневно», подумала она мимолётно и не смогла сдержать улыбки.

Первая половина прошедшего дня улетела в никуда, но на вторую забот хватило с избытком. Дежурство, помощь на складе, неременная уборка. Чем ближе был вечер, тем сильнее она ощущала непривычное раздражение от того, что он так долго не наступает. Хотелось... она бы не смогла ясно сформулировать, чего. Бросить все дела и уйти бродить по лесу? Она странно ощущала себя после короткого общения с рыжей. Словно шла по зеркальному лабиринту, подсвеченному ярким прожектором. Хаос ярких бликов и подвальных теней. День и ночь проникли друг в друга, но в сумерки, наподобие окружающего леса, не погрузились.

— Нарушаем, Феоктистова? — голос за спиной совместился со скрипом калитки. Девушка вздрогнула, оборачиваясь. Подошедшая почти вплотную Алиса ехидно скалилась. Инструмент на плече, тёмная слишком широкая куртка нараспашку и под ней всё тем же легкомысленным узлом завязанная форма. Славяна припомнила свои ночные прогулки на озеро и смущенно пожала плечами, решив не отвечать на подколки.

— Надо будет веток набрать...

Возле лагеря была официальная, если можно так выразиться, костровая поляна. Круг громоздких, покрытых многослойной копотью, валунов в центре, вокруг — сидячие места в виде толстых лишенных коры брёвен. Место, куда привела Славяну Алиса выглядело совсем не так: почти квадратная небольшая полянка посреди тёмного леса, размером не сильно больше обычной комнаты. Потолок густого синего оттенка и мебель в виде пары мшистых чурбанов. И пятно прогоревшей золы возле. Алиса небрежно швырнула в пятно прихваченное по пути полено, Славяна сбросила сверху набранные сколько рук хватило сухие сучья.

— Спички есть? — спросила Алиса хрипло. Славяна молча залезла в сумку и погромела полным коробком.

— Только дров мало, прогорят быстро... — проговорила она озабоченно.

— Ты разожги, а потом добавим.

Алиса опустила на чурбан, одернула на коленях юбку и принялась настраивать инструмент. Шуршала бумага, потом захрустели ломаемые ветки. Краем глаза Алиса видела, как её спутница застегнула куртку доверху, не желая пачкать форму золой, закутила свои вечные косы в узел на

затылке и принялась разжигать и раздувать. «Аккуратистка...», подумала Алиса почти беззлобно. Некстати вспомнилось, как она сама неуклюже подпалила на газовой конфорке слишком длинную прядь. Это было года три назад, тогда Алиса ещё носила длинные волосы. И смотрелась в зеркале рыжей, веснушчатой и тощей жердиной. Грудь совершенно расти не хотела. Сейчас тоже не особо, правда, если со Славяной сравнивать, вот уж у кого идеальная фигура...

Обладательница идеальной фигуры распрямилась. Костёр перед ней трещал и шипел, разгораясь на глазах, и чем ярче он становился, тем глубже проваливались во мрак лес вокруг и небо, пока не остался только подрагивающий оранжевый круг на земле, окружённый беспросветным ничто. От огня пошёл ощутимый жар и они почти синхронно расстегнули куртки. Славяна подсела к созданному ей огню, протянула руки к живому фонтану искр. На лице её обозначились глубокие тени, фактически, большая половина ушла в тень, оставив словно бы портрет из светлых лоскутов, наклеенных на чёрный бархат. Славяна поймала взгляд Алисы, доброжелательно улыбнулась ей и странный образ пропал.

— Сыграешь?

— Д-да... сейчас настроюсь... — под внимательным взглядом из тени Алиса ощущала непонятную неловкость.

«Сейчас бы выдать... А эта правильная активисточка скажет, что играю я чушь собачью. Надо было не звать... ладно.»

Алиса тряхнула волосами, присмотрелась-приморгалась к огню, отрешаясь от чужого присутствия. Пальцы сами перебрали нехитрые три аккорда и Алиса запела самую простую, зато пригодную для любых зрителей, походную песню. Три аккорда, два куплета, на втором голос чуть сорвался, проигрыш в финале с затуханием... Ничего особенного. Но Славяна радостно улыбалась и негромко зааплодировала.

— Ну как? — первый номер всегда давался Алисе сложнее прочих, а тут ещё эта... Нижняя челюсть ощущалась как не родная и в глотке было неприятно сухо.

— А я её знаю... В походе пели. Но ты намного лучше играешь, правда! — проговорила Славяна торопливо.

— Ага... спасибо... — похвала была приятна, Алиса постаралась улыбнуться в ответ и закашлялась.
— Нет, это надо...

Оборвав фразу, Алиса полезла в глубокий внутренний карман куртки.

«Заложит... да и пофиг!»

На свет костра была извлечена обтянутая коричневой тканью алюминиевая армейская фляга. Зажав подмышкой гитару и нарочито не глядя на зрительницу, Алиса свинтила поцарапанную пробку. Аккуратно приложила, сдерживая рефлекс. Горячий как костёр комок опалил глотку, растёкся по пищеводу проникая глубже. Алиса выдохнула. В груди потеплело и стальные зажимы на плечах и шее стали заметно слабей.

Ну да, как и следовало ожидать... Активисточка сидела прямо аки суслик и рассматривала её круглыми глазами. Связался чёрт с младенцем.

— А что это? — спросила Славяна вздрогнувшим голосом.

— Не бойсь. Там не сорок градусов. А то... — Алиса недобро прищурилась, — беги, тряси Панамку, закладывай...

— Нет-нет-нет, я не буду, просто... Где ты добываешь, в лагере ведь запрещено?

— Уметь надо! — прищур Алисы неуловимо сменился с угрожающего на лукавый. — А насчёт запрета, так мы сейчас не в лагере, верно?

Активисточка ничего на это не ответила и Алиса взяла первый аккорд. Тепло из желудка плавно растекалось в пальцы рук и ног, в грудь, в голову. Вторая песня. Романтическая тема и пара довольно рискованных рифм.

Славяна уже в который раз облизнула губы. Резкие гитарные аккорды совмещались с сердечным ритмом, выбрасывая каждый раз в груди залп щекотных иголок, хаотично разлетавшихся по всему телу. Отсветы костра превращали рыжую причёску Алисы в огненную медь и сама она смотрелась отражением пламени. Тёплая ночь вокруг, тишина, нарушаемая редким стрёкотом забывших уснуть кузнечиков. И хриловатый голос в центре оранжевого круга.

То, как Алиса достала флягу, Славяну удивило, конечно. Но не слишком сильно. В её образ это вполне укладывалось.

«Ничего страшного, я прослежу, чтобы она не напилась...»

Песня завершилась и девушка захлопала в ладоши.

— Замечательно, мне очень нравится. Очень! — похвалила она. На самом деле, состояние у Славяны было — вскочить и пробежаться вокруг поляны. Она не находила места рукам, то прятали их между коленей, то скрещивала на груди. Зуд в ладонях, пятках, плечах, непонятный, хотя не сказать, что неприятный.

— Ну здорово! — Алиса положила гитару на колени и вновь потянулась к поставленному под ноги «сосуду веселья». А Славяна... телесные иголки вдруг все разом устремились вверх, заставив девушку подняться и сказать то, на что она ещё несколько часов назад точно бы не решилась.

— Алис... дай мне тоже...

На самом деле, она пробовала спиртное раньше. В большой комнате над заставленным столом нависали слои табачного дыма, голоса возрыдали и переругивались. Поминали кого-то из отцовских сослуживцев. Славюшка, едва переросшая стол и по взрослому целеустремлённая, подошла и цапнула с краю рюмку. Потом была ругань, обжигающее ощущение в глотке, обжигающее чувство стыда. А ещё потом было очень плохо.

Славяна приняла протянутую удивлённой Алисой открытую флягу, принялась нерешительно. Пахло резко, но не противно, то ли ягодами, то ли травами какими-то. Помедлив, она приложила алюминиевую резьбу к губам и запрокинула голову. Большой глоток и раскалённый пузырь лавы обрушился вниз, глотка и язык разом онемели. Славяна, сгибаясь, зашлась кашлем, в уголках глаз пробились слёзы. Резким движением она возвратила флягу владелице.

— Ничего? — спросила та обеспокоенно. — Много ты слишком сразу.

— Н... ничего... — Славяна выдохнула, прислушиваясь к ощущениям. Жжение во рту утихло, а бегающие по телу иголки словно бы стали одна за другой превращаться в быстрые яркие звёздочки. И такие же хитрые огненные звёздочки заплясали в глазах Алисы.

— Ну, теперь пойдёт веселье. — Алиса тронула струны. — Присаживайся...

Славяна не раздумывая опустилась прямо на землю, поближе. Алиса начала неторопливый мелодичный проигрыш, совершенно непохожий на предыдущие.

— Эту ты точно нигде слышать не могла, — пояснила она скороговоркой и, понизив голос и опустив лицо, негромко запела:

Кошка хочет курить

У кошки намокли уши

Кошка хочет скулить

Ей как и собаке хоть кто-то да нужен

Над кошкой плывут облака

Московские звезды щекочут лапы

Хотя бы немного молока

И можно быть сильной...

Алиса сделала паузу, набирая воздуха побольше и ударила по струнам, заставляя ночь звучать острей.

Но нужно быть слабой!

— О-о-о-ой-ёй-ёй, это припев такой, — вновь пояснила она скороговоркой, — о-о-о-ой-ёй-ёй, о-о-ой-ёй-ёй, о-о-ой — но нужно быть слабой!!!

Алиса начала второй куплет. Славяна смотрела снизу вверх, слегка раскачиваясь в такт музыке. Незнакомые строки рвались в темноту. Звёздочки-иголки рвались наружу, окружая их с Алисой словно бы застывшим в пространстве фейерверком.

— Кошке плевать на духи, она хорошеет с годами! Снова припев, подпевай давай! — воскликнула Алиса. — О-о-о-ой-ёй-ёй...

— О-о-о-ой-ёй-ёй, — неуверенно подтянула слушательница.

— О-о-громче-ёй!!!

— С годами!!! -закончили два голоса, хриплый и звонкий.

— Здесь длинная сольная партия должна быть. Но для неё электрогитара нужна... — Алиса закончила песню длинным витиеватым перебором и резко прихлопнула струны. — Вот так!

Славяна, с горящими щеками и влажными ладонями вдруг вскочила и быстрым движением поцеловала Алису в уголок губ.

— Эй, ты чего это... — та, вздрогнув, отстранилась.

— Просто ты... — Славяна взволнованно всплеснула руками, — так потрясающе поёшь. Так... играешь... я не знаю, как выразить!

Алис смотрела в её сверкающие возбуждением глаза. Уши потеплели и губы сами собой растянулись в улыбке. Она потянулась за почти ещё полной фляжкой.

— И мне!

Ещё по глотку. В сумке обнаружили завёрнутые в «Правду» бутерброды. На благодарное удивление жующей Алисы хозяйка бутербродов ответила коротким смешком и ехидным «уметь надо». Настроение было превосходное.

Сторонний наблюдатель, окажись он посреди тёмного леса спустя некоторое время, не слишком большое, но и не маленькое, смог бы разглядеть сквозь заросли догорающий костёр и двух девушек, светленькую и рыжую. В одинаковых светлых рубашках с расстёгнутыми воротничками, они сидели бок о бок на одном чурбане и вразнобой выводили в небо:

— На по-оле танки грохо-та-а-али, солдаты шли в последний бой, а ма-ла-дооого команди-ира несли с простреленной...

— С оторванной!

— Я и пою... с оторванной... второй...

— Что оторвали-то? — переспросила, давась смехом, Алиса.

— Всё! — разгоряченная Славяна вскочила на ноги. — Сыграй ещё, Алис!

Алиса, подхватив инструмент, выдала длинный ритмичный перебор и Славяна, раскинув руки и покачиваясь, пошла вокруг костра в импровизированном танце. Шаг, другой, разворот, руку в бок, изогнуть бедро, выгнуть спину, запрокинуть голову и закружиться так, чтобы освободившиеся длинные косы закутились лопастями взлетающего вертолёта...

— Эй-эй-эй, — Алиса рывком отставила гитару и со смехом вскочила. — Ты в костёр не упали, вертушка.

Кружащаяся Славяна по инерции завернула вокруг неё, ноги запутались и на полуторном шаге их повело в сторону и вниз. Мшистая почва и щекотный вереск приняли их, они лежали и смеялись пьяно и беззаботно в лицо друг дружке.

Славяна видела лицо Алисы близко. Предельно близко. Неверный оранжевый свет скрывал черты, глаза блестели. Голова кружилась от танца и алкоголя. Пахло дымом... и Алисой. Пот, музыка, кожа и немного табака. Всё, что дергало её в разные стороны весь день, все волны и импульсы в теле внезапно собрались в один сильный и она потянулась вперёд.

Дыхание Алисы было горячим, а губы — холодными.

— Славь... ты ч... — Алиса была поражена, она попыталась их остановить. Но Славяна вновь закрыла её губы своими, жаркими и мягкими, обхватила Алису за лопатки, прижимаясь.

Опыт поцелуев у Алисы, конечно, был. Тусы, подъезды, хаты... портвейн, сигареты... И поцелуи, куда ж без них, заходить дальше она не позволяла. Неумелые и резкие. Или умелые и грубые. Славяна была неумелой... и нежной. Осторожные, словно спрашивающие позволения, пробующие на вкус прикосновения были приятны. Сверкающие глаза как горячие льдинки. Аромат тела дразнил и возбуждал. И Алиса сдалась, приоткрыла губы, расслабляя и впуская в себя дыхание и

вкус слюны. Расслабление жаркой волной толкнулось в плечи, грудь, живот и пошло ниже.

— Не так... языком... — прошептала она. И начала первой.

Язык Алисы, длинный, скользит внутри рта Славяны. Шершавинки и бугорки, вторжение, которому хочется поддаваться. Славяна встретила её язык своим, словно обняла. Сердце колотилось всё ускоряясь, она не различала, чьё из них стучит. Во всех частях тела словно натягивались нити, сходящиеся в одной точке, там, внизу, где она трогала себя, представляя... Славяна опустила руки ниже и полезла Алисе под одежду, впиваясь в её губы сильнее и требовательней, выталкивая язык своим. Ладони на талии Алисы, на боках, Славяна продвинулась вперёд, переваливая Алису на спину, вечный узел на рубашке расслабился и поехал в стороны, когда Славяна дотянулась обеими руками до груди. Твёрдые соски уткнулись ей ладони. В животе и между ног пробудился вулкан, извергающий раскалённую лаву, свело от желания бедра, колени, сами поджались пальцы на ногах. Славяна приподнялась, глядя лежащей Алисе в лицо и растягивая её рубашку в сторону, прижимая её плечи к земле. Грудь Алисы с тёмными сосками перед ней. Прижаться бы, захватить губами...

— Славь, тебе пить нель... — проговорила Алиса со осторожным смешком.

— Я знаю.

— Славь, ты ненор...

— Я ЗНАЮ!

Желание немедленно раздеться стало невыносимо острым, Славяна отпустила девушку, ухватила подол своей рубашки и потянула вверх, вырывая пуговицы из петель.

— Эй-эй, ты чего... — Двачевская, красная и тяжело дышащая, рванулась словно лопнувшая пружина и схватила Славяну за обе руки. Вывернувшись из захвата её бедёр и села, спешно запахивая на груди одежду. — Стой. Я не такая...

Славяна, со стеклянными глазами и приоткрытым ртом потянулась за ней словно в трансе, но Алиса ловко отползла по земле на пару шагов, поскорее застёгивая пуговицы.

— Славя, ты крышей съехала или как? В себя приди...

Славяна ощутила себя так так, словно её с размаху ударили по лицу. Или в живот. Стыд и ужас поднимались внутри как мутный кисель, вытесняя все прочие чувства.

— Прости, — проговорила она, едва не плача. — Извини, пожалуйста...

— Да ну... хватит, пора возвращаться. Концерт окончен! Я и подумать не могла...

Алиса вскочила, одёргивая и поправляя одежду и ринулась собирать вещи и раскидывать почти до нуля прогоревшие ветки. С силой, с силой втаптывать тлеющие угли во влажную землю, пока те не погасли окончательно. Стало темно. Алиса ощутила на лице ночную свежесть, втянула запах дыма. Привкус Славяны на губах улетучивался понемногу, становясь всё эфемерней, как воспоминание о прошлогоднем новогоднем празднике.

— Алис... — зыбкий в сумраке силуэт Славяны поднялся. — Прости. Пожалуйста.

Девушку повело в сторону и Алиса была вынуждена подскочить и подхватить её свободной рукой. На другой висели разом куртки, сумка, гитара.

— Ты долбанутая! — цедила Алиса сквозь зубы, удерживая за двоих равновесие. — Куда так нажираться? Не умеешь ни х... так нечего выделяться...

— Прости... — повторила Славяна совершенно трезвым голосом. — Я просто сама не знаю.

— Идти-то сможешь? Не знала она...

***

В домике царили тишина и порядок, прикрытые уютным флером сороковаттной лампочки. Женька в майке и коротких домашних шортах сидела на кровати, подобрав под себя голые ноги. С неизбежной как восход солнца толстой книжкой на коленях.

Библиотекарю — библиотекарёво.

Чтение романа не особо продвигалось, Женька больше поправляла очки и накручивала на палец короткий тёмный локон. Отсутствие соседки её беспокоило. Занятая Славяна, конечно, часто приходила поздно, Женька в её важные дела не лезла. Но не до такой же степени!

Входная дверь заскрипела.

— Женечка, я дома! — Славяна захлопнула дверь, швырнула в угол сумку, резкими шагами прорвалась до кровати и опёрлась на спинку. Форма её была в полном вопиющем беспорядке, щёки и лоб сияли всеми оттенками розового, губы выглядели распухшими.

— Долго ты... — соседка покосилась на неё, присмотрелась. И замерла в изумлении. Рот её приоткрылся треугольником, глаза за толстыми стёкла расширились.

— Ага. Попить бы водички... — Славяна рывком перебросила тело к столу и вцепилась в большую кружку. Женька с коротким хохотком, похожим на крик совы, слетела с места, бросив книжку.

— Славя, да ты что? — она всмотрелась ей в глаза, ставшие из прозрачных глубокими как синие омуты. словно кто-то поднял придонный ил, замутил ясную чистоту и со дна пошли подниматься, лопааясь на поверхности, разноцветные пузырьки. Смеяться и шутить Женьке как-то резко перехотелось

— Хорошо я, хорошо... Спать только хочу...

Славяна шумно допила воду, пошатнувшись, стукнула кружкой об стол и прямо перед Женькой принялась избавляться от верхней одежды. Осталась в светлом лифчике и трусах. Кожа её была тоже насыщенно розовой, от Славяны несло жаром глубокой сухой пустыни и запахом дыма. Она завела руки за спину, расстёгивая замок и Женька смущенно опустила глаза.

— Да-да, ложись, конечно...

Лифчик улетел, небрежно повиснув на спинке стула. А Женьку осенило.

— Я на линейке скажу Ольге... Дмитриевне, что у тебя проблемы... — она стеснительно провела ладонью по низу живота, — по этой части...

— Женечка, ты лучшая! — Славяна со смехом притянула её к себе и чмокнула в нос.

Женя с пылающими ушами и колотящимся сердцем смотрела, как соседка, заскрипев пружинами, укрылась простынёй и завозилась под ней, явно избавляясь от последней детали гардероба. Потом неслышно отступила на свою половину домика и погасила свет.

Славяна в темноте потянулась под тонким покрывалом. Пьяной она себя не чувствовала совершенно. Спать тоже совершенно не хотелось. Но объясняться с Женькой хотелось ещё меньше. Во всём теле ежесекундно расцветали и лопались оранжевой пылью крохотные цветы. Губы, грудь зудели, в животе словно бы крутился с бешеной скоростью цветной калейдоскоп. Откуда-то со дна фонили стыд, неловкость и понимание того, что придётся как-то объясняться, заново просить прощения, но всё это забивалось ярким вихрем чувств. Она и не подозревала, что её тело способно выдавать такие ощущения...

«Завтра, это всё завтра...»

Славяна не заметила, в какой точно момент бегущие в голове лёгкие волны стали плавными и тяжелыми. Голова её завалилась на подушке вбок, грудь мерно поднималась и опускалась. Славяна спала.

Растревоженная Женька на соседней кровати уснула намного позже.

День четвёртый. Точка невозврата

Восприятие включилось не вдруг и неохотно, словно заедающий механизм протяжки ленты в магнитофоне. Веки медленно разлепились. В поле зрения оказался край серо-белой наволочки, а дальше и выше всё словно расплывалось. Алиса приподнялась и сразу же поморщилась — вдоль позвоночника от ямки на затылке и вверх голову словно проткнули толстой иглой. Тело ощущалось очень сухим и очень грязным. Алиса перевернула подушку, с неприязнью отдернув ладонь от влажного пятна натёкшей ночью слюны, улеглась на спину, покатила со стоном влево-вправо забубенную рыжую голову.

Сквозь вымытое стекло проникал серый свет, дававший понять, что утро сегодня выдалось облачное. А может и не утро, может день. Простой возможности проверить не было. Кровать напротив была пуста и довольно-таки небрежно заправлена. Стало быть, Улька уже проснулась и ускакала. Алиса надеялась, что хоть не вечер. Не настолько много было выпито. Она потёрла лицо, ощутив под левой ладонью рубчатые отпечатки от наволочки.

«Опять я линейку профилонила... да и насрать.» Алиса вновь скрипуче застонала, приподнялась и села в кровати, уложив на твёрдые колени голову. Названная часть тела немного прояснилась, но лишь для того, чтобы заполниться тяжелыми мыслями. Она припомнила, как вела-несла-тащила Славяну через темнящий лес, изо всех сил стараясь не грохнуть об дерево гитару, не уронить жертву алкогольного отравления, да и самой не завалиться где-нибудь нечаянно. Славяна поминутно то ясным голосом просила её извинить, а то жаловалась на то, что «ноги совершенно не держат». Вообще, у Алисы осталось подозрение, что не так уж активистка и пьяна была. Точно уж, что «активистка», активней не придумаешь!

«И что такое было вчера?»

«Я целовалась с... другой девушкой...»

За неимением лучшего собеседника Алиса часто разговаривала сама с собой, благо этого собеседника можно было не стесняться. И не бояться осуждения и непонимания.

«Целовалась? Это теперь так называется?»

«А что тогда?»

«Вообще-то, дорогуша, тебя вчера ночью чуть не изна...»

«Чуть не «изна» ЧЕМ? Что за глупости?»

«Глупости, значит? Может ещё скажешь, что тебе понравилось?»

«НЕТ. Я не извращенка. А Славка была просто пьяная в жопу и ничего не соображала.»

«Тебе понравилось.»

«Мне никак не может такое понравится, поняла?! Заткнись уже!»

Алиса почувствовала, как мелко дрожат грудная клетка и нижняя челюсть, знакомые признаки нервного напряжения. В теле словно воздвигли многометровой высоты плотину и плотина та сейчас удерживала напор океанического цунами. Она спрятала под колени ставшие вдруг ледяными руки и приказала себе успокоиться. С выполнением приказа как-то не заладилось.

— Доброго, чего киснешь?

Вопрос дошел до Алисы чуть раньше звука артиллерийски хлопнувшей двери. Улька-Ходячее-Бедствие ворвалась в домик, на ходу раздёргивая узел на галстук. Выражение на её мордахе было как и всегда шкодливо-недовольное. «При полном параде выходила, значит на линейку, значит утро ещё», подумала Алиса механически, а вслух ответила неперемное.

— И тебе не злиться.

— А Олька про тебя спрашивала, я сказала, у тебя живот болит сильно. Из-за этих дел... Чего мрачная такая? Опять в одиночестве глаза заливала? — не переставая тараторить девчонка разделась, швырнула форму на стул и рывком взбаламутила постель, выскывая любимую красную футболку. Заниматься повседневными делами в форме Уля отказывалась наотрез.

— Есть пойдешь хоть? Или не полезет... — она выпростала башку из воротника и уставилась на Алису с растущим беспокойством. — Может водички налить тебе?

Алиса невольно улыбнулась и ощутила, как нервный колотун отпускает её. От болтовни Ульки

сердце под рёбрами стало мягким и тёплым. Думать про Славяну ей не хотелось. Разбираться с собой — тоже. Хотелось выползти наконец из домика и пойти позавтракать.

— Чего ты молчишь-то всё?

— Спасибо, Улька, — Алиса покосилась на мелкую подружку и с усилием подмигнула ей. — Встаю.

***

— Славь...

— М-м-м... Жень...

— Славя!

В невнятные сонные грёзы ворвалось чувство необходимости. Необходимость требовала и домогалась. Славяна резко приподнялась, но, ойкнув, смогла только опереться на локоть и повернуться на бок. Из желудка вверх толкнулось неприятное и невкусное. Губы пересохли и запеклись, в уголках глаз скопилось что-то грязное. А воплощением Необходимости оказалась соседка по домику Женья, только что потрясая спящую Славяну за плечо.

— Ты линейку пропустила... — будившая была в форме, кровать её — застелена. Женька присмотрелась сквозь толстые линзы и брови её вздёрнулись домиком. — Ну как ты, проспалась?

Славяна потрясла головой. Предметы в поле зрения расплывались, Женька выглядела размытым силуэтом. Застонав, девушка заставила себя сесть, голова закружилась, простыня съехала по груди вниз...

«Я что, гол...»

Она рванула ткань обратно, прячась. В лицо и шею прилетела смесь кипятка и жгучего перца, когда в памяти разом всплыли детали вечернего возвращения домой. Женька закусил губы, но надолго сдержанности не хватило и она скрипуче расхохоталась.

— Жень, ну ладно тебе, — воскликнула Славяна, пытаясь спрятать стыд за возмущением. Ей было очень не по себе.

— Ну ты... выдала вчера... — Женька отошла к идеально чистому столику перед чистым окном и, упершись ладонями в столешницу, затрясла головой от подавленного смеха. — Что это такое было?

— Жень!

— Ладно-ладно, оденься, я не смотрю.

О том, что уходя рано утром она подняла сброшенную на пол простыню и накрыла свою компаньонку, Женька, поразмыслив, решила не рассказывать.

Едва Славяна успела натянуть на себя хоть что-то из одежды, а её распираемая любопытством соседка — крутануться волчком и задать первый вопрос, как хлипкая дверь затряслась под мощными ударами снаружи. Зеленоглазый и подтянутый карающий меч, он же от чего-то там кого-то оберегающий силовой энергощит, он же просто вожатая Оля по прозвищу Панамка.

— Какая-то эпидемия сегодня! — рявкнула она вместо приветствия — Славя! Тебе в медпункт надо! Ходила?

— Ладно, я пожалуй, пойду на завтрак... — спрятав в последнем слове смешливое фырканье, Женька выскользнула за дверь.

— Иди-иди, — бросила Ольга не оборачиваясь. Зрочки её бегали, буквально ощупывая лучшую пионерку первого отряда. Лучшая пионерка, полуодетая, вжалась спиной в стенку и угол кровати и вид имела самый несчастный. Ольга немного сбавила напор.

— Температуры нет ли у тебя?

— Мне уже лучше, Ольга Дмитриевна, — это было чистой правдой. — Но я непременно схожу.

А вот это правдой уже не было. Славяна понимала, что медсестра Виола за минуту выяснит: недомогание лучшей пионерки ничего общего с гормональным циклом не имеет.

— Сходи непременно. — Ольга по-хозяйски прошлась по домику, бесцельно трогая предметы мебели, потом подтянула ногой табурет и уселась, не отрывая от Славяны внимательного взгляда. — Ладно, я чего спросить хотела: как у тебя с Двачевской?

Славяна опустила глаза. Врать было неприятно до спазма в горле.

— С Алисой? Н-нормально...

«Вчера полночи вместе пили самогонку, пели песни, а потом...». Славяна потёрла пальцами переносицу, переживая приступ головной боли.

— Перевоспитывается... втягивается в общественную деятельность...

— Да? — в голосе вожатой пронеслась тень удивления. — Ладно... продолжай тогда...

Её запал уже догорел, но взрываться было особо нечему.

— Сходи поешь... — проговорила она уже без нажима, но с искренним беспокойством. — Или... принести тебе?

— Я сама.

Оставшись в одиночестве, Славяна привела себя в порядок, но довольной не осталась. Она открыла шкафчик и придирчиво уставилась в зеркало на внутренней стороне дверцы. Воротник мятый, губы в сухих корках, в глазах красные прожилки, волосы тусклые.

«Как меня такой Алиса увидит? Нет, почему я должна из-за этого волноваться? Я просто не знаю, как с ней разговаривать? Может, сделать вид, что ничего не было? Поздороваться и пройти мимо?»

Продолжая рассуждать сама с собой, она покинула домик. Горн, собирающий пионеров на питание, уже прозвучал и по дорожкам к столовой сползались страждущие. Трижды в сутки лагерь превращался в физически невозможный магнит с единственным полюсом притяжения.

Славяна выпала из общего поля, аппетита у неё этим утром не было совершенно. Но питаться необходимо, так что... И Алиса там будет...

«Пожалуй, выберу место поближе, сяду напротив и погляжу как она себя поведёт. Просто погляжу», — приняла она решение. И в эту минуту на периферии зрения предупреждающим знаком полыхнули две вспышки — медная и алая.

«Она с Ульяной!!!»

Славяна дикой кошкой метнулась за ближайший куст, пригнулась и застыла. Ветки шуршали и кололи спину. Она осторожно выглянула: две яркие фигуры, высокая и пониже, удалялись прочь. Не заметили. Выяснить отношения с Алисой в присутствии язвительной мелкой подружки Славяне совершенно не хотелось. Она перевела дух и вновь ощутила неприятный зуд грязных волос и прочих частей тела.

«Позавтракаю позже...»

На правах помощницы вожатой Славяна всегда носила при себе мастер-ключ от всех помещений. Сейчас она впервые воспользовалась им в личных целях: отомкнула пустой блок душевых и шкафчик с общими средствами гигиены. Напор был не ахти какой, но это была чистая вода.

Стоя под лейкой и чувствуя, как стучат по макушке и стекают по длинным волосам теплые струи Славяна ощутила, что чувство стыда и беспорядка в душе понемногу отступают.

***

Столовая, как и в любое другое утро была переполнена детьми всех возрастов, хаос разнокалиберных голосов смешивался с запахом слегка подгоревшей пшённой каши. Проблем для себя Алиса не видела: один злобный прищур янтарных глаз и примерившаяся к удобному месту парочка сопляков исчезла, как и не было. Алиса разместилась со всем возможным удобством и кивнула Ульяке на место рядом. Привилегии старослужащих и их друзей не должны подвергаться сомнению!

Алиса проглотила ложку неизбежной каши и лениво оглядела столовую. Лица-лица-лица сливались в неразборчивую мешанину, какофония болтовни... Вторая ложка. Алиса снова пригляделась к толпе сидящих-жующих, чувствуя непонятное неопределённое раздражение. Рядом болтала беззаботно с набитым ртом о своём важнейшем Ульяка. Третья ложка что-то совсем не пошла и Алиса вцепилась в кружку забодяженного сгущённой кофе.

— Да ты совсем меня не слушаешь! — пробилась, наконец, к ней Уля.

— Чего?

— Я говорю — белобрысой нет. Не припадет она тебя сегодня, можно будет...

Алиса снова отвлеклась. Она сообразила, что её так тревожило. Она от самого входа высматривала в разнородной толпе пару золотых кос. «Уж не плохо ли ей совсем после вчерашнего... да какая мне-то разница...» Алиса вдруг разозлилась разом и на себя и на Славяну, пить не умеющую, а туда же лезущую, и особенно на трещащую рядом доставучую Улю.

— Завались уже, голова раскалывается!

Девчонка замолчала так резко, словно кашей подавилась.

— Ну и ладно... — Уля обиженно надула губы, в три замаха проглотила остаток своей порции и куда-то испарилась. Бросив грязную посуду на столе.

Аппетит так и не пришёл в гости. Бросив недоеденное, Алиса прошла сквозь жизнерадостную мелкоту как ледокол сквозь масло, посидела на скамейке. Послониалась бесцельно перед крыльцом столовки, щурясь на яркое солнце. Наконец, плюнула на всё и, сложив гордость восемь раз и сунув поглубже, устремилась к обитель аскезы — домик Славяны и книжного червя Женьки. Если бы сторонний наблюдатель стоял тогда у столовой, он бы заметил, что с первой она разминувшись совсем немного. Славяна, блистая чистой рубашкой и заново заплетёнными тугими косами постучалась в пищеблок с заднего крыльца и без проблем перекусила в пустом зале. У активистов и особенно, активисток тоже есть свои привилегии.

***

Оранжевый привет от солнца мазнул, напоследок, по высокому лбу всё так и стоявшего на площади Деятеля и по лагерю поползли, всё разрастаясь, прозрачные голубые и сиреневые тени. С реки потянуло сыростью, из леса — густым духом хвои и медовых трав, в лагере волны запахов столкнулись и смешались в коктейль такой духовитости и плотности, что кружилась голова и хотелось упасть на спину и лежать раскинув руки. Вечер. Лучшее время для романтических объяснений и драматических расставаний. До следующего утра.

Алисе очень хотелось завалиться где-нибудь на спину и так лежать. Начиная с утра она ощущала себя бесстыдно обманутой в самых лучших чувствах. Переступила через себя, поплелась как дура оказывать моральную поддержку страдающей от жестокого похмелья Феоктистовой — а домик оказался пуст. Прикрыв кое-как обиду салфеткой с вышитой надписью «не очень-то и хотелось», она окопалась в собственном обиталище, вооружилась гитарой и занялась подбором аккордов. Вернее, попыталась заняться. Врезающиеся в пальцы струны поминутно вызвали врезавшийся в память облик танцующей Славяны. Так легко, так открыто. Алиса понимала, что сама даже нетрезвая давно не позволяла себе быть такой. Вот и расслабилась настолько, что... Она осознала уже в пятый раз, что сидит кинув руки поверх молчащей гитары и отрешённо созерцает стенку. Пустые руки, пустое пространство в душе и в пустоте образ Славяны, прижимающей её локти к земле... НЕТ!

На обеде златовласка тоже не появилась и вот тут Алиса забеспокоилась уже всерьёз. Кусок не лез в горло. Улька дулась и с Алисой не разговаривала, вместо этого она подседа к какому-то незнакомому пареньку. Чтоб немедленно воспользоваться его рассеянностью и свистнуть из чужой тарелки котлету. Алиса даже на секунду развеселилась, любуясь спектаклем «Ульянка и тупой новичок», вырвалась из водоворота бессмысленной тревоги. Но её тут же потащило обратно.

«Где шляется чёртова белобрысая дурища!»

«Да какое тебе дело до неё? Ешь давай и занимайся своими делами!»

«А если её совсем скрутило? И она лежит где-нибудь в кустах без сознания?»

«Ещё скажи — кровью истекая...»

«Тьфу!»

Предположив, что Славяна находится в медпункте, Алиса долго наматывала вокруг небольшого здания восьмёрки и петли, но зайти так и не решилась. Она словно слышала язвительный и холодноватый тон медсестры Виолы: «а зачем тебе Феоктистова, пионерка? Может хочешь...» Услышав такое, Алиса точно бы раскроила голову о ближайший угол. Неизвестно, правда, чью.

На ужине стерва-активисточка тоже не появилась.

Алиса впервые в жизни пожалела, что у неё нет никакой общественной нагрузки. Чтоб побольше суеты, возни с мелкотой, возни с барахлом, загрузить голову и руки до предела и упасть от усталости. Проходя по краю площади она с тоской глянула на знакомый железный ящик с мётлами. Ящик был надёжно закрыт и никто не подымал прутьями пыль.

«Вот бы нормальную близкую подругу, сейчас присели бы на задворках, закурили и можно было бы выложить всю историю как на духу? Улька хорошая, но слишком мелкая для таких вопросов...»

Алиса брела по дорожкам, среди домиков, деревьев, самопальных цветочных клумб. Попадавшиеся навстречу пионеры аккуратно уступали ей дорогу. Репутация это такая вещь. Она немало потрудилась над тем, чтобы бесполезные и глупые люди не докучали ей, но сегодня и здесь ей отчего-то было одиноко и больно. Желая изгнать это чувство прочь Алиса нахлёстывала и накручивала себя, пока от злости не заболели зубы. Злости на этот идиотский лагерь, на этот бессмысленный день, на эту глупую чистенькую блондинку. Алиса всё шла и шла не глядя, куда её несут ноги, пока не обнаружила перед собой окружавшую лагерь стену. Она огляделась и поняла, что ноги привели её к известной калитке.

«Взять и сбежать отсюда! Но сперва перекурить...»

Удачно свистнутая на некоей вписке импортная зажигалка сама легла в руку, Алиса крутанула колёсико и осторожно затянулась. Да, так намного лучше. Хорошо, когда никто не мешает. Она привалилась к шершавой, уже начинающей остывать после дневной жары кирпичной стенке, затягиваясь второй раз. Напряженный мозг понемногу отпускаяло. Третья...

Алиса чуть не подавилась дымом. Из прохода среди высоких кустов внезапно появилась Славяна. Всё такая же спокойная, прямая и с прежней сумкой через плечо. Алиса поспешно отшвырнула сигарету. Спрятавшаяся было бессмысленная злость вновь высунула из норы ядовитую голову.

— Ты меня специально ищешь нотации читать? — процедила Алиса сквозь зубы вместо приветствия.

— 3-здравствуй, — Славяна выглядела обескураженной. — Алиса, ты...

— Я тебя весь день найти не могла!!! Ты где пряталась?!

— Нигде...

Славяна и правда не пыталась прятаться. После душа и завтрака она придумала себе необходимость навести порядок на складе и зарылась в эту важную работу на весь день. Она не хотела признаваться себе, что рада оттянуть подольше возможную встречу с Алисой. Девушка с ног валилась от усталости и решила выбраться на свое заветное озеро. И вот оно как получилось...

— А ты что здесь делаешь? — попыталась Славяна перехватить инициативу. — Опять куришь...

— Тебя спросить забыла!

— Но ты ведь знаешь, что это вред...

— Да уж кто бы говорил?! — Алиса чуть не задохнулась от возмущения. — Сама-то что прошлой ночью устроила?

— Я... — Славяна вспыхнула и даже пошатнулась подрубленной под корень берёзкой. — Я... пойду, пожалуй, извини...

Она начала отворачиваться, но Алису словно взрывом сорвало с места.

— Нет уж, куда ты не пойдешь!!!

Сознание затопила черно-багровая муть и в поле зрения всё поплыло. Алиса больно схватила Славяну за локоть, с силой разворачивая к себе.

— Никуда ты... Пока не объяснишь, что на тебя... нашло.

— Да ничего... на меня на нашло! — заорала в ответ Славяна упираясь Двачевской в плечо свободной рукой и выворачивая локоть из цепких пальцев. Тренированная Славяна была ничуть не слабее Алисы. — Отпусти, идиотка!

— Сама идиотка, такое устраивать, ты ненормальная! — Алиса развернула её и перехватила у основания толстую упругую косу, сдавила и потянула. Славяна взвизгнула от боли, вынужденная запрокинуть голову, она продолжала отталкивать Алису от себя. Столкнулись два пронизывающих взгляда, голубой и янтарный. Вцепившиеся друг в друга девушки остановились, тяжело дыша. Алису била крупная нервная дрожь и грудь жгло то ли запредельной ненавистью, то ли...

— Ты... — начала Славяна.

Жгучий пузырь в груди Алисы лопнул, с треском сломалась какая-то опора, оркестр из полусотни ударников разом грохнул в литавры, многоэтажный небоскрёб обрушился в облако кирпичной пыли и девушка повалилась вперёд, запечатывая губы Славяны своими.

Никто не умеет читать чужие мысли, никто. Но если бы рядом в эту минуту оказался бы некто, способный на такое... ничего осмысленного он бы всё равно не услышал.

«Я идиотка... что я творю... я идиотка... что я творю...» неслось в голове у Алисы цепочкой метеоров, с космической скоростью сгорающих в атмосфере.

«Так странно... так странно... так странно...» вспыхивали яркими звёздочками мысли Славяны.

Два потока мыслей разгонялись всё быстрее, до предельных световых скоростей, пока не исчезли за горизонтом событий окончательно, оставив бесконечную пустоту и ровный гул реликтового излучения, эха от первого крика когда-то родившегося мира.

Горячие и прерывисто дышащие, они разъединили губы. Секундная пауза. Каждая одновременно осознала, что уже не отталкивает другую. Они крепко обнимали друг дружку за лопатки. Ошеломлённая Алиса ослабила неожиданные объятия и закрутила головой, словно проверяя не видит ли кто. Но никого поблизости не было в этом глухом уголке, да и вряд ли могло быть. Даже ветер не нарушал темнеющей вечерней тишины. Алиса перевела взгляд на лицо Славяны и поняла, что та беззвучно смеётся.

— Да чего ты... — пробурчала рыжая, ощущая, как краснеют неудержимо уши. Славяна на это только засмеялась на полтона громче и тело её нервно встряхнуло, это передалось Алисе и та попыталась отступить. Тщетно, Славяна лишь опустила сцепленные руки ей на талию, не отпуская.

— Да чего смешного, ничего такого не было ведь, — голос рыжей звучал почти жалобно.

— Было, Алис, было...

— Не... да отпусти... Зачем ты вообще сюда пришла?

Славяна закатила глаза, раздумывая. Но лишь на секунду.

***

Легко переступая попадающие под ноги корни Славяна вышла знакомой тропкой из лесу и покосилась назад. Двачевская с мрачным выражением на лице плелась за ней. Словно очередную неприятную работу выполнять ведомая.

Славяна держала на лице расслабленное и доброжелательное выражение, хотя изнутри в щёки, грудь и живот так и бился горячий пульс. Вся она была в эту минуту как стрела на натянутой тетиве, отпусти — полетит. Хотелось сделать что-то. Необычное, сильное. Воплотить во что-то внутренние толчки и жар.

— Видишь? — спросила она за спину.

Они вышли на клочок чистого песка, уходящего в неподвижное зеркало лесного озера, словно прячущегося от ненужных гостей в высоких зарослях.

— Ага... Красиво... — после паузы отозвалась Алиса, словно с некоторым принуждением. Действительно, небо над ажурной темной резьбой леса прочерчивали размытой акварелью розовые полосы, на глазах наливавшиеся красным. Отражение безукоризненно повторяло эту картину. Тишину нарушали лишь негромкие редкие всплески и утробно-звонкое кваканье лягушек. Алиса вдохнула полной грудью смешанный с запахом воды тяжелый травяной дух и ощутила, как подкашиваются ноги.

— Я сюда часто прихожу... — Славяна отчего-то смущенно хихикнула, — ну, искупаться. Здесь очень хорошая теплая вода. Поплаваем?

С последним словом она начала раздеваться, не дожидаясь подтверждения.

— Да я, — выдавила Алиса хрипло, — без купальника.

Лифчика под рубашкой Алиса не носила и сейчас это оказалось некстати. На Славяне купальник был, прямо под формой, белый с голубой окантовкой. Зрачки у Алисы расширились — стоя совсем близко в одном купальнике Славяна обернулась с лукавой улыбкой и без церемоний сняла и повесила на траву верх. Переступила по песку босыми ногами, снова косясь назад.

— Знаешь... зачем ходить потом в мокрых трусах? — она сделала пару движений и швырнула на траву смятый комочек белой ткани. — Раздевайся, Алис, поплаваем!

Славяна сделала три шага, взбивая воду и с коротким вскриком нырнула вперёд, подняв облако брызг и оставив на берегу разрывающуюся от противоречивых чувств Алису. С одной стороны, раздеваться наедине с Феоктистовой было крайне неловко. Говоря начистоту, Алиса стеснялась

своих угловатых бёдер и мелкой груди и обнажённой ещё ни разу в жизни не купалась. А уж на фоне пропорций Славяны, идеальных настолько, что хоть девушку с веслом с неё лепи... С другой стороны, корчить из себя благовоспитанную очкастую заучку-скрипачку, застроенную до такой степени, что даже слово «сиськи» произносит шепотом? Колеблясь, Алиса глянула вдаль. Небо и озеро потемнели и перекрасились в тонкий сиреневый оттенок, над лесом нарисовалась молодая луна, купающуюся самозабвенно Славяну почти не было видно и слышно.

«Да катись оно всё к...»

Алиса стремительно сбросила всю одежду и, подняв илистую муть, рванулась с места на глубину. В первые секунды озерная вода показалась ей ледяной. Алиса оттолкнулась от уходящего вниз дна, привыкая, и сильными гребками отталкиваясь, поплыла. Ощущения от пузырящихся струй оказались очень приятными. Алиса, разогнавшись, догнала неторопливую Славяну и та, развернувшись ей навстречу, зависла в воде «солдатиком». Длинные косы всплыли, распластавшись на поверхности золотым шитьём.

— Хорошо? — девушка лучезарно улыбнулась и коротким движением облизнула губы.

— Ага.

Алисе стало неловко находиться с ней настолько близко, она отвернулась и резкими движениями погнала себя дальше на глубину.

Намотав несколько кругов, утомившись и несколько успокоившись, Алиса подгрребла к выходу из воды. Славяна успела выйти, накинуть рубашку и даже сложить и запалить небольшой костерок недалеко от воды. Спички, очевидно, были у неё в сумке. Сейчас она сидела у огонька на примявшей зелень подстилке, подобрала ноги. Оранжевые блики гуляли по её лицу и телу. Алиса вздрогнула в воде, разглядев, что кроме рубашки на ней ничего больше нет.

— Накупалась? — Славяна дружелюбно махнула ей кистью руки. — Присоединяйся, обсохнем.

— Славя, отвернись сперва.

Та послушно опустила лицо, Алиса выбралась на полусогнутых на сушу и быстро накинула рубашку на мокрые плечи, потоптавшись неловко, искала подходящее место. Сидеть на песке не показалось ей хорошей идеей. Наконец, решительно заняла оставленное хозяйкой место на подстилке чуть ли не соприкасаясь с ней локтями.

«Да и чего, в самом деле... Как будет, так будет...»

Тонкий профиль Славяны четко рисовался на фоне тёмного озера и над ним сверкала белая половинка луны.

— Знаешь, — заговорила она вдруг негромко, — не люблю я это прозвище. То есть, меня здесь все Славей называют, я привыкла, но может хоть ты не будешь? Оно какое-то, как для куклы.

— А Славяна — слишком официально, — с коротким смешком отозвалась Алиса. — Откуда имя такое, если не секрет?

— Мама — лингвист, в МГУ преподаёт... — проговорила Славяна неохотно, так, словно это всё объясняло.

— А... отец? — вдруг спросила Алиса с усилием.

— Папа полковник ВВС.

— М-м-м-м... — протянула Алиса, покивав. Видимо, что-то в этих звуках Славяне не понравилось, она резко повернулась. Огромные глаза её казались чёрными.

— Что, ты туда же? — воскликнула она обиженно. — Стоит сказать...

— Чего? — опешила рыжая.

— Того! — продолжала Славяна звонко. — Полковничья дочка, профессорская дочка, ах-ох! Не хочу я «дочкой» быть, не понимаешь что ли? Я сама собой быть хочу!

Голос её становился всё тише, плечи опустились. Алисе стало неловко за свою реакцию.

— Погоди, так ты ради этого так здесь ломаешься? Трудисься за всех...

— Ну да... — отозвалась Славяна неохотно, снова уставившись в свой крохотный костерок. — Ты же сама сказала: «пустое место».

Алиса вспомнила всю ту сцену и испытала жгучий стыд за себя.

— Да когда это было! — возмутилась она. — И в тебе много своего хорошего есть...

— Например? — Славяна вновь крутанулась и придвинулась ближе. Алиса почувствовала себя озадаченной.

— Например, ты очень спортивная...

— Будешь тут спортивной, — хмыкнула девушка, — когда тебя с пяти лет по секциям таскают.

Алиса внутренне заметалась. Общественную деятельность похвалить? Да ну, чушь собачья! А что?

«Я ведь совсем ничего про тебя и не знаю... хотя.»

— Ну... целуешься ты хорошо! — вдруг выдала она.

— Правда? — в голосе Славяны прорезались смеющиеся нотки. — Понравилось?

— Д-д-да... — отступить Алисе было некуда. Телу вдруг стало очень жарко, словно оно решило враз само высушить тонкую рубашку. И удары сердца стали чаще и сильнее.

— Мне тоже... — прошептала вдруг Славяна и оказалась совсем близко. Алиса ощутила на лице горячий с запахом молока выдох. Ещё ближе. Вплотную. Славяна коснулась верхней губы Алисы своими и провела по ней кончиком языка. — Так?

От влажного прикосновения и жаркого дыхания у Алисы закружилась голова и по телу, до самых кончиков пальцев пошли щекотные мурашки.

«Мы ведь почти голые с ней... И не пьяные сейчас. Хотя... да как будет, так пусть и будет, плевать...», — Алиса закрыла глаза и повернула голову, удобнее и плотнее сомкнуть губы с губами, встретить требовательный и острый язык девушки — своим. Славяну вдруг лихорадочно затрясло и Алиса инстинктивно обхватила её за талию, за тонкую почти сухую уже ткань. Та завозилась, задирая полы рубашки вверх, подставляя прикосновениям обнажённую кожу.

«Плевать на всё и на всех...» — подумали они вместе. И сразу же Алиса ощутила как горячая и твёрдая ладонь проходит по её незащитному животу спускаясь на незащитное бедро.

Вышедшее откуда-то тёмное облако очень кстати закрыло луну. Да и костёр уже почти прогорел, нарисованный на непроглядном мраке клубок багровых нитей ровным счётом ничего вокруг не освещал.

День пятый. На расстоянии вытянутой руки

«Ещё так рано...»

Мысль толкнулась изнутри, разгоняя сонные розовые облака и Алиса пробудилась. Повернулась на бок, потягиваясь и выгибая спину, вечные пружины под ней прозвенели нотами «ля» и « соль ». В окне различался ярко-розовый край восходящего солнца. Улька безмятежно сопела в обе дырки, свесив из-под покрывала загорелую руку. Ещё секунда и Алиса осознала, что собственное её покрывало сбито до лодыжек, а чёрная футболка задрана почти до груди.

«Ворочалась во сне, всё сбила», — усмехнувшись этой мысли, она привела себя в порядок. Подробности вчерашнего вечера разом всплыли в памяти и от нахлынувших ощущений заняла и даже вроде бы немного набухла грудь, зазудели губы и сжалось между ног.

Луна скрылась за облаком и из источников света осталось лишь багровое пятно почти прогоревшего костра. Этого им, казалось, не хватало, чтобы отбросить стеснение. Славяна рывком перебросила себя, придавливая бёдра Алисы своими и впилась-влилась с в её губы с такой силой, словно хотела их проглотить. Алиса приняла её, языки девушек закружились словно два влажных листа, встретившихся в водостоке. Дальнейшее Алиса помнила плохо, только слившиеся в единую горячую волну губы Славяны и хаотично скользящие по её телу ладони.

Горячие и бесстыдные. Абсолютно бесстыжие.

Алиса тихо-тихо застонала, сжимая бёдра и сворачиваясь клубком.

***

Славяна проснулась резко, словно кто-то щёлкнул пальцами у неё над ухом. Мельком подумала не сон ли то был. Нет, не сон. Она явственно помнила как приоткрыла дверь и на кончиках пальцев в темноте прокралась до своей кровати, стараясь даже дышать как можно незаметней. А вот предыдущее немного расплывалось. Она оторвалась от Алисы... нет, заставила себя оторваться от Алисы, когда ощутила, что вот-вот задохнётся и сердце остановится. Как же они одевались ничего почти не видя? А потом шли по тропинке друг за другом и она изо всех сил держалась от Алисы на расстоянии, иначе.

Сорвать с неё и так ничему не мешающую тонкую рубашку, завалить на спину и целовать уже везде, по всему телу. Шею. Потом грудь. От желания свело мышцы и пересохло в горле, Славяна покосилась на соседнюю постель. Женька дрыхла, повернувшись лицом к стене, на табурете возле неё лежала неременная толстая книжка и стоял в гранёном стакане пучок незнакомых Славяне полевых цветов.

«Как всё хорошо и просто у неё, а я... не могу...»

Славяна привычным движением сдвинула ткань трусиков в сторону, проникла под них, нашаривая тот самый чувствительный бугорок. Забегала пальцем вокруг, растирая мгновенно выступившую из отверстия ниже смазку. Тело отозвалось знакомыми волнами удовольствия, грудь налилась жаром, резинка стала резать кожу. Она свободной рукой стащила трусики до колен и высвободила одну ногу. Раскрепощение. Освобождение. Темп. Пружины под ней начали предательски ритмично позвякивать. Остановиться она всё равно не смогла бы, ускорилась и усилила нажим, ещё несколько секунд... Она стиснула зубы, безжалостно давя рвущийся наружу горловой стон. Удары разогнавшейся крови отдавались в ушах. Умеряя дыхание, она осторожно вытянулась под покрывалом. Прислушалась. В приоткрытую форточку вливались ранние птичьи трели, а на другой половине домика было тихо. Очень-очень-очень тихо.

«Мне совсем немного не хватило, чтобы раздеть нас полностью, уложить... не думай. Но что же будет дальше?»

***

«Но что же будет дальше, голуба моя?»

Так называла маленькую Алису пожилая соседка. «Голуба моя». Протяжный скрипучий голос, узловатый как ствол карельской берёзы пальцы и отложенная для вечно голодной первоклассницы пара домашних пирожков с яблоком. Всё, что осталось в памяти.

Ах да, благоразумная и язвительная Алиса-Вторая с своими неудобными вопросами была тут как тут.

«Отвянь. Я не лесба, ясно тебе.»

«Да неужто?»

«В конце концов, туда я её не пускала...»

«Так она и сама не пыталась. А если бы попыталась?»

«Да не...»

«Самой себе ты можешь и не врать.»

В короткой биографии Алисы был один эпизод о котором она не любила вспоминать. И точно не захотела бы никому рассказывать. Да и кому такое расскажешь? Матери? Смешно. Мелкой Ульке?

Затянувшаяся туса в неизвестно чьей большой квартире на верхнем этаже, стильный западный и родной посконный рок с заезженных кассет, обычная нетрезвая политология, пение заплетающимися языками, табачная мгла, которую с трудом пробивал свет сороковаттных лампочек, пиво, перемешанное со всем прочим покрепче, запахи грязных носков и горелого масла. Лазающий среди пришлых ног драный рыжий кот постоянно попадался Алисе на глаза, так что она даже ощутила некое духовное сродство с неприкаянным животным и не упустила случая почесать его за ухом. Кот благодарно тянулся за лаской, жмурил рыжие глазищи и утробно мурчал. Единственное стоящее занятие. Алиса с полупустой бутылкой в руках переходила от одной стихийной компании в другую, бегло знакомилась с кем-то и тут же забывала имена и лица. В голове висел душный тоскливый туман, такой же плотный как сигаретные облака под потолком. Очередной разговор затянулся и даже показался интересным, правда, имя собеседника Алиса забыла через минуту после знакомства. Но оно не было важным, важным была возможность немного заполнить пустоту в сердце, посмеявшись над удачными шутками нового знакомого и поболтав о свежих музыкальных веяньях. Разговор как-то незаметно перешёл в медленный танец, знакомец держал Алису за талию крепко и вёл уверенно. Они оказались вдвоём в небольшой комнатке с погашенным светом и дверь словно сама собой закрылась.

«Да и будь, что будет...»

Алиса позволила прижаться себя к стене и целовать. Позволила уложить на спину, на прожжённый во многих местах бугристо-пружинный диван, позволила расстегнуть пуговицу на джинсах. Знакомец завозился с заедающей молнией и Алиса, заскучав, отбросила его влажные руки, раздёрнула «зиппер» сама и сама стащила джинсы, швырнув их прочь. «Сколько можно? Девственность-естественность? Да похрену уже...» Она запрокинула голову, прикрыла глаза и постаралась поймать приятные ощущения от лезущих под футболку твёрдых рук. Щеку от губ до уха царапнуло жесткой щетиной, знакомец навис над ней, дыхание его было, почему-то холодным и пахло кислым. Одну руку он, наконец, просунул Алисе под лифчик и цепко сжав грудь, а другой бестолково шарил где-то в районе пояса. Ощущения оказались так себе, Алиса недовольно дёрнулась, но незадачливый любовник выпустил грудь только для того, чтобы посильней перехватить и крутануть влево-вправо как заедающий переключатель сосок. Грудь отозвалась болью. В голове у Алисы щёлкнуло, туман пьяных испарений насквозь прорезала ледяная молния злобы.

— Да ты, блядь, охренел что-ли, мудила!!! — Алиса заорала, закашлялась и резко толкнула себя вверх, вырываясь из-под чужого тяжёлого тела. Вскочила на ноги, подхватывая скомканные джинсы и, наконец, взглянула знакомцу-недолюбовнику прямо в лицо. Молодое, небритое, помятое и бледное с совершенно пустыми чёрно-белыми глазами. Алиса, чуть не плюнув, развернулась и ринулась прочь, в спину ей прилетело ленивое «шкура» и «динама», она не обратив внимания на эти слова, протопала босыми пятками, как была, по желтому линолеуму через прихожую, сорвала с крючка куртку и сунула ноги в мокасины. Знакомый котятка с мявом метнулся под ногами в распахнувшуюся дверь, на волю.

Сбежав на пол лестничного пролёта вниз, она привалилась к стенке возле мусоропровода, нашарив в куртке пачку закурила, затуманивая злобный зуд в голове и нервную дрожь в ногах. Дым показался холодным и кислым, Алиса раздражённо сломала сигарету об оконную раму. Нормально, наконец, оделась. И уже уходя, рывком продемонстрировала облезлому дермантину закрывшейся двери средний палец. С наслаждением!

Алиса, закряхтев, уселась на кровати, подобрав под себя ноги. Затрясла головой, прогоняя противные воспоминания. Как бы ей хотелось вытрясти вместе в ними воспоминания о ладонях Славяны! Таких деликатных и в то же время беспощадных, проникающих прямо под кожу, таких горячих, что тело под ними словно плавилось, как мороженое в жаркий день.

«Я не... Я точно не... Но я же была готова позволить ей всё, вообще всё!»

***

Стараясь не скрипеть лишней раз сеткой, Славяна осторожно повернулась на бок. Физическая разрядка принесла успокоение телу, но в душе царил мутный беспорядок. словно кто-то безостановочно и бессмысленно крутил бессмысленно одноцветный кубик Рубика.

«Я была готова делать с ней всё, ещё немного и я не смогла бы себя остановить...»

Некоторые вещи нельзя узнать и невозможно проверить. Но если мы предположим, что некто всезнающий следил сейчас за мыслями обеих девушек — он был бы удивлён. Очень удивлён. Одна и та же, совпавшая до буквы, мысль прилетела им в головы одновременно настолько, что можно было бы сверять сверхточные атомные часы.

«Надо. Это. Прекращать.»

***

Раннее солнце уже вовсю сбрасывало на лагерь потоки тепла словно сто чашек горячего молока опрокинулись разом. Облачка ночного тумана резались и пластались золотыми лучами, таяли на глазах и предутренняя прохлада уползала в тёмные пространства под домиками, в самые глухие лесные заросли, в глубокие омуты озёр. Славяна тихо-тихо, стараясь не разбудить Женьку, вынырнула из домика в своей облегающей чёрной спортивной форме и с умывальными принадлежностями в руках. Полной грудью вдохнула ещё не раскалившийся воздух, пахнущий росой и влажным деревом. Беспорядочная муть в душе оседала на дно, куда-то во тьму.

«Я просто скажу всё Алисе... Так нельзя. Так правда нельзя!» Слова были твёрдые, прямые и ясные, как первомайский лозунг, отпечатанный на большом листе. Славяна изо всех сил закрывалась им от других мыслей. Неправильных. Память тела. Воображение. Ощущение влажных губ и горячего дыхания, которому так хочется подставить шею, грудь, живот...

— Нет, ты в натуре меня специально ищешь! — голос был насмешливый, жесткий, как смятый картон. Славяну встряхнуло так, словно на оголённый провод наступила. За своими душевными метаниями она не заметила, как добежала до умывальников. Под навесом четыре ряда кубических керамических стоков, увенчанных латунными, в зелёных пятнах, кранами, извергающими строго исключительно ледяную воду. А возле них...

— Али...

Как она могла издали не заметить встрёпанные со сна рыжие лохмы и знакомую футболку во славу Цоя? Алиса хмуро щурилась на неё, склонив голову. На шее у неё было накинуто серое вафельное полотенце.

«Она точно теперь считает меня ненормальной развратной извращенкой!»

Алиса не выдержала тяжелых воспоминаний и беспорядочной нервной тряски. Ледяная утренняя вода показалась ей неплохим решением, Алиса заставила себя собраться и выйти за дверь. На свежем воздухе голова и правда прояснилась, нервная дрожь ушла.

«Я не такая, ясно вам?! А Феоктистовой просто скажу, чтобы держалась от меня подальше.»

Подбадривая себя такими мыслями, Алиса дошагала по мощёной дорожке до умывальников. И все благие намерения разом вылетели у неё из головы. Вместе с прочими мыслями. Осталась одна звонкая космическая пустота.

— Али... — Славяне от волнения сдавило горло и в ушах зазвенело. Она отступила на шаг и покачнулась.

— Али-Али... — хмыкнула Алиса. — Вчера ещё ей была...

«Идиотка, зачем я про вчера?»

— Я не с-специально... — выдавила из себя Славяна, заикаясь. — Я п-просто умыться п-пришла...

— А... ну ладно... умывалка общая.

Что ещё сказать, Алиса не знала. Говоря начистоту, ей очень хотелось развернуться и умчаться к себе, забив на умывание и прочее. Но привычка скрывать эмоции взяла верх и на этот раз. Буркнув что-то неразборчивое, Алиса отвернулась и принялась регулировать напор воды для себя. Краны в этом лагере отличались механической надёжностью и крайней непредсказуемостью.

Славяна была готова сквозь землю провалиться. Только то, что Алиса спокойно приступила к умыванию, позволило ей остаться на месте.

«Наверное, всё же, не очень злится... Она ведь не уходит. И не ругается на меня. Я сама во всём виновата и не должна её обижать.»

Приняв решение и не колеблясь более, Славяна твёрдо подошла к выложенной шершавой плиткой чаше, справа от той, над которой возилась Алиса. Та всё аккуратно покручивала вентиль, но вода то

рвалась заделаться второй Ниагарой, то пересыхала вовсе.

— Да провались ты к!!! — Алиса рывком крутанула вентиль до упора и подставила под хлынувший с силой достойной пожарного гидранта поток затылок и шею. Уже через секунду поняв, что напрасно: вода раннего утра оказалась не как обычно холодноватой. Температура её, похоже, приближалась к абсолютному нулю. В основание шеи словно ввинтился ледяной шуруп, Алиса с визгом дернулась вверх и приложилась затылком об латунное горлышко.

— А-ай!

— Алиса!

Смахнув на землю едва выложенные на бортик чаши мыло и прочие вещи, Славяна кинулась к ней, хватая за плечо и толкая прочь. Алиса, разворачиваясь, неловко взмахнула рукой, пытаясь схватиться за что-то, но лишь свернула кран вбок и поток ледяной воды ударил Славяне в лицо, ослепив и на долю секунды лишив дыхания. Не сумев остановиться, она толкнула Алису грудью и та лишь чудом не улетела головой об землю, успев ухватиться за край чаши и удержав Славяну от падения сверху. Они только чудом не ударились с разлёту лбами. Где-то рядом, заглушая все прочие звуки, бессмысленно и беспощадно шумела выпущенная на волю вода.

— Ты чего тол...

— Я...

Обе разом ощутили, как неистово горит попавшая под ледяной удар кожа. Каждая видела покрытое блестящими каплями лицо другой. Не как ночью, а ясно и резко.

— Я охладиться просто хотела, ясно тебе, дурёха?!

— Но ты теперь вся мок... вся-вся... мокрая... — Славяна преодолевая себя, отодвинулась.

— На себя посмотри! — Алиса смущенно хохотнула. Славяна напряженно заулыбалась в ответ.

— И правда...

Она поспешно вскочила и резко прикрутила вентиль, прекратив ненужную растрату воды. Алиса, закричав, подтянулась за холодный край чаши и тоже встала. Переглядываясь настороженно, они принялись приводить себя в порядок.

«Надо сказать... нет, неудобно. Я её ещё и повалила, дура неуклюжая, лучше позже скажу. Среди людей, наверное, спокойнее будет.»

«И как теперь сказать? Я её напугала, получается. А теперь ещё и... нет, надо сперва высохнуть. Скажу на завтраке.»

Если бы кто-то подглядывал из кустов, он бы увидел, как девушки, с влажными волосами и в мокрой одежде, повернулись и разом заговорили:

— Пойдем вместе на зав...

— Хочешь, давай вместе позав...

Двойная изумлённая пауза. Четыре широко распахнувшихся глаза. И сдвоенный истерично рвущийся смех завершил картину.

***

К началу завтрака Алиса, разумеется, опоздала, хоть и торопилась как могла. Сухая форма, два вечных рыжих хвостика. Нервная трясучка и холодные руки снова брали своё. Проснувшись Ульяна что-то ловила чуйкой и, хоть и не задавала вопросов, на завтрак собиралась надутая. Алиса и вовсе почти не обращала на подружку внимания, перед глазами поминутно возникал образ крупных капель воды на светлой коже.

«Да что со мной происходит? Я была готова её...»

Слово «поцелуй» она теперь даже в мыслях произнести не решалась.

Лагерный завтрак — это очень условно упорядоченный органически-звуковой бедлам, концентрирующийся вокруг «точек силы» в лице вожатых и нескольких серьёзных пионеров. Славяна привыкла сама играть роль такой точки, прикрикивать на расшалившихся и разводить на стороны разругавшихся. Не в этот раз. Её накрыла непривычная апатия относительно любого социального коловращения, с подносом в руках она стремительно прошла меж резвыми и шумными

и заняла маленький столик на отшибе, усевшись ко всей суете спиной. На завтрак сегодня было нечто напоминающее запеканку: смесь чего-то, напоминающего овощи с чем-то вроде макарон под слоем однородной субстанции, вообще ничего съедобного не напоминающей. Славяна машинально поддела показавшийся ей менее отталкивающим фрагмент вилок. Да так и застыла с поднятой рукой, задумавшись.

Протопав по ступенькам и распахнув на себя дверь, Алиса замерла на входе. Кто-то сзади ощутимо толкнул её, протискиваясь ближе к вожделенной еде, она не обратила внимания кто именно. Девушка шарила глазами по толпе, выискивая среди разновзломаченых и разноокрашенных голов единственную — с парой светлых кос. Быстрый поиск не увенчался успехом. Её снова пихнули, теперь уже в бок.

— Ну, мы есть идём или как? — недовольно прозвенела Ульянка. Она, оказывается, всё это время шла с ней рядом.

— А... Извини, Уль, мне тут со Славкой надо кое-что прояснить... — Алиса продолжала всматриваться в лица и затылки. Безрезультатно. Слово слепое пятно.

— Да вон же она, у окна в углу! — рявкнула Улька, сердито потыкала рукой в нужном направлении и мгновенно испарилась.

— О, привет, — Славяна положила вилку на нетронутое блюдо и в волнении сплела перед собой пальцы.

— Виделись же...

Алиса шарахнула перед собой подносом, словно возводя баррикаду. Уселась, преувеличенно внимательно всматриваясь в содержимое тарелки. Зыркнула выше, до расстёгнутого белого воротничка и впадинки на розовой коже.

«Так, она что, галстук не надела?» Сама Алиса этим утром повязала на шею алый революционный символ с особой аккуратностью. Смутившись, она уткнулась взглядом обратно в поднос.

— Это что у нас такое? — сказала она. Просто молчать казалось невыносимым.

— Не знаю... Овсянка, леди, — Славяна коротко рассмеялась, словно закашлявшись. Алиса фыркнула в тарелку. Глянула через столик выше, чем в прошлый раз. Славяна сидела очень прямо и улыбалась ей неловко и выжидательно.

Неизвестно, сколько ещё продолжалась бы эта игра в молчанки-гляделки, но тут об столешницу звякнул третий поднос, прогрохотал по полу металлическими ножками стул и с риторическим «можно» в общее пространство втиснулась, тряхнув красными «ракетами» хмурая Ульяна.

— Хочу к вам! — объявила она без церемоний. — Эту жуть без компании есть невозможно.

Она заткнулась, обводя глазами всю молчаливую мизансцену.

— Да что у вас тут происходит, вообще?

— У-улька, я тебе... — сквозь зубы взвыла Алиса, возводя янтарные очи к потолку. Славяна молчала, ощущая как приливает кровь к ушам. Хотелось не то смеяться в голос, не то спрятаться под стул.

— Да... и правда... невозможно... — выдавила она из себя.

— Да уж... это не запеканка, а запиханка, — проворчала Алиса. — То, что не едят, а запихивают.

Уля вертела круглой башкой и недоумевающе хлопала синими глазищами. Девушки дружно послали незваной гостье такие взгляды, что в материальном эквиваленте их бы хватило на отправку Ульяны на Луну. Без обратного билета. Потом глянули друг на дружку. Славяна вздёрнула брови, Алиса перекинулась, как от кислого фрукта. И градус застольного напряжения как-то сам собой упал с запредельного до приемлемого.

***

— У меня тут одно дело нарисовалось, составишь мне компанию?

Алиса ещё ни разу в жизни не понимала себя настолько плохо. Объясняться с Феоктистовой на глазах у всего лагеря оказалось, прямо сказать, никуда не годной идеей. Спасибо Ульяне, разрядила ситуацию; тем не менее, по завершении завтрака сплела девчонку подальше Алиса не без удовольствия. Она то и дело ловила в себе отголоски недвусмысленного желания остаться со Славяной вдвоём. И пусть никто не мешает.

«Вот я и объяснюсь с ней нормально, когда никто не помешает. Лучше всего не в лагере вовсе, за территорией.»

А за территорию Алисе попасть было именно сейчас очень важно.

Вот так и вышло, что они вдвоём, старательно соблюдая дистанцию на расстоянии вытянутой руки, теперь стояли в тени небольшой рощицы. Очень удачно прикрывавшей от любого-каждого, кто вздумал бы высматривать их от ворот лагеря. Берёзы и липы дружелюбно шелестели. Алиса нетерпеливо переминалась с ноги на ногу и уже раза три отмахнулась от логичных вопросов Славяны «чего мы здесь делаем». Через плечо у неё была заброшена совершенно жарким днём не нужная поношенная длиннополая куртка. Славяна прихватила с собой обычную свою сумку с болтающимся на дне эн-зэ типа спичек и соли.

Она уже несколько раз порывалась начать разговор о вчерашнем и объявить, что «так больше нельзя». Открывала рот и давилась первым же слогом. Не могла. Просто было страшно.

«Для этой неформалки, наверное, ничего особенного. Небось и не такое уже пробовала...»

Алиса вдруг насторожилась, вслушиваясь, а через мгновение и Славяна расслышала далёкий рокот и треск двигателя. Пара минут нетерпения и к ним подкатил старенький потёртый мопед. В седле, низко пригнувшись, восседал чуть менее старенький дед. Или даже мужик? В всяком случае, возле пионерского лагеря он смотрелся чужеродно: узкое лицо со впалыми небритыми щеками и острым подбородком, глаз почти не видно под нависшими бровями, над ними — прорезанный гармоникой морщин лоб, переходящий в загорелую лысину. Из порванного и зашитого ворота тельняшки торчала жилистая кадыкастая шея. Широкие рыбацкие штаны и тяжелые ботинки, это в такую-то жару, дополняли образ.

Узри Славяна такого дедушку Отмороза издали — обошла бы параллельной улицей. Но Алиса, ничуть не боясь, подлетела к нему вплотную, кинув Славяне неясный жест, который можно было бы истолковать как «погоди». Они с пришельцем обменялись парой неслышных реплик, затем дедуган покопался морщинистой граблей, украшенной парой расплывшихся татуировок в виде синих перстней, в широких штанинах и достал свёрнутую бухтой прозрачную трубку. Перекосившись в седле, вывинтил из примотанной к багажнику канистры пробку, запустил кончик трубки в отверстие и другой конец сунул в рот. Зажмурился, причмокнул сжатыми в куриную гузку губами. На свет появилась памятная Славяне фляга, Алиса поспешно свинтила пробку, а дедуган ловко перекинул конец трубки в горловину. И, наконец, обратил внимание на Славяну, стоящую в стороне и неловко теребившую конец косы.

— Подруга твоя? — голос у него оказался скрипучий и рокочущий, под стать его же мопеду. Алиса только неопределённо пожала плечами, впрочем, дедуган на ответе не настаивал. Виртуозно не пролив не капли, он выдернул слив, завинтил одним движением пробку и вернул флягу владелице.

— Кр-р-расавица! — пророкотал он одобрительно и седая щетина вдруг раскрылась вполне дружелюбной шербатой улыбкой. — Будь я помоложе... годков так на сорок, — он сделал ударение на последнем слоге, — я бы у-у-х-х-х-х...

Дедуган многозначительно воздел могучий татуированный кулак и затряс лысой головой от удовольствия. Вспомнил, вероятно, удовольствия сороколетней давности. Алиса заложила руки с зажатой флягой за спину и покачалась с носков на пятку.

— Ну бывай, Алисонька, привет твоим, — дедуган приподнял под собой мопед и легко развернул в противоположную сторону. — Подружку береги.

Обернувшись, он подмигнул девушкам, мопед скрежетнул стартёром и выплюнул клуб седого дыма.

— До свиданья... — остаток реплики Алисы потонул в ржании тронувшегося прочь железного горбунка. Минута, мопед и его наездник скрылись за поворотом и вскоре всё стихло. Они опять остались на дороге вдвоём.

— Слава, ты извини... — Алиса опустила глаза и замаялась. — можешь это к себе положить? Куртка перекашивается, боюсь, выпадет.

Славяна осторожно приняла тяжело булькнувшую флягу и упрятала на дно сумки.

— Так это он тебе самогонку продаёт?

— Ничего он не продаёт, забудь! — вскинулась Алиса. Дернула уголком губ. — Это деда моего... однополчанин. Живет просто в деревне неподалёку. Для себя делает. Я ему кое-что нужное из города привезла, ну и вот...

Они двинулись неспешным шагом обратно к воротам. Высокое разнотравье вокруг грядки сохло

и плавилось от жары.

— И он вот так просто... — недоверчиво протянула Славяна и умолкла. Алиса, впрочем, поняла её правильно.

— Почему «просто», отговаривал конечно... Но у него позиция: «ты взрослая, сама решай». Он-то в свои шестнадцать уже много чего... — реплика оборвалась длинной паузой.

— А родители... не узнают? — спросила Славяна с беспокойством.

— Да-да, мать к такому лучше не подпускать... — в ответе Алисы сквозили сарказм и усталость. Что-то подсказало Славяне, что расспрашивать дальше не стоит. Они уже стояли перед грубо и многослойно окрашенными серой краской воротами. От металла так и разило жаром доменной печи. Потрескавшиеся давно-не-белые гипсовые пионеры слева и справа трубили в горны. Ни дать не взять — стражи-ангелы. Потяжелевшая от фляги сумка неприятно натирала плечо. Славяна потянула на себя створку, пропуская Алису внутрь. Они ненароком соприкоснулись локтями и Славяну словно молнией прошило. От локтя и по всему телу.

«Надо это прекращать.» Она почувствовала, что решилась. Наверное.

— Алис... — слова не хотели воплощаться, умирали ещё на выходе из лёгких.

«Надо. Надо. НАДО!»

Славяна замерла с приоткрытым ртом. Алиса, застыв на полушаге, обернулась молча и выжидательно. Возможно, догадывалась, что она хочет сказать? То есть, не хочет, но... Многие часы сжались в единую секунду и та всё тянулась и тянулась и тянулась...

«Подруга твоя?» — в мозг вдруг откуда-то въехал, вкатил клоуном на одном колесе рокочущий дед-мопед. И словно выдернули пробку, словно вместо раскалённого металла в лёгкие потёк прохладный кислород и Славяна сказала совсем не то, к чему так долго готовилась:

— Алис... Правда... а почему мы не можем быть просто подругами?

День пятый. Что между нами?

— Как ты сказала?

Алиса крутанулась в танцевальном па и уставилась на Славяну, открыв рот от удивления. Та даже отступила на шаг назад, упершись лопатками в захлопнувшуюся створку ворот.

— Подругами? — янтарные глаза прошлись по фигуре Славяны сверху вниз и обратно, словно сверяясь с эталонным образом. От такого пристального рассматривания Славяне захотелось спрятаться куда-то внутрь себя самой, от неловкости загорелись ладони и заломило затылок.

— Извини... прости... зря я это... — путано заговорила она.

— Да погоди ты... — Алиса тряхнула рыжими хвостиками, — я не...

— Прости... я пойду...

Славяна сделала движение прочь, в сторону, вдоль забора, где и тропинки-то не было, только сухая колючая трава до колена, но Алиса молниеносно взяла её за плечо, разворачивая к себе лицом.

«Опять... так близко... близко...»

Алиса осознала, что уже минуту молчит и рассматривает Славяну. Неровности загорелой кожи, незаметно-просвечивающий пушок на ней, мелкие с булавочный укол родинки там и сям контрастней проступили под косыми лучами солнца. Голубая радужка глаз казалась почти прозрачной. Губы. В трещинках. Яркие...

Славяна застыла на месте как пришитая. Освободиться от хватки было бы секундным движением, но ноги ослабели и не хотели двигаться. От Алисы шёл жёсткий жар, ладонь её и плечо Славяны как сплавилась в единое целое. Внутренний позыв толкнул её шагнуть ближе, обнять Алису за талию...

— Я ж... не против... ты чего? — сипло заговорила Алиса. Притяжение ослабло и окруживший их конус тишины пошёл трещинами, пропуская сонное чириканье птиц и доносящиеся со стороны пляжа звонкие голоса.

Алиса с усилием сняла с плеча Славяны руку и отступила на шаг.

— Извини... — повторила Славяна уже в третий раз. — я подумала просто...

Она не знала, что говорить, мысли выветрились, сгорели, оставив одну только нераскрывшуюся словоформу «близко». Она металась внутри головы словно одуванчик на сильном ветру. От одного уха до другого.

— У тебя и так подруг много... — зачастила Славяна. — И друзей. Там, в этих тусовках, ваших... ну... музыкальных.

— Какие там... — дёрнув углом рта, Алиса склонила рыжую голову вбок. — Смешно...

Ей вдруг показалось, что Славяна разом оказалась где-то ужасно далеко и в груди появилось неприятное тянущее чувство.

— Что ты об этом знаешь? — проговорила она с ожесточением. — Дёрнешь пива, сыграешь... этим чухню на три аккорданибудь-какую... Там все ищут и никто не находит, понимаешь? Какие ещё подруги?!

Слова лезли наружу с усилием, горькие и тяжёлые, противные. И сразу же утрачивали плотность и осыпались высохшими семенами на землю. Алиса и не подозревала, насколько ей хотелось выглядеть перед Славяной... какой? Крутой? Знаменитой?

А Славяна вновь оказалась в одном шаге и лицо её было печальным.

— Знаешь, — проговорила она хрупким как держащая меч паутинка и тихим как тающий лёд голосом, — у меня всё точно так же.

— Но как? — вырвалось у Алисы. — Ты ведь такая...

— Занятая?! — выкрик Славяны перекрыл последнее слово. — Во всех комитетах первая, в секциях... Зарабатываю очки, учителям на радость! Кто со мной просто так заговорит? Разве что к матери моей подмазаться, документы на вышку подавать?

Она замолчала, моргнув несколько раз.

— Да я не то... — начала было Алиса. Она забыла, что хотела сказать. Они стояли лицом к лицу, опустив руки, возле закрытых ворот лагеря и всё высказанное только что повисло между ними изломанными, многократно перекрученными стержнями. Каждой хотелось придвинуться поближе, обнять... и страшно было напороться грудью на острые концы. По диску солнца пробежала тень залётной тучки, краски на секунду померкли и мир словно сморщился под порывом пыльного ветра.

И вместе с ним прилетел очень знакомый обеим, с очень знакомыми командными интонациями голос.

— Вот вы где... Наконец-то. Феоктистова, я тебя обыскала!

Подлетев с неотвратимостью перста судьбы и скоростью несущегося к переезду товарного состава, Панамка стащила с макушки исходник своего прозвища и вытерла вспотевший лоб.

— Славя, я думала, ты на складе или... — продолжила она уже спокойнее. — А ты... вы...

Изумрудный взгляд метнулся влево-вправо, охватив двойной петлёй Славяну, Алису и снова Славяну. Та, невольно вздрогнув, семенящими шагками отступила, прячась за рыжую. Чёртова сумка тяжело скрежетнула по бедру словно айсберг по борту «Титаника». Со дна толкнулся плеск жидкости об завинченную пробку и звук этот показался Славяне гулом цунами, сносящего до фундамента столичный город.

«А скажи-ка мне, пионерка Славяна Феоктистова, где вы сейчас ходили и что такое у тебя в сумке, тяжелое и булькает?»

— А мы думали, надо на воротах столбы... побелить... — выдала вдруг Алиса, заложив руки за спину и глядя поверх головы вожатой.

— Ч-чего? — вожатая беспомощно заморгала, изобразив собой нечто вроде того же самого столба.

— А теперь пришли и видим — не надо! — подхватила Славяна. — Всё и так хорошо, правда, Ольга Дмитриевна, зачем нам белые столбы?

Алиса косо глянула на неё через плечо, в глазах у неё кружились огненные чёртики. Ольга только головой замотала.

— Это хорошо, когда всё хорошо... Славя, я тебя зачем искала-то... — командного напора Ольге, как всегда, хватило минуты на три. — Скоро общий костёр, закрытие смены, надо поляну в порядок привести. Займись. Я следить не смогу, а ты самая ответственная... И Двачевская тебе поможет... раз уж вы...

К финалу в голосе Ольги звучали уже просящие нотки, переходящие в неловкую тишину. Славяна коротко развела руками, стараясь не шевельнуть лишний раз сумкой. Алиса прищурилась недобро.

— Можно подумать, у нас парней нет, камни ворочать!

— Парней... — Ольга задумалась. — Есть, могу дать вам в подручные... да хоть С...

— НЕ НАДО!!! — два голоса разом пресекли это предложение. Ольга вздернула тонкие брови. И вполне доброжелательно рассмеялась.

— Не надо, так не надо. До вечера управитесь. Поешьте перед выходом только, я скажу, чтобы вам выдали.

Распровавшись с ними, вожатая удалилась. Славяна и Алиса вновь переглянулись. Колючие стержни меж ними заржавели, истончились и рассыпались невидимой пылью. Неловкости больше не было, было просто очень смешно.

— Ну вот, запрягли нас... — Алиса сморщила нос. — Подруга...

— Да там несложно, на самом деле, — Славяна сверкнула глазами и тут до неё дошло. — Подруга?

— Ну да...

— Ага. Только вот это давай уберём сперва.

— Дай сюда, — Алиса коротко вздохнула, — у себя спрячу.

***

— Да оставь ты его, бесполезно...

— Н-нет, уж-ж... — Алиса сдаваться не собиралась. — Я об эту... заразу... в прошлый раз ноготь сломала...

Она примерилась ещё раз, уперлась ладонями в одну точку, уперлась пятками в ближайшее бревно и, от души крикнув, толкнула. Намертво, казалось, вросший в землю булыжник закачался как больной зуб. Дальнейшее было вопросом техники. Алиса с натугой отшвырнула каменюку в ближайшие кусты и выпрямилась, улыбаясь во весь рот. Непривычные к нагрузке плечи и шея отчаянно ныли, но настроение было отличнейшим.

Официальное кострище лагеря смотрелось вполне по названию — внушительно и официально. Центром масс был, несомненно, очаг, обложенный со всех сторон могучими, укрытыми в многослойной копоти валунами. Количество слежавшихся слоёв золы меж ними могло бы посоперничать с годовыми кольцами на брёвнах, да вот хоть этих, очищенных от лишней коры и чуть ли не отполированных, создававших прямоугольный периметр по краям поляны. Почва под ногами здесь была ровная и упругая, присыпанная равномерно рыжими иглами лиственниц. Серые камни выступали островами в игольчатом море; впрочем, трудами Алисы одним островом сейчас стало меньше. И надо всем витал непреходящий запах угольной пыли.

До того они ещё, пыхтя и подбадривая друг дружку, поправляли сдвинутые кем-то брёвна, потом Славяна принесла свежие дрова и сейчас возилась в очаге, что-то неведомое там подправляя. Для этой работы она переделалась в холщовые штаны и безразмерную, чуть ли не мужскую майку, спрятала длинные золотые косы под серый платок. Алиса поймала себя на том, что любит как двигаются её голые круглые плечи и мелькают в вырезе майки ключицы и лопатки. Прямо хоть бери и крылья прикрепляй. Славяна поймала её взгляд и не удержалась — послала воздушный поцелуй перемазанной в копоти ладонью, блеснула белыми зубами. Алиса улыбнулась ей в ответ. Здесь и сейчас то, что происходило вчерашним вечером, когда они целовали и хватали друг дружку казалось чем-то нереальным, словно сон в жаркую летнюю ночь. Здесь и сейчас Алисе было просто хорошо и уютно. Она очень давно не ощущала себя настолько уютно, не только в этом лагере, но и вообще. Неужели дело здесь только в том, что можно сидеть и смотреть, как перекладывает дрова в очаге Славяна и как ловко двигаются её тонкие обнаженные до плеч руки...

— Ну вот, почти закончили, — перемазанная копотью Славяна подошла и взмахнула рукой с зажатым в ней мешком с мусором. Мешок зашуршал. — Устала.

Об этом она объявила даже с какой-то непосредственной обидой в голосе, словно сожалела, что несовершенство тела не даст ей работать дальше. Славяна аккуратно уселась верхом на бревно, расслабила плечи и вздохнула.

— Я тоже... — усевшись поблизости боком, Алиса пошарила в кармане затасканной робы, которую Славяна откопала для неё на складе. Покосившись в её сторону, крутанула колёсиком, высекая искру. Затянулась поглубже, ощущая как покалывают мозг холодные иголки и нервная дрожь вытесняется отрешённостью.

— А можно и мне... — попросила вдруг Славяна вздрогнувшим голосом.

— Серьёзно?

Спроси у неё кто, Славяна не смогла бы сказать, что за демоны подталкивают её изнутри: выпить из фляги, пуститься в пляс. Поцеловать... именно это она сейчас охотно бы сделала и гнала эти мысли прочь. Никогда ещё она не жила в таких странных ощущениях, как последние несколько дней, внутри тела словно непрерывно крутился на холостом ходу очень быстрый мотор. И иногда его нужно было к чему-то подключить, иначе Славяна ощущала, что её разорвёт высоким давлением. Но не начинать же трогать себя здесь и сейчас, прямо при Алисе? Славяну вновь накрыло испугом, как только она поняла, что отторжения эта идея у неё вовсе не вызывает, даже наоборот — колесо внутри словно бы закрутилось ещё быстрее... Попросить вместо этого у Алисы сигарету показалось не самой плохой идеей.

— Серьёзно? Ну, попробуй... — Алиса, усмехнувшись скептически, протянула ей дымящуюся палочку. Славяна приняла подарок двумя пальцами, аккуратно зажала губами, пугливо потянула в себя дым пополам с воздухом и тут же согнулась в приступе рваного кашля.

— Уж... кха-кха... ас... Как ты это...

— Аккуратней-аккуратней! — Алиса мгновенно оказалась с ней вплотную, положила ладонь на спину меж лопаток, успокаивающе похлопала. — Смотри, вот как надо!

Ей захотелось поразить Славяну зрелищем шикарных дымовых колец. Перехватив из её губ дымящуюся палочку, Алиса затянулась поглубже, вытянула шею, сложила губы трубочкой... и, поперхнувшись, закашлялась сама. Фыркнула смущённо и досадливо. В пускании колец она была не очень-то сильна.

— Дай! — обняв Алису за плечо, Славяна со смехом перехватила сигарету, сплющила губами влажный кончик и у неё даже получилось не закашляться.

— Эй, да ты не затягиваешься, не переводи продукт! — Алиса потянулась отобрать сигарету обратно, качнулась ближе. Славяна повернулась и ладонь Алисы оказалась у неё на щеке. Мгновенная пауза, вздрогнувшие пальцы и Славяна потянулась навстречу Алисе губами.

Этот поцелуй не был сумасшедше взрывным. Осторожное прикосновение, так кончиком языка проверяют незнакомое блюдо, не жжется ли и не горчит. Так тянут на себя незнакомую дверь, опасаясь, что она окажется запертой.

Дверь открылась без скрипа и там была лишь лестница вниз, в темную влажную глубину, пропитанную ароматами табака и золы. Они закрыли глаза, спускаясь словно падая, ступенька за ступенькой и на каждом шаге дыхание становилось глубже, а объятия тесней.

Недокуренная половинка сигареты упала на землю, испустив прощальный столбик дыма.

Майка Славяны вдруг оказалась слишком свободной, лямки поползли вниз, открывая голые плечи...

— П-п-погоди... Славь... — Алиса крепко взяла задыхающуюся Славяну за локти и притянула к себе, глядя прямо в глаза.

— Зачем... — Славяна потянулась к ней ближе, но Алиса отстранилась.

— Затем... ну, правда, Славь... что такое между нами происходит?

Алиса отпустила подругу. Славяна сидела, не двигаясь. Потом механическим движением вернула лямки на законное место.

— Прости меня... — заговорила она.

— Да что ж ты всё извиняешься-то!

Алиса выкрикнула это почти с отчаянием и, плохо контролируя себя, встряхнула Славяну как игрушку, так, что голова у той мотнулась и зубы лязгнули. Та не сопротивлялась, глядела Алисе в лицо огромными глазами. Океан голубизны, в котором можно затеряться и забыть себя.

— Я не подумала, — голос её был очень тих. — У тебя кто-то есть? Ну... близкий...

Алиса не сразу поняла, застыла, тупо моргая. Потом с чего-то вспомнила пытящее тело, от которого она сбежала полуодетая. Голове словно стало тесно в собственной коже и в грудь плеснуло расплавленным металлом.

— Может и есть! — бросила она зло. Осознала, что всё еще держит Славяну за плечи, только что пальцы той под кожу не вогнав. Ослабила хватку. И только тогда кирпичики в голове встали на место. — Так, Феоктистова, я не догнала, ты мне что предла...

— Предлагаю! — Славяна чуть не сорвалась на крик, опередив её.

Копившиеся несколько дней бессвязные мысли и хаотичные ощущения, наконец, собрались воедино. Словно она долго-долго лезла на гору, по запредельно крутой лестнице, по разноразмерным, грубым, выбитым кем-то ступеням, хрустящим и осыпающимся под ногами, в сколах и трещинах из которых прорастали хрупкие горные эдельвейсы. Лестница кончилась. Всё, что осталось это пустота перед глазами и уходящий в облака вниз отвесный обрыв. И Славяна просто шагнула вперёд.

— Ты нравишься мне...

Минуты свободы в свободном падении. Всё стало идеально, до предела простым. В ушах завывал ветер и прямо в лицо неслась бесконечная пустыня янтарного песка. Россыпь веснушек на изящно вырезанном носу, как звёздное небо.

— Да ну... что ты... да зачем... — забормотала Алиса, совершенно потерявшись. Сейчас она предпочла бы десять раз быть разложенной на драной софе, там она лучше понимала бы варианты поведения.

— Ты очень красивая. — Славяна сказала это очень просто и очень мягко. Или это не она, а кто-то внутри неё говорил? — И очень талантливая.

— Да какое там... — Алиса отвела глаза, криво улыбнувшись. — Чего там... Так, лабух-самоучка на три аккорда...

Она ощущала себя так, словно её снесло горячей песчаной бурей и тащит волоком по земле не позволяя ни за что зацепиться. Хотелось спрятаться, переждать.

— Славик, — заговорила она беспомощно. — Ты правда думаешь, мы можем... — окончание фразы повисло в пустоте, она просто не могла заставить себя сказать это вслух.

— А кто нам помешает-то?

— Кто помешает?! — взорвалась Алиса. — Да все помешают! И всё. Помешает. Кому скажи... ты совсем ничего не понимаешь, да?

— Понимаю, конечно...

Свободное падение Славяны перешло в горизонтальный полёт с потерей скорости и вот девушка снова стояла на твёрдой почве. Ощущение твёрдой опоры оказалось очень неприятным.

— Ведь с ума все сойдут... — напряжённо говорила Алиса. — Тут от мальчика с девочкой-то вожатые на уши встанут, а уж это... Так нельзя.

— Нельзя... — земля неумолимо притянула и прирастила Славяну и лес вокруг утратил янтарные тона, оборачиваясь заурядной зеленью. — Да...

Жизнь ушла из её голоса словно спустили воздушный шар. Славяна поднялась, ощущая как мелко подрагивают колени. Опустила глаза. Взгляд зацепился за пресловутый окурок, она нагнулась, подобрала и бросила в пакет, к прочему мусору.

— Надо возвращаться, мы всё сделали... Спасибо, что помогла мне, — не дожидаясь ответа, она отвернулась и пошла прочь.

Алиса, так и оставшись сидеть, смотрела ей вслед. На тонкую шею, на спину в вырезе старой майки. Вокруг Алисы росла сфера душной серой пустоты и чем дальше уходила Славяна, тем сфера эта становилась больше. Алиса ощутила, что не хватает воздуха, какая-то струна в сердце натянулась до предела, до звона на самой высокой ноте и она поняла, что ещё немного и струна эта лопнет и не останется ничего, кроме пустоты.

Славяна и десяти шагов пройти не успела, как Алиса сорвалась с места, в три прыжка догнала её и обхватила руками, прижалась.

— Не надо, — хриплый шёпот ворвался Славяне в ухо. — Не надо.

Та было дёрнулась вырваться, но не слишком уверенно. Грудь Алисы упиралась ей в лопатки и где-то там же мощно, размеренно и слишком быстро колотилось сердце.

— Не надо... чего? — голос Славяны дрогнул. Алиса промолчала и только обхватила её плотней.

Сторонний наблюдатель, окажись он здесь, увидел бы замерших в объятиях девушек: более высокая рыжая неловко обнимала со спины другую — светленькую. Та, грустно улыбнувшись чему-то, отняла её ладонь от своей груди. И приложила к губам.

Сухая и горячая, перемазанная копотью ладонь Алисы, усиленные чёрным линии жизни и сердца. Славяна поцеловала её, ощущая как моторчик в груди выходит на сверхзвуковые обороты. Поцеловала второй раз.

— У меня же руки... грязные, ты чего... — проговорила Алиса жалобно.

— Грязные... — прошептала Славяна, — очень...

И с усилием провела ладонью Алисы по своему лицу, от лба и вниз, оставляя на коже тёмные полосы.

***

Баня в лагере отличалась от прочих строений, щитовых и сборных. Бревенчатый сруб, монументальный и могучий как избушка бабы-Яги, находился немного на отшибе, от жилой части её отделяли суровые глухие заросли. Сейчас из трубы валил хорошо видный на фоне темного леса белый дым и два окошка светились по-домашнему уютной желтизной.

— Позднотень уже, завозились мы с тобой, — Славяна обернулась, белые зубы блеснули в сумерках.

— Не банный день, вроде, — проворчала Алиса.

— А я договорилась заранее, — Славяна выглядела очень довольной собой. — Ясно ж было сразу,

что чумазые как чушки вылезем.

— Активистка с привилегиями... могли бы и в речке помыться...

Алиса бурчала и ершилась, скрывая под вздыбленной шерстью неловкую дрожь. На самом деле, баня это здорово. В лагере-то, где вся ежедневная гигиена это слабенький душ из нагретого солнцем бака и неуправляемая струя ледяной воды из крана.

Вот только в бане они со Славяной будут вдвоём и... Алиса спрятала сжатые кулаки в карманах. Пришедшее на костровой поляне чувство плотного ветра, толкающего её куда-то, так и не отпускало.

— Может, ты первая? — Алиса неуверенно отвела глаза.

— И всё остынет там, заново топить прикажешь? Не дури, идём... — Славяна держалась бодро, хотя изнутри её сжимало и встряхивало. Баня на двоих. После всего, что уже между ними происходило это и влекло и пугало одновременно. Они, пригнувшись, зашли через низкую дверь в предбанник, полный сочащегося сквозя следующую дверь жара и запахов мокрых листьев. Деревянные лавки и крючки над ними освещала неяркая лампочка.

— Бросай всё грязное сюда, Алис, вот здесь все принадлежности, мочалка, мыло, берём и идём дальше, всё просто... — Славяна частила в темпе втрое быстрее своего обычного. Алиса отвернулась к стене, взялась за ворот пропылённого рабочего комбеза. За спиной у неё шуршала одеждой Славяна.

— Всё, я пошла, присоединяйся.

Алиса неуклюже оглянулась. Майка и всё прочее валялись смятой кучей под вешалкой, Славяна улыбалась перемазанной физией. Тёмные полосы шли и по плечам до локтей и до груди. Всё, что ниже было спрятано под алое банное полотенце. Славяна потянула на себя почти квадратную дверцу, из проёма шибануло мокрой тропической жарой и она, согнувшись, исчезла внутри. Алиса, вздохнув, принялась раздеваться сама.

«Да что я, в самом деле? Как к доктору на приём иду...»

Замотавшись в такую же тогу знатного римлянина, разве что без кровавого подбоя, Алиса вползла в баню. Какие бы картинки перед ней не вставали до того, баня оказалась совершенно прозаичной: квадратное помещение, одну стену которого целиком занимала шибящая пеклом печь, такая же как в предбаннике тусклая лампа наверху, широкая лавка, деревянные ведра и веники по углам. Славяна, всё в той же, но теперь промокнутой насквозь обертке, сидела на низкой лавке у окошка подобрал под себя ноги и, склонив голову набок, поливала горячей водой из ковшика длинные волосы. Алиса мельком подумала, что никогда не видела Славяну с распущенными волосами. А сейчас окружённая золотым водопадом, с каплями воды на голых плечах, вся влажная и розовая от жара Славяна показалась ей волшебной, почти нереальной. И очень, до безумия, притягательной. Просто подсесть поближе...

— Нравлюсь? — волшебная фея с золотыми волосами улыбнулась. Даже улыбка у неё оказалась завораживающей.

— Ну да... — Алиса ответила быстрее, чем успела подумать. — Ты что, заигрываешь что ли?

— Немножко, — Славяна хихикнула. — Сядь рядом.

Она похлопала ладонью по мокрому струганому дереву. На лавке было достаточно места, Алиса осторожно опустилась поблизости, придержав полотенце.

— Ты заколки свои снять забыла... — Славяна придвинулась ближе. — Прикрой глаза.

Алиса послушно зажмурилась, ощутив, как ловкие пальцы отщёлкнули клипсы, взлохматили её привычные «хвостики». И тут же на макушку обрушилась горячая вода, похоже, что полный ковш.

— Эй!!! — рявкнула Алиса, вскакивая. — Предупреждать же надо, горячо!

Она вцепилась в предательский узел полотенца, решивший как раз сейчас поползти. Славяна с удовольствием хохотала, запрокидывая голову, открывая ямку под горлом.

— Ну я тебе... — Алиса заметила кадку у ближайшей стены и висящий на большом крюке ковшик и резво прыгнула к ним. Вода оказалась прохладной, одно движение — и на смеющуюся Славяну пролился освежающий душ.

С неразборчивым возгласом та вскочила сама и следующие пару минут брызги воды летели во все стороны. Небольшое помещение заполнилось хохотом и взвизгами, клубы пара уже делали

серьёзную заявку не на русскую, а на турецкую баню. Наконец, они уронили пустые ковшки и смеясь, плюхнулись на лавку, держа друг дружку за плечи. Им было весело и легко сейчас. Скопившееся между ними напряжение словно бы выплеснулось вместе с водой и ушло в белый пар.

— Я дверь на засов заперла, — прошептала Славяна. И сразу перешла на деловой тон. — Давай-ка тебе голову вымоем.

Через пять минут Алиса сидела, протирая глаза от воды. Её бы хотелось отвести их в сторону, но отводить было особо некуда. Славяна, присев совсем рядом, спустила полотенце до талии и сейчас водила по груди и плечам хорошо намыленной мочалкой. Алиса понимала, что ей приятно смотреть на это гигиеническое действие, она даже поймала себя на мысли предложить потереть спину, но сразу же и застеснялась.

Славяна тем временем перешла к нижней части тела, целомудренно укрытой под полотенцем. Она намылила мочалкой бёдра, скользнула мыльной рукой между ног... и не выдержав, закусил губу. Только что она ощущала себя лёгкой, готовой взлететь, словно весь банный пар собрался внутри. И вдруг он весь, презрев законы физики, устремился в одну точку, там. Она надавила ещё раз, борясь с подступающим наслаждением, пряча глаза.

«Алиса же смотрит.»

Славяна, преодолевая смущение, подняла взгляд. Алиса сидела напротив с застывшим лицом и круглыми глазами.

«Я ведь и хотела, чтобы ты на меня смотрела.»

Она поняла себя. Немного раздвинула ноги, несколькими быстрыми движениями пальца заставила сжаться в сладком предчувствии мышцы и не смогла сдержать негромкое «ах».

— Славь, ты... — заговорила Алиса хрипло, горло ей словно печным жаром продуло и всё тело заломило.

— А ты разве... ох... не трогала себя? — воздуха Славяне не хватало и полотенце на бёдрах казалось лишним.

— Ну... — Алиса смешалась, скрестила руки на груди не зная, куда их деть. — Я тоже... конечно...

Опыт такой у Алисы был, но не слишком удачный: достичь кульминации оказалось сложно. Сейчас её разрывало от противоречивых желаний, сразу и отвернуться и придвинуться ближе, туда, где Славяна быстро двигала рукой под дурацким полотенцем. Та, похоже, поймала волну, прервала свои движения, сверкнула глазами.

— Алис... давай вместе...

— Да ну... — Алиса совершенно растерялась. Ей хотелось, но как же так можно...

— Давай! — Славяна придвинулась ближе. Голос её был грудным, влажным, обволакивающим. Подчиняющим.

— Ой, ладно тебе, — Алиса сделала последнюю попытку вырваться. Бесполезно. Остановить разогнавшуюся Славяну было бы не проще, чем затормозить летящий на длинном перегоне транссибирский экспресс, просунув лом в дырку в полу вагона.

— ДАВАЙ! — Славяна придвинулась почти вплотную, тон её понизился до шипящего инфразвука и в огромных глазах кружились два бездонных водоворота.

— Я только отвернусь, а то стесняюсь...

Повернувшись спиной, Алиса прикрыла глаза, постаравшись отрешиться и прикоснулась. Тело, похоже, только этого и ждало, снизу ударило волной озноба и сразу за ней — жара, превозмогшего горячий банный воздух. Алиса сжала губы и провела по клитору сверху вниз, несколько раз. В ту же минуту она ощутила прикосновение груди к спине и Славяна положила ладони на её собственную.

— Хочу так... — прошептала Славяна её в ухо. — Давай же.

Алиса вдохнула влажный воздух, показавшийся внезапно даже прохладным. Скользкие от мыла пальцы прошли по её соскам, спустились на живот, вернулись обратно. Она скользнула двумя пальцами ниже, бёдра свело наслаждением, а в груди словно кто-то надул пару мыльных пузырей. Она ощутила, что Славяна оставила на её груди только одну руку, другой выдернула оставшееся между ними полотенце, прижалась плотно сзади животом и бёдрами и ритмично заработала зажатой меж их телами рукой. Несколько движений вразной, ритм совпал и девушки уже не смогли б понять, чья рука ведущая, кто за кем следует. Алиса не могла сдержать стоны, разведя

ноги она кружила пальцами, прижимала ладонью клитор и от каждого движения по всему телу шли расходящиеся потоки удовольствия. Они усиливались там, где Алиса ловила мягкие удары грудой Славяны и более сильные толчки её руки ниже.

Славяна не контролировала себя, руки и губы действовали сами. Двумя пальцами она кружила вокруг чувствительного бугорка между ног, бедра ритмично сводило и при каждом движении они сжимали Алису за талию. Свободной рукой она прижала её грудь и, желая впитать еще больше ощущений, принялась покрывать судорожными поцелуями её затылок и шею. Алиса, жарко дыша, повернула голову и Славяна ткнулась мягкими губами ей в ухо, забегала языком как по лабиринту, поворот за поворотом и, не сдержавшись, легко прикусила край...

Горячие быстрые иголки и мыльные пузыри полетели навстречу другу другу. Встретились, столкнулись. И взорвались, разрядились ударной волной, единой на двоих, но не вдвое, а стократ более сильной!

Это было последней каплей, Алиса вскрикнув, непроизвольно распрямила ноги и откинулась назад, её словно ударило жёстким хлыстом изнутри, несколько раз, заставляя все мышцы сжаться. Она прерывисто выдохнула и тут же ощутила, как сзади, тонко всхлипывая, рывками дыша ей в основание шеи, забила Славяна.

Алиса, переполняемая чувствами, вывернула шею, лоя губами — другие. Крутанулась, подмяная Славяну и впиваясь в её широко раскрытый рот, высовывая язык до боли, до предела.

«Тоже девушка? Подруга? Неважно...»

Алиса обняла и прижала Славяну к груди, животу, ближе, ещё сильнее... Все преграды и запреты сейчас рушились, таяли как сахарные кубики в горячем чае.

— Алис... ой... — Славяна вдруг обмякла в её руках и её явно повело вбок. Она сделала губами движение, словно стремясь захватить больше воздуха. Алиса тоже вдохнула. И явственно почувствовала, как давит на лёгкие удушающий жар. Глаза Славяны закатились и она безвольно сползла назад.

«Чёрт дери, она же перегрелась...»

Вскочив и подхватив подругу под мышки, Алиса с натугой повлекла её к двери наружу. Толкнулась плечом, выругавшись, освободила руку и вырвала из скобы засов. Шипя сквозь зубы, вырвалась в предбанник, показавшийся нестерпимо холодным, дотащила обвисшую в её руках девушку до скамьи и пристроила под крючками для одежды. Голова Славяны завалилась набок, рука и нога свесились до пола, она лежала перед Алисой совершенно открытая. Та, не думая, что на ней самой сейчас нет ни единой нитки, присела рядом, прямо на пол.

— Славик... — Алиса осторожно похлопала девушку по щеке. Та негромко застонала в ответ, приоткрыв глаза. Алиса откровенно перевела дух.

— Ты как?

— М-м-м...

— Встать сможешь? На воздух надо... Где там чистая одежда?

— Прости... ты испугалась?

— Ты опять, блядь, начинаешь?!

***

Завалинка перед баней была очень основательной и очень удобной. Алиса, в чистом комплекте формы, прогретая и влажная, восстанавливала дыхание, привалившись затылком к сруб. Славяна, на которую она кое-как, придерживая рукой за спину, прямо на голое тело натянула её голубой сарафан, сейчас лежала щекой у неё на плече. Из распахнутой двери бани истекали последние струйки жара, уходили в ночной воздух, примешивали к ароматам ночных цветов запахи берёзовых листьев и раскалённых кирпичей.

— А я тебя хотела венником ещё побить... — протянула вдруг Славяна сонным и томным голосом. Она плавно просунула руку Алисе под локоть и прижалась плотнее. Алиса ощутила, как сам собой дёргается правый глаз, откат от пережитого напряжения.

— Алис... а ты хорошо фляжку спрятала? — Славяна, не открывая глаз, потянулась всем телом до дрожи в кончиках пальцев. — Давай напьёмся. Вдвоём... И... учиним... что-нибудь, а? Кошка хо-очет курить...

— По ушам она получить хочет! Славик, я одного не догоняю: как ты могла быть такой правильной? Ты ведь совершенно... конкретно... чокнутая!

День шестой. Свобода (вступление)

Внутренний будильник, у которого не было ни шестерён, ни стрелок, а только неошутимое тиканье загудел-задрожал и Славяна пробудилась. Полежала неподвижно, ловя ощущение утра настолько раннего, что делает все краски матовыми и все звуки глухими. Осознала, что правая рука запрокинута за голову и немного затекла, а левые рука и нога свисают с края кровати почти до пола. Ещё чуть позже осознала, что на теле под тонкой простынёй совсем ничего нет, выдохнув, провела ладонью по груди, через живот и до внутренней стороны бедра, на что нервные окончания отозвались сладкой дрожью и беззвучными криками «ещё!»

«Ну вот, я опять спала голая...» — Славяна удивлённо поняла, что не ощущает ни капельки стеснения по этому поводу.

«Ну да, после того, что было с нами вчера. Но что же дальше будет?»

Она с удовольствием потянулась, напрягая до предела пальцы ног, икры и всё, что выше. Тело ощущалось чистым и лёгким как надутый ветром парус, лети — не хочу.

«Пусть что-то будет дальше. Мне хочется — дальше. И больше. И глубже и сильнее.»

Вчера вечером Алиса, шипя и раздражаясь, довела её под руку до домика, но не стала, как за пару дней до того, бросать на пороге и растворяться во тьме. Вместо этого они вломились в домик вдвоём, вызвав культурный шок у неспящей соседки. Алиса, кинув в её сторону нечто среднее между «добрым вечером» и «не отвечивай», пристроила подружку на кровати и уж совсем без церемоний стащила с неё через голову кое-где ещё влажный сарафан. Он и сейчас висел помятым морским флагом на спинке кровати швами наружу. Славяна задавила в горле смешок, представив, как вся эта сцена могла смотреться со стороны.

«Бедная Женька... но почему же я не ощущаю никакого стеснения, вообще?»

Она потрогала высохшие за ночь чистые светлые волосы. Высохли они максимально естественно и сейчас представляли собой нечто абстрактно хаотическое. Славяна с неудовольствием поморщилась, лукаво улыбнулась. Спустила босые ноги на пол, стрельнула взглядом на другую сторону домика, где, укрывшись с головой, безмятежно дрыхла соседка. Звякнули пружины, скрипнули предательски доски пола, она прокралась в два шага к столику, нашла среди вещей расчёску. И, принялась приводить голову в порядок, начиная с кончиков и двигаясь к корням. Мысли о том, что Женька может проснуться и увидеть её такой, горячили щеки и будоражили кровь; и всякий раз расчёска дёргалась чуть сильнее, чем нужно, толкаясь в корни волос болезненным рывком. Странное сочетание ощущений, очень. Косы были заплетены и Славяна, стараясь не скрипеть дверцей, полезла в шкафчик.

«Ой!»

Пакет с чистым бельём она вчера прихватила в баню, там он вечером и остался. Покосившись на зеркало внутри шкафчика, она похлопала ресницами с выражением «ну я идиотка». Не удержавшись, полюбовалась в зеркале собственной фигурой. Смотреть было приятно. И, со вздохом, натянула на голое тело свою привычную чёрную с белой полоской спортивную форму.

«Ладно... пока можно и так пройтись...»

Прихватив полотенце и прочее, оглядев домик от чистого подоконника до чистого коврика на полу и отметив идеальный порядок в вещах, послал мысленное «пока-пока» спящей соседке, Славяна толкнула дверь на улицу.

Стоявшая с той стороны с поднятой «сейчас постучу» рукой Алиса отпрыгнула назад и чуть не навернулась с низкого, на две широкие ступеньки, крыльца.

— Доброе?

— Д-доб... и тебе не злиться...

Алиса проснулась ещё в предутренних сумерках. Словно прячущееся за горизонтом светило дотянулось до неё раньше всех прочих и легонько шлёпнуло по затылку. Словно бы не засыпала с чувством дикой измотанности после банных процедур и вытаскивания не в меру горячей активистки на собственном горбу. Тело полностью восстановилось, хотя не отказалось бы и ещё полежать. Но что-то внутри лежать категорически не желало, что-то требовало действий. Каких? Да хоть каких.

Прометавшись в кровати до полноценного восхода, изо всех сил стараясь скрипеть кроватью потише, чтобы не разбудить раньше времени Улю и смяв под собой простыню до вида некоей

горной цепи, явно инопланетной, поскольку на Земле гор такой степени измятости отродясь не росло, Алиса, наконец, вскочила и принялась натягивать свой легкомысленный оранжевый споркомплект.

«Скажу, что пришла на пробежку.» С этой мыслью Алиса вынырнула из уютного домика и тут же обхватила себя руками, кожа от утренней прохлады разом покрылась пупырышками. Влажный песок дорожки глухо захрустел под подошвами спортивных туфель.

«А на самом деле?» — Алиса-Вторая проснулась вместе с ней и сейчас беззлобно и белозубо скалилась где-то за левым плечом.

«Я волнуюсь. Как она после вчерашнего?»

«А на самом-самом деле?»

«На самом... заткнулась бы ты, а?»

Альтер-эго, неожиданно, подчинилось. Но это было уже и неважно. Внутри у Алисы само собой оформилось в слова то, что она оформлять в них категорически не хотела.

«Я просто очень хочу её увидеть.»

— ...и тебе не злиться, — ответив на автомате своей обычной присказкой, Алиса запнулась. Умолкла. Славяна смотрела на неё, приоткрыв рот от удивления. В голове у Алисы крутанулась мысль, сколь красивы её губы. И округлый подбородок и тонкий нос. И выступающие загорелые ключицы под лямками черной майки.

— Ты как здесь? — спросила Славяна, когда пауза уже достаточно затянулась. Она разом догадалась, что Алиса пришла неспроста и от этого «неспроста» ощутила немалое смущение.

— Т-так... зарядка же... — слова дались Алисе с огромным трудом. Совершенно непонятно было куда деть открытые руки, ноги, да и всю себя саму целиком. А Славяна вдруг с явным облегчением рассмеялась.

— Зарядка? — Славяна с облегчением рассмеялась. Действительно, просто зарядка. У Алисы хорошая конституция, нагрузки ей в удовольствие...

— Ну п-пробежка... чего смешного-то?

— Пробежка, — улыбаясь, Славяна спустилась на ступеньку ниже, так, что лица их оказались на одном уровне. И неожиданно, сама не зная зачем, легонько щёлкнула Алису в кончик веснушчатого носа.

И Алиса, вечно хмурая, с висящей над головой табличкой «не подходить», готовая каждого убить на месте за любое неосторожное движение Алиса — улыбнулась в ответ. Неловкой, но простой и открытой улыбкой, без намёка на сарказм или злость.

***

Раннее умывание обошлось без сорванных кранов, но ледяные до локтей руки и горячая от артезианской воды кожа — последствия неизбежные и обязательные. Шагая к пресловутой калитке, девушки как-то незаметно взяли друг дружку под руки. Соприкасаться голыми руками и плечами оказалось очень приятным, а, примерившись, идти в ногу — очень естественным. Лагерь вокруг них понемногу прогревался, но просыпаться пока не спешил, полукруглые домики застыли среди зелени как перевёрнутые хозяевами лодки. Ни единого человека им не встретилось, словно они и впрямь остались на это утро в целом лагере только вдвоём. Несколько минут шли молча, затем Славяна как-то заговорила про порядки в библиотеке, оттуда перешли на музкружок и столовую и органично сошлись на том, что порядок нигде не ночевал и не просыпался.

Калитка визгливо проняла арию разочаровавшегося в жизни вахтёра и выпустила Славяну и Алису в мир хаоса протоптанных праздными ногами тропинок, где не действуют лагерные правила. Возможно именно этот переход побудил Славяну сказать то, что она сказала. А может виной тому было ясное ощущение неудовольствия, когда Алиса выпустила локоть и выжидательно уставилась ей в лицо.

— Алис... — начала Славяна, отводя глаза. — Может ну её, зарядку эту? Давай просто ещё погуляем?

Светлые брови удивлённо вспорхнули и в янтарных зрачках вспыхнули искорки, а Славяна поспешно добавила:

— Такое утро хорошее...

— Н-ну... давай конечно...

Что вело их прогулку через пробуждающийся, рассечённый светлыми лучами лес? Было ли это некое подобие броуновского движения, такое же случайное, как совершенно не обязательный диалог обо всём, что попадалось им на глаза, зачастую сокращавшийся до простого перебрасывания междометиями? Или же физически неизбежная тяга в определённую точку, такая же, как металл стремится к полюсу магнита? А может быть и не осознаваемое, но твёрдое знание о том, куда и зачем они идут? Вряд ли они смогли бы на этот вопрос ответить, да и задать его им было бы некому.

Всё очень просто. Одна из многих прогалина в лесных зарослях, удивительно ровная и чистая. Мягкая трава выше пояса, совершенно не примятая и убедительно свидетельствующая о том, что давно уже на неё никто и приходил. И вряд ли придёт в ближайшее время. Они с разгону нырнули в мир шуршащих стеблей и пушистых соцветий, в кружащие голову цветочные ароматы. Славяна легко придержала убегающую вперёд Алису за предплечье, та развернулась, останавливаясь. Пауза, когда звуки исчезают и перестают видеть глаза, зато видишь всем телом разом и мир из трёхмерного становится одномерным с направлением лишь в одну сторону — на шаг ближе. Славяна облизнула губы, ощутив, насколько они сухие, уже несколько минут она дышала ртом, и тут же Алиса дёрнула её к себе вплотную. И губы у обеих разом стали настолько влажными, какими не бывали, наверное, никогда в жизни.

Каждый поцелуй неповторим. Этот был берущий и пронзающий, языки стали твёрдыми и устремились навстречу, не позволяя противнику закрыть осаждаемые ворота, зубы сталкиваются боевыми отрядами и лязгают как щиты. Отступление, перегруппировка, набрать побольше воздуха и снова вперёд, на штурм, на глубину, которая одна на двоих, наша, самая тёмная, погрузиться и не выныривать и наконец сорвать покров с самых глубоких желаний и позволить теням выйти под утренний свет и не исчезнуть при этом... Алиса, обхватив подругу за талию, почти сразу нашарила полоску голой кожи и запустила ладони под форму, сдвигая разом вверх и вниз, так, что Славяна только ахнула, отступая, заваливаясь на спину и увлекая Алису за собой. Тонкие стебли сомкнулись над ними и сломались под ними живой постелью. Руки действовали сами. Славяна, всхлипнув, выгнула спину, приподнимаясь и позволяя Алисе пропустить ладони под одеждой выше, к лопаткам, и подняла руки над головой, позволяя снять с себя черную майку.

При ярком свете её обнажённая грудь смотрелась светлой, в окружении загорелой кожи. Алиса прижала её руки к земле, чувствуя, как набухает от возбуждения её собственная грудь и горячо пульсирует внутри. От открытых подмышек Славяны тянуло резким кружащим голову запахом и Алиса замерла, пытаясь сообразить, что делать дальше.

— Ну что ж ты, давай... — прошептала Славяна хрипло. Она сейчас не сразу вспомнила бы своё имя, спроси его кто, все чувства сошлись на бёдрах прижимающих её бедра, руках, держащих её руки и заполнившего собой все тело желания немедленно оказаться абсолютно голыми, обеим. Алиса медлила и тогда Славяна рванулась из её объятий с неожиданной силой, освобождая руки и заваливая Алису на себя и перекатываясь, чтобы оказаться сверху, зажать её руки, накрыть её губы своими и другими губами прижаться к гладкому бедру, ну как же мешает одежда! Славяна полезла под оранжевый топик, высвобождая упругую грудь и задёргалась всем телом, помогая себе избавиться от шорт и пытаясь одновременно захватить и потянуть вниз алисины. Алиса положила ладони ей на талию и повела вниз, помогая раздеться полностью.

— Да ты без... — Алису затрясло от возбуждения и беспомощности. Зажата под Славяной, прижата к земле. Раскалённое дыхание на лице. Пальцы на груди. Желание сбросить шорты с трусами и раздвинуть ноги, обхватить девушку над ней бедрами и раствориться в ней полностью. Рука Славяны сжимающая её грудь, прижимающая набухший сосок. Из груди толкнулось рефлекторной волной боли, Алиса застонала, прикусывая нижнюю губу. Отдаться боли. Нет. Отдаться боли. Нет. Отдаться ей ему ей ему нет нет нет нет НЕТ НЕ ЕМУ!!!

— Да что... да... — Алиса рванулась вперёд и вверх, сталкивая с себя почти раздетую Славяну. Аромат голой груди, подмышек, губ забивал и заполнял собой всё и Алиса с силой затрясла головой, избавляясь от морока. Возбуждение и боль сталкивались внутри на сверхзвуковой скорости, беззвучно заваливая её обломками. Алиса осознала, что так и держит Славяну за голые бедра и та смотрит ей прямо в лицо с совершенно беззащитным выражением. Взрыв внутри оседал тяжёлым облаком, пахнущим ржавчиной и злостью.

— Сл... — с губ чуть не сорвалось ставшее привычным «Славик», но Алиса сбила его на лету и затоптала. Злость поднималась внутри неё, оседающая и тяжёлая как чёрная нефть, вытесняя из груди остатки боли. — Да что... ты со мной такое делаешь? Ты в кого меня превращаешь?

— Да что... да чего ты... — пискнула Славяна, жалобно и недоумевающе и потянулась к ней ближе, но Алиса отшатнулась назад.

— Я тебе... не ковырялка лесбийская, ясно?! — Алиса рывком дёрнула топик вниз, пряча грудь.

— Без трусов уже идешь со мной встречаться, совсем ты долбанулась!

— Алис... — Славяна ощущала себя так, словно её с размаху, с огромной силой бьют сразу по обеим щекам, но это ведь была Алиса, она просто не могла так поступить после всего, после всего...

— Что «Алис»? — злость и боль уже заполняли Алису доверху и давление всё нарастало как в наглухо заваренном котле. Их нужно было куда-то деть. — Что «Алис»? Сколько у тебя таких «алис» уже было, мажорка?! Из хорошей семьи...

— Чего??? — Славяну уже вбили в землю и давили и топтали, ломая кости, но она ещё пыталась не верить и подняться.

— А того... налетела, заморочила, разложила... — тяжелая злоба Алисы на ходу перерождалась в горький колючий сарказм. — «Хорошая семья» она всегда прикроет, если что не так пойдёт, да?

— Да что... — Славяна вскочила на ноги, спешно подхватывая и натягивая обратно черную форму.
— Да как...

Оказавшись внизу, сидящей на смятой их телами траве, Алиса подняла взгляд и ужаснулась. Голубые глаза Славяны, такие прозрачные, живые и влажные всегда, словно затягивало изнутри ледяной коркой и лёд этот с каждой секундой становился всё толще.

— Да как ты могла про меня подумать такое? — слова были мёртвые. Ненужные. Как острые градины, бьющие в ледник.

— У меня никогда... ничего не было... — почти беззвучно, на один волосок от полной тишины сквозь толщу накрывшего половину мира великого оледенения.

— И я до тебя никогда... — плюс ещё километр сплошного льда.

— Ни в кого... — ещё пара миллионов лет холода.

— Не влюблялась.

Слово было сказано. Славяну пробило насквозь и пригвоздило к земле запоздалое понимание, что она сказала это впервые в жизни и сказала именно так. Не держась за руки под дружелюбно подмигивающими летними звездами, не сжимая друг друга в объятиях, не тёплыми губами в тёплое ухо. А вот так: скользящий с горы под собственным весом ледяной блок, размалывающий в кровавую полосу каждого, кто не успеет отскочить.

Славяна резко развернулась и не разбирая дороги прямо сквозь заросли, царапая голые локти, растрепывая о стебли аккуратные косы и покрывая чёрную ткань формы цветочной пылью ринулась прочь. Алиса осталась сидеть в траве одна.

***

Жара и тишина. Только покачиваются над головой как костистые лапы «зонтики». И шум ветра временами долетает из зелёных древесных крон. В лагере, наверняка, все уже проснулись, но ни единого звука из него сюда не пробивалось. Словно она одна на всём белом свете. Алисе очень хотелось упасть лицом в траву и отключиться. Спрятаться. Не вижу, не слышу, не осознаю. С последним пунктом совершенно не получалось. Она слишком хорошо, но поздно осознала, что произошло.

«Я всё уничтожила.»

Алиса-Вторая молчала, но ничего полезного она и не могла бы сказать. Всё. Близость. Открытость. Возможность быть нужной для другой. Разрушено. Стёрто в пыль. Ничего не осталось, кроме километрового ледника между ними. Алиса затрясла головой и вытерла тыльной стороной запястья пробивающиеся наружу слёзы. Она только сейчас и вдруг стала понимать, насколько ей важна аккуртистка и активистка Феоктистова.

— Славик... — прошептала она одними губами. Губы свело, губам стало больно, словно эхо сумасшедших поцелуев догнало её только сейчас. Алиса припомнила, что она говорила и зажала нижнюю половину лица ладонями, чтобы не завить от стыда. Ну что она накрутила, ну зачем? Славяна такого не простит, никогда. Слишком ужасные слова. Слишком. Непростительные. Не исправить. Никак.

Алиса рывком вскочила, наступила себе же на ногу, взмахнув руками удержала равновесие, выругалась сквозь зубы и чуть не бегом сорвалась туда, где ещё не распрямылась примятая Славяной трава.

***

На самом деле, Славяна не смогла бы далеко уйти. Ощущала она себя деревянной куклой, побывавшей под копытами лошадиного табуна. Ни единого целого сустава в теле. Механически переставляя ноги и ломаной линией огибая возникающие прямо перед ничем не выдающимися глазами стволы деревьев, она не прошла и сотни шагов. Наткнулась на выпирающий из земли плоский валун и бессильно опустила на него. Спрятала лицо в коленях и застыла. Камень успел немного нагреться за утро, тепло ощущалось сквозь тонкую ткань. Славяне казалось, что кроме этого тёплого пятна под ней не осталось ничего. Залитая жидким азотом пустошь внутри. И совершенно неуместный, бессмысленный, звук похрустывающих под чужими шагами сучков.

— Сла... вик...

Она не ответила. Головы не подняла и вообще не двинулась с места.

Алиса не знала, зачем она побежала за той, кто теперь заслуженно её измочалит и выбросит подальше. Не знала, что можно сделать. Просто не могла по-другому. И только когда она, совсем немного пробежав куда глаза глядят, разглядела сгорбленную обтянутую черной майкой спину, внутри шевельнулось что-то похожее на надежду. Она ведь могла и совсем в другую сторону пойти, верно?

— Славик... — Алиса неловко опустила на край плоского камня. — Ну... психанула я... Идиотка я... ненормальная...

— Да почему ж, — отозвалась Славяна глухо, скорее, выдохнула себе в колени. — Очень разумно и логично сказано. Мажорка-извращенка, соблазняет простых девушек и бросает, всё нормально.

— Да я не х...

— А может я такая и есть?! — Славяна распрямилась и развернулась чёрно-золотой молнией, только косы взлетели. Глаза блеснули яростью, а красивые губы искривились жесткой скобкой. — Так внятно всё, я бы прямо сразу поверила!

— Да не мож... не можешь ты... — Алиса смешалась, отступала под напором раскалённой до звездных величин злости.

— А почему это?

— Да пот... потому...

Алиса вдруг поняла, почему. И ещё поняла, что удержать это внутри себя не сможет. Да и не захочет.

— Потому, — продолжила она сжатым как газ в баллоне голосом, — что плевать мне. Я с тобой хочу. Вместе! Хочешь меня поймать во все места — пошли прямо сейчас назад, там удобно! Ну?

Настал черёд Славяне смешаться и смутиться. Только что летела по прямому стальному лучу чистой ярости, но внезапно налетевший вихрь согнул его, скрутил и скомкал.

— Да я не... — отозвалась она тише и на пару тонов выше. Краска бросилась ей в лицо. — Прости... Алис... я слишком торопиться стала, да? Почему ты...

Рассказывать Алиса не хотела. Совсем. Но и молчать не могла.

— Да нет, — заговорила она сбиваясь и заикаясь, — хорошо ты... Просто... вот так... ты совсем... как тот самый... мне показалось...

И она рассказала Славяне всю ту ненавистную ей историю, начавшуюся со знакомства с чужой квартире, а завершившуюся бегством на лестницу к куртке и трусах. Выпалив всё на едином выдохе, Алиса раскашлялась, прижимая к груди ладони и сгибаясь вперёд.

— Бедная... — проговорила Славяна очень тихо. Не громче, чем прорастает по весне трава. Невозможный сплав огненной ярости и великого ледника стремительно испарялся из её взгляда, вновь открывая живую синюю глубину.

— Да что «бедная», я ж сама хотела, — проворчала Алиса, продолжая откашливаться. И продолжила тоном ниже и размеренней. — Просто... я ощутила, что никто для него. Взять и смять. И плевать, что больно. Терпи. Так тошно стало, что я сразу ушла. А боль...

Алиса сжала кулак и стукнула себя в грудь, пониже горла.

— Здесь и осталась! Так и живу. И приходится, ну, сбрасывать, время от времени...

Славяне показалось, что кое-что она поняла.

— Так ты поэтому меня... схватила тогда?

Алиса недоумевающе захлопала глазами и Славяна, придвинувшись ближе, просто взяла её ладонь и положила себе на грудь.

— Вот так.

Она не думала сейчас. Просто следовала какими-то давным-давно проложенным внутри путями, так кошка, заболев и поранившись, безошибочно находит в лесу лечебную траву, ничего про неё не зная. Прежде, чем Алиса успела рот раскрыть, Славяна скользнула правой ладонью ей под топик и взяла согнутой лодочкой уже её грудь.

— И вот так... — она задержала дыхание и сделала пару оглаживающих движений. Очень осторожных. Словно боялась расплескать налитый до краёв сосуд. — Видишь... ничего страшного...

Алиса дёрнулась было отскочить, но это движение так и осталось внутри, невоплощенным. Прикрыла глаза, вслушиваясь в себя. Жесткий многогранник толкнулся изнутри в грудную кость, царапнул гранями. Но слабо. Ещё слабей. И тихо-тихо растворился в идущем от руки Славяны потоке тепла.

***

Перед ними замаячил бочкообразный силуэт крайнего домика, перед ним о чём-то болтала пара незнакомых мальчишек, отряда из третьего. Алиса сделала движение высвободить руку, но Славяна только крепче взяла её под локоть.

— Не надо, — сказала она тихо, но внятно. — Давай вместе идти.

— Так проснулись все давно, — Алиса нерешительно затрепыхалась. — Вот разговоров будет, гордость лагеря под ручку с...

Славяна повернулась к ней и ещё крепче взяла за оба локтя.

— С девушкой, которую я люблю!

***

— Вечером дискотека и танцы, я буду организацией заниматься...

— Да не хожу я на танцульки эти, — фыркнула Алиса.

Вдвоём они шли среди домиков и шумных детей, направляясь в центр лагеря. Кое-кто и правда провожал их пару любопытным взглядами, но большинству, как оказалось, не было до подруг никакого дела.

— А я тебя на все танцы приглашаю, так что приходи, — сказала Славяна задорно. — И в платье. У тебя точно есть!

— Да что ты выдумываешь такое!

— А если нет, то в мужкружке одолжи.

Они прошли через площадь и Славяна мельком подумала, что за пропущенную линейку тоже надо будет как-то оправдаться. За обеих сразу. Впрочем, строгий Деятель не покосился со своего поста им вслед и не погрозил пальцем.

— Да вот ещё, — Алиса не знала уже, куда деться и просто сменила тему. — Завтрак мы сто пудов пропустили, голодаем теперь, стало быть.

— Не-а. Сейчас стукнемся на кухню, я скажу что... — Славяна окинула взглядом их легкомысленные спорткостюмы, которые они так и удосужились переодеть, — у нас тренировка дополнительная была, нам всё выдадут.

— Активистка с привилегиями... — проворчала Алиса. — И обманщица.

— Ну да. Я такая!

День шестой. Свобода (развитие)

— Я ведь говорю, что не загораю, сгорю моментально, чего неясно?!

— Я тебя кремом намажу, ну, Алис...

Пляж в лагере — государство в государстве, анклав расслабленности посреди страны строгого распорядка. Конечно, при условии, что ты в первом отряде и хорошо понимаешь, где правила безусловны, а где — превращаются в чистую условность. Например, здесь, где река делает поворот и широко разливается, огибая два острова, а береговая дуга с чистым речным песком и пологим заходом в воду идеальна для купания. От лагеря пляж отделялся полосой довольно высокого кустарника, где-то за которой находились сваренные из металлических листов кабинки для переодевания, те же самые кусты успешно отвоёвывали территорию, превращая дальний край пляжа в песчано-зелёный хаос. На один из таких спрятанных пятачков Славяна и притащила, после настойчивых уговоров, Алису, добив её финальным аргументом, что здесь можно прекрасно и безопасно загорать в полутени.

Сама Славяна прятаться в полутени не собиралась, широким жестом раскатала по песку прихваченное со склада одеяло, сверкнув довольной улыбкой, по-хозяйски кивнула Алисе на место рядом. Та нерешительно топталась в своём красном купальнике с завязками на спине. Славяна уселась, скрестив по-турецки стройные ноги, пошарив, выловила из своей бездонной торбы тубик и принялась размазывать крем по шее и животу.

— Алис, ну давай же... отдыхаем... — Славяна сияла так, словно и не было их сумасшедшей прогулки и сумасшедшего объяснения пару часов назад. — Нам ещё площадку для танцев помогать готовить. И самим готовиться.

Та, наконец, не говоря ни слова, опустила и устроилась на животе с краю подстилки. Подпёрла кулаками подбородок и шумно вздохнула. Славяна, напоследок мазнув белым по лбу и носу, устроилась рядом. Белый с голубым кантом купальник блестел под солнцем. Она смотрела на небо в нервно шелестящем неровном овале листвы. Вдалеке звучали чьи-то неразборчивые крики в сопровождении негромкого плеска волн, а здесь был оазис жары и тишины, нарушаемой только редким потрескиванием стрекозиных крыльев.

«Как же хорошо!» — расслабленная теплом Славяна скосила глаза на Алису, та вытянулась в полутени с закрытыми глазами и, кажется, спала. Ветки зашуршали, Славяна вздрогнула, приподнимаясь и оглядываясь.

— Хорошего дня, пионерки.

Растянутое вибрирующее контральто принадлежало Виолетте, единоличной повелительнице Изолятора и госпоже Фармацевтики, а если попросту — медсестре. Хотя, восточного разреза глаза, тонкий нос и тонкие губы, вечно чуть-чуть искривлённые в скрытой, но очевидной каждому усмешке, а также строгая осанка ясно давали понять — обращение «медимператрица» было б куда уместнее. То ли строгость эта была причиной, то ли чего другое, но число желающих пофилонить в изоляторе симулянтов-ипохондриков всегда было исчезающе малым, под прицел разноцветных глаз, левого серого и правого карего, попадали только действительно серьёзные случаи.

Плавно и нарочито покачивая бёдрами под взрослым закрытым купальником, медбогиня продефилировала мимо. Улыбнулась нашей паре сероглазой половиной лица.

— И вам... хорошего дня... — проговорила Славяна чуть растерянно, приподнимаясь. Виолетта только встряхнула распущенными по плечам чёрными волосами и исчезла из поля зрения.

— Стервозина, — пробурчала проснувшаяся Алиса. Славяна тут же перекадилась на бок, поближе к подруге, плавающий на солнце крем стекал белыми каплями по полушариям груди, впитываясь в край купальника.

— Не перегреешься? — спросила она заботливо. — Давай я спину тебе намажу?

— Да ну, не надо...

Алиса сделала движение словно собиралась отодвинуться, хотя сдвигаться было особо и некуда, она и так лежала на самом краю.

— Алис, я тебя чем-то обидела? — в голосе Славяны появилась тревога.

— Не...

— Ну дава-а-а-ай тогда! — тревога рассосалась, уступая место уже знакомым «банным» ноткам. Славяна переползла вплотную, дёрнув узел, распустила завязки на спине у Алисы и легко касаясь

забегала скользкой ладонью от затылка до поясницы.

— А хочешь, плечи разомну? Они такие жёсткие у тебя... — Славяна поднялась, чтобы, не дожидаясь ответа, перейти от слов к делу.

— Славик... ну зачем я тебе? — проговорила вдруг Алиса тихо. В голос её откуда-то вдруг вплелась чёрной нотой глухая нутряная тоска.

Стоп-кадр.

Рыжая девушка лежит на одеяле, скрестив лодыжки и вытянув вдоль тела тонкие руки со сжатыми кулаками. Лифчик красного купальника на спине развязан. Над ней, положив ладони на лопатки, нависает другая, светленькая. Плотные золотые косы спускаются через плечи и щекочут первой спину.

«Зачем я тебе? Ты ведь совсем-совсем меня не знаешь, а так легко говоришь, что полюбила. Во мне нет того, что можно любить. Ты не задумываясь прикасаешься ко мне и не ведаешь, что от ладоней твоих идёт жар который сильнее этого полуденного солнца. И сразу ясно, очевидно то, что вся моя стальная, пробитая заклёпками броня, закрывшая меня от боли этого мира не более, чем толстый слой льда. Разве лёд может противиться солнцу? С каждым твоим прикосновением лёд становится тоньше, может быть осталось всего одно и я наброшусь и обниму тебя и не отпущу больше до самого отъезда. Но ведь тем, кто от рождения предназначен жить в холоде нельзя нельзя нельзя влюбляться в солнечных людей!

Потрогай меня ещё раз, и я позволю нам всё. И мы не расстанемся больше, пока наш битый жизнью «Икарус» не привезёт нас в город, и мы будем сидеть на заднем ряду и всю дорогу держаться за руки и вместе выйдем на тротуар. А потом твой чемодан забросят в багажник, посадят тебя на заднее сиденье и отвезут домой, хотя идти совсем недалеко. А я в лязгающем вагоне предпоследней электрички, с рюкзаком и гитарой уеду в пригород, в свою драную однушку, где на кухне вечно горбится над столом пьяная мать.

Потрогай меня ещё раз. А я каждую ночь, не смыкая глаз, каждую ночь буду до упора жечь пальцы пеплом и лёгкие дымом и, сидя на подоконнике, колотиться об оконную раму никчемной рыжей башкой. И ждать утра и надеяться, что оно будет солнечным, потому что только ранним утром в моё окно проникают солнечные лучи, так похожие на твои золотые волосы. И однажды я просто дождусь, когда мама уйдёт в запой на трое суток, закроюсь в ванне, проглочу одним махом горсть таблеток... я знаю, у кого их можно взять... и запью стаканом водки. Для верности.

Нет, этого не будет, наверное. Я не убью себя. Просто однажды я возненавижу солнечный свет, на который так похожи твои золотые волосы. И докажу себе бесспорно и ясно, что ты всего лишь похотливая юная лесбиянка, сумевшая заморочить мне голову. Я убью не себя, а тебя, Славик. Внутри себя. И сожгу твой труп до пепла внутри себя и навсегда стану одной из этих, тех кто с каменными лицами, стеклянными глазами и выжженной пустотой вместо сердца. Только те такие от природы, а я себя такой сделаю. Просто чтобы выжить.

Но пока потрогай меня ещё раз. Пожалуйста.»

Конечно, Алиса не размышляла в таких выражениях, едва ли в эту минуту она размышляла хоть о чём-то. Скорее, ощущала как впитывала смесь мгновенного возбуждения с фонащим из близкого будущего холодком и этого ей хватило.

Пуск!

— Чего ты? — Славяна отпустила плечи Алисы и попыталась заглянуть ей в лицо. Она уже не в первый раз проживала болезненное ощущение столкновения с барьером в свободном полёте. Барьер ломался на острые кромки, резавшие кожу до крови.

— Ты ведь совсем-совсем меня не знаешь... — сказав это с горечью, Алиса резко выгнулась, завязывая узел на спине обратно.

— Это ты себя не знаешь! — Славяна говорила горячо, продолжая склоняться и ловить взглядом ускользящий янтарь под упрямо сдвинутым бровями. — Ты... удивительная...

— ДА ЧЕМ?! — острые лопатки на веснушчатой спине напряглись, Алиса, оттолкнувшись руками, поднялась и резко уселась. Лицо у неё горело. — Я просто гопница пригородная, три класса, восемь аккордов... ой, ну то есть... Чего во мне можно?..

— Чего?

Славяна прикусила нижнюю губу, выражение лица у неё стало очень спокойным и очень взрослым. Она запрокинула голову, вновь всматриваясь в неровно оконтуренный ветвями клоч синего неба.

Маленькая бабочка резко мечась, отступая рывками и вновь кидаясь вперёд, проделала в поле зрения путь с самой нижней точки до самой верхней и исчезла.

— Знаешь, — заговорила Славяна раздумчиво, — я много читала о любви. Там всегда всё про внешнее. Знакомятся, потом он что-то дарит, ещё можно серенаду у балкона спеть, а потом они просят у родителей разрешения играть свадьбу...

При слове «свадьба» Алиса скептически фыркнула, но Славяна и бровью не повела.

— А сейчас я, кажется, поняла для себя: если ты хочешь быть с кем-то близко... очень-очень близко, совсем... понимаешь? То, наверное, это и есть оно самое?

Славяна завалилась спиной, опираясь на локти и скашивая глаза на Алису. Та, вся красная, сидела сгорбившись и кусала губы.

— Со мной? — проговорила она напряжённо.

— Ага... — отозвалась Славяна просто. В памяти у неё разом нарисовались попытки раздеться перед Алисой, сейчас они показались ей совершенно естественными и логичными.

— Близко-близко... — продолжала Алиса негромко. — А я... курить буду как паровоз... близко-близко...

— Знаешь, я уже как-то и привыкла, — Славяна улыбнулась уголками губ. — Не такой и противный запах.

— А обложу я тебя... многоэтажно... — чуть ли не выкрикнула Алиса. — Я ж хамка последняя!

— Расстроюсь, наверное. — Славяна покачала головой. — А потом прощу...

— А то, что я тоже девушка тебя совсем не смущает, да?

Славяна резко перекадилась на бок, лицом к ней и поближе.

— Алис... — губы её напряглись от сдерживаемого смеха. — Можно я не буду говорить, что у всех есть свои недостатки?

— Да ну тебя!!!

Алиса рывком отвернулась, падая на подстилку боком. Иного способа скрыть лезущую на физиономию глупую улыбку у неё не было. Аргументы кончились. А Славяна просто придвинулась ещё чуть ближе и легонько провела кончиком пальца по выступавшим под бледной кожей позвонкам. От основания шеи и вниз.

Спину Алисы пересекла чья-то тень и Славяна вздрогнула, оборачиваясь. Сзади стояла Ольга Дмитриевна, при полном параде, явно не настроенная расслабляться под жарким солнцем у воды.

— Славя, я как раз тебя искала, — вожатая заговорила негромко и по-деловому, — что с... мероприятиями на вечер?

— На костёр всё готово, Ольга Дмитриевна, — глядя снизу вверх отозвалась Славяна вежливо. — С подготовкой дискотеки я помогу. А Двачевская выступит вечером с песней...

— Чё?! — Алиса перевернулась с такой скоростью, словно ей в мягкое место вонзили булавку. Под взглядами двух пар глаз — невинного голубого и яростного янтарного, Ольга ощутила себя не в своей тарелке.

— Ладно... расскажешь потом... — проговорила она, отводя глаза. — Вы очень сблизились, однако...

Не закончив фразу, Ольга повернулась и, обогнув кусты, пропала из поля зрения. Алиса и Славяна переглянулись, обнаружив вдруг, что лежат лицами почти вплотную...

Дальнейшего они видеть не могли, но если кто-нибудь наблюдал за вожатой отдельно, то увидел бы, что она подошла к расслабленно лежавшей на покрывале с книжкой в руках Виолетте и о чём-то негромко заговорила. Слова её сопровождалась жестами резкими и неуверенными. Медсестра, прикрыв глаза от яркого солнца, отвечала лениво, нехотя. А вот тому, кто пожелал бы узнать, о чём именно они говорили, пришлось бы к ним подойти.

***

Дискотека... Время, когда день приближается к концу и свежий ветерок с реки разбавляет густой сироп жары, когда краски становятся нежными, а звуки томными. Центральная площадь, трудами

вожатых и добровольных помощников расцветенная цветными огоньками, на один вечер перестаёт быть точкой приложения официальных сил и становится точкой для чего-то совсем другого, вдохновляющего и будоражащего. Постамент Деятеля скрывается за музыкальной установкой, да и сам он, как может показаться за игрой цветомузыки, начинает добродушно улыбаться, а жест вечно поправляющей очки левой руки можно принять за ободряющий, мол, раз не постеснялись прийти сюда сегодня, так держайте!

Время, когда и лето, и смена давно перевалили за середину. Время для решительных прикосновений. Решительных объяснений, согласий, отказов... Или просто возможность напоследок посмотреть издали на ту... или на того, кто... Кто сейчас танцует не с тобой. Но это для кого как, разумеется. Две подруги этим вечером не собирались смотреть издали. Два сердца колотились сильнее прочих. Собственно, их обладательницы уже давно всё понимали и знали, куда их затягивает с неотвратимостью крутящихся в ливневом водостоке бумажных корабликов, а то, что они не хотели знать про это знание, так это и с более взрослыми людьми случается порой.

— Ну что, как я тебе?

Славяна от полноты чувств крутанулась на носках, вскинув и заложив руки за голову, открывая подмышки. Вышедшая на нетерпеливый стук из домика Алиса смогла для начала только выдавить нечто неразборчивое, не то «э», не то «ы». Возбуждение Славяны в ту же секунду обратилось озабоченностью.

— Мне не идёт, да?

— Нет-нет-нет, просто... я не думала, что у тебя они есть...

Алиса с восхищением и лёгким уколом зависти оглядела подругу сверху донизу. На Славяне была чёрная майка, оставлявшая открытыми круглые плечи и светло-голубые узкие джинсы, туфли на низком каблучке. В такой одежде Славяна смотрелась тоньше, воздушней и какой-то более уязвимой, чем обычно. Даже парадоксально более женственной. Алиса нахмурилась, что-то ещё не давало ей покоя, какая-то неправильность.

— Мне всё-таки не идёт... — Славяна истолковала эту паузу по своему и разволновалась ещё больше, неловко переступила стройными ногами.

— Да нет, всё здорово, даже очень. Ты такая... — Алиса не закончила, так как поняла, что ей мешало. Славяна расплела свою непременно пару кос и закрутила волосы в плотный узел на затылке, как раз сейчас она в волнении ловила и пыталась потеревить кончик правой косы, а ладони ловили пустоту. Отсутствие обрамления из двух золотых цепей и делали такими непривычно беззащитными обводы её груди и талии... Алиса поймала себя на желании протянуть руки и обнять подругу.

«Подругу ли? Ты ведь совсем не подруга мне. Я так и не понимаю, кто мы друг для друга. И я чуть не сказала сейчас вслух, какая ты красивая.»

С пляжа за несколько часов до этой встречи Славяна и Алиса ушли в не самом лучшем расположении духа. Алиса полчаса шипела сквозь зубы нечто полуматерное в тональности «без меня меня женили, ты чего удумала, не собираюсь я выступать», Славяна отвечала ей чем-то успокаивающе-ободрительным и, вероятно смогла таки ободрить и успокоить и даже уговорить. Вот только совершенно не помнила, какие это были слова. То, что мелькнуло в интонации и выражении глаз Ольги Дмитриевны, Славяне очень не понравилось, и сталкиваясь с ней весь оставшийся день, а подготавливая площадку для танцев сталкиваться пришлось неоднократно, она ловила и искала тот же самый странный тон. Но Панамка вела себя совершенно так же, как и всегда, так что в итоге Славяна выбросила все тревоги из головы.

Что же Алиса? Она в раздражении ретировалась в домик, машинально сгребла и оправила в форточку оставленный на столе Ульякой мусор и кинула себя на кровать. Пружины разноголосо и коротко взвыли. Она совершенно не понимала, каким образом настырная активистка смогла её уговорить выступать. Вот перед этими вот. Алиса подтянула к себе коленки и скрестила руки на груди, пряча внезапно замёрзшие ладони подмышками. Ей очень хотелось послать всё к чертям и свалить из лагеря прочь, до глубокой ночи. Или до утра. Забрать с собой гитару и всё ещё непочатую флягу... из которой они вдвоём пили совсем недавно. И куда же пойти? Может на озеро? На то самое, где они... Алиса с предельной ясностью осознала, что совершенно не хочет уходить. Ей хотелось произвести впечатление. Но не на всю эту равнодушную массу пионеров, которые будут пытаться веселиться на танцах, а потом потащатся сидеть у костра. И уж точно не на Панамку.

На одну единственную.

Перевалившись на бок, Алиса подтянула к себе гитару и принялась подбирать непривычную и не самую для её навыков простую мелодию. Этим она, отрешившись и позабыв обо всём мире снаружи, и занималась до того момента, как в дверь нетерпеливо заколотила ребром ладони Славяна.

— А твоё платье где, мы ведь договорились?! — Славяна тем временем резко переменяла направление разговора. Упёрла кулак в обтянутый чёрным бок, изогнув бедро изящной аркой.

— Э... — Алиса опять потерялась. За музыкальными упражнениями она начисто позабыла обо всём остальном.

— Я же сказала, если нет, так надо к тараторке нашей сбегать, покопаться там, давай... — Славяна уже тянулась к её локтю, собираясь тащить за собой в музкружок.

— Да подожди ты... да есть у меня...

— Раз есть, надевай, нам идти уже пора!

Славяна придвинулась вплотную, буквально вталкивая Алису обратно в дом. Та только вздохнула, вытаскивая сумку с вещами и копясь на глубине.

— Как хорошо... — Славяна двумя летящими шагами оказалась на середине комнаты. — Здорово, что мы прибрались тогда...

— Славик, отвернись, дай переодеться.

***

Если бы кто-нибудь спросил у Славяны, что с ней происходит сейчас, а человек, хоть сколько-нибудь хорошо её знающий, спросил бы это обязательно, она не нашлась бы, что ответить. Не смогла бы подобрать нужных слов. Ощущение было такое, словно у гудящего не первый день внутри, между животом и грудью огненного движка разом сняли предохранители, отключили ограничители и сейчас он лупил плотными струями раскалённого пара в макушку и все четыре конечности, вплоть до кончиков пальцев. Сейчас она на предельной скорости неслась сквозь сумеречный лагерь, ноги сами находили дорогу на проросших травой плитках дорожек. Алиса, которую она держала под руку, едва за ней поспевала. Тёмно-бордовое, открытое, держащееся на двух тонких ляжках, длиной почти до колен платье оказалось немного помятым, но сидело идеально по фигуре.

— Алис, ты потрясающая! — всплеснула ладонями Славяна, едва дотерпев, чтобы оглянуться. Та только глаза отвела, скрещивая руки на груди и вновь неудержимо краснея. Алисе и грудь казалась слишком открытой, и ноги, она ощущала себя практически голой под этими жаркими восторгами. Почему-то общепринятая форма, которую она вечно рискованно-неформально завязывала узлом на животе, такого ощущения незащитности совершенно не давала.

— Хватит, пойдём уже, — только и смогла она ответить.

Они пропустили официально-вступительно-приветственное слово от Ольги и первые такты, когда за пульт встала живое свидетельство нерушимой советско-японской дружбы навек. Не считая светового пятна вокруг неё, вся площадь была погружена в полумрак, по асфальту бродили округлые пятна алого, лилового, аквамаринного и в этом странном освещении сложно было отличить знакомые лица пионеров от полужнакомых и совсем неизвестных. В пространство неслись отрывистые звуки чего-то танцевального, разогревающего, запах ещё не осевшей до конца дневной пыли, то и дело случайно разбивался чем-то резко-парфюмерным. Алиса узнала в центре площади начавшую отплясывать что-то сумасшедшее Ульку и мельком порадовалась за неё. Но большая часть присутствующих ещё неуверенно топтались по периметру.

— Погоди, дай... дух перевести... — Алиса освободила руку, за которую разгоряченная Славяна уже тянула её за собой.

— Ага. Но медляк — наш! — Славяна, сверкнув напоследок очами, умчалась танцевать. Алиса нащупала взглядом прячущуюся в тени на краю площади свободную скамью, не ту ли самую, на которой плакала несколько дней назад обиженная ей Феоктистова, и присела на край. Она видела, как Славяна влилась в хаос цветных теней, поймала стремительный ритм и закружилась в импровизированном танце, простом и свободном. Алиса поняла, что движения её тела очень похожи на те, что она видела ночью у костра и ощутила странный укол под сердцем. Ведь там они были вдвоём, как она может так же легко танцевать разом для всех?

— Алиса? — раздалось из темноты неловко-вопросительное. Слева от скамьи нарисовался силуэт вроде-бы-знакомого пионера.

— Слушаю... — ситуация была очевидной и привычная маска сама напозла на лицо.

— Сейчас медленный танец объявят... может... — собеседник переминался с ноги на ногу и нервно перебирал пальцами воздух.

«Может взять, да и согласиться?»

Завершающее умца-умца-умца плавно утихало и после пятисекундной тишины из невидимых динамиков поплыли мелодичные размеренные аккорды. Славяна, тонкая, гибкая, разгоряченная и немного даже вспотевшая от быстрых движений подошла и вопросительно глянула на Алису и её почти невидимого собеседника.

— Алис?

От Славяны тянуло ровным мартеновским жаром и Алиса ощутила внутри тела, в животе и в плечах тянущее чувство. Так неудержимо тянется к южному магнитному полюсу северный.

— Занята уже, — бросив эти слова вроде-как-бы-знакомому парню, Алиса протянула девушке ладонь. Своей. Или кто там чья девушка?

Держась за руки они нырнули в мелодию как в глубокий водоём и, подобно тому как на глубине не остается возможности дышать, у них не осталось выбора кроме как подчиниться единому ритму. Алиса глядела в лицо Славяне, Славяна — Алисе, полутени на их лицах в такт музыке сменял разноцветный полусвет и не было никакой возможности спрятать глаза. Неловкая пауза, пока они сталкиваются руками, приноравливают слишком похожие изгибы тел, пока, не сразу, но несомненно, ладони Славяны находят свое место на талии Алисы, ладони Алисы — на плечах Славяны и движения тонкой ткани под пальцами оказывается слишком волнующим — для обеих. Шаг — поворот — шаг...

— Славь, ты ведешь...

— Ой, извини. Ты сама хочешь, да?

— Да не то, чтобы так...

Руки, левая и правая, находят друг дружку. Поворот — шаг... Алиса ощущает головокружение, пока они двойной звездой выплывают с тёмной галактической периферии в освещённый центр, поворот — шаг... Танцевать девушки не то, чтобы умеют, это больше поиск единения тел, совпадения ударов сердца и ритма дыхания. Поворот... в поле зрения Славяны проплыло растерянное лицо Ольги Дмитриевны, рядом с ней, почти соприкасаясь плечами, стояла доктор Виола и взгляд её был неожиданно внимателен, слишком внимателен... но музыка ударила по всем органам чувств громче, толкнула в подошвы и кончики пальцев, Славяна обхватила Алису за талию плотней, прижимая к себе и девушек закружило на гребне волны, среди цветных лопающихся пузырьков. Всё быстрее и всё ближе друг к другу, на гребне волны идущей по кругу, всегда по кругу идущей волны, которая поднимается всё выше и никогда не разобьётся о песок.

Разве если только закончится, плавно стихая, мелодия.

Но почти сразу начнётся следующая.

Руки можно не отпускать.

День шестой. Свобода (выбор)

Музыка умолкла. А может быть, она умолкла уже давно и просто продолжала звучать где-то внутри? Они не смогли бы точно ответить на этот вопрос. Вместе они осознали, что уже не танцуют, а просто стоят в полутени на дальнем краю площади и крепко держатся за руки. Музыка умолкла, но осталась где-то между ними, среди двух слоёв немного влажной ткани, спряталась в пространстве настолько тесном, что сейчас туда и ладонь просунуть бы не удалось.

Такой тёплый вечер и до ночи ещё далеко. Славяна запоздало ощутила глубокий и быстрый ритм сердца, неясно даже сразу, чьего именно и струйку пота, стекающую от непривычно открытой шеи вдоль позвоночника и дальше под майку. Сбоку тёмным силуэтом на тёмном фоне рисовалась неподвижная спина Деятеля, а за ним продолжали с замедленным темпе возгораться и гаснуть цветные звёзды, на которые накладывался неразборчивый рокот многих голосов. Почти все пришедшие танцевать сгруппировались сейчас там, поближе к музыкальной установке, возможно, надеясь на жалость ведущих, на ещё одну энергичную, завершающую композицию, а те, кто подобно Славяне и Алисе нашли друг друга и не хотели отпускать, что ж, те молча и не привлекая лишнего внимания сдвинулись на периферию, где ровный асфальт разбивался травой на неправильной формы многоугольники и понемногу сходил на нет, а ещё дальше — обрамляющие площадь кусты и темнота и уединение. Но едва ли таких пар было очень много. Здесь, за постаментом, девушки были только вдвоём и никто не шуршал и не хихикал в темноте.

— Хорошо как. Понравилось? — Славяне было уютно и удобно сейчас, стоять предельно близко с Алисой и ощущать мягкой кожей ладоней жёсткие от гитарных струн кончики её пальцев.

— Ага... ты здорово танцуешь, — Алиса ответила это негромко и будто уклончиво. На самом деле прямо сейчас она думала, что надо бы отойти на шаг... на полшага, ведь пора уже, танец кончился. Но стоять просто так, вплотную, ощущать мягкую грудь Славяны своей было слишком приятно, слишком. Сердце било изнутри так, словно какая-то другая, неизвестная Алиса, уставшая сидеть взаперти Алисы нынешней, сантиметр за сантиметром пробивала себе путь наружу. И всё же...

Алиса всё же двинулась назад, создавая между ними на волосок свободного пространства, но Славяна не позволила этого: обняла Алису за талию и поцеловала. Простым и естественным движением. Губы у неё были сухие и горячие, язык мягким и быстрым и Алиса ощутила мгновенную слабость в ногах. Танец... Отступить на два шага вбок и окажемся в полной темноте, где никто уже не увидит и бретельки на плечах ведь совсем свободные, платье поедет вниз и... Славяна захватила её в объятия плотней, целуя более настойчиво, словно обволакивая собой со всех сторон разом, но со стороны площади вдруг зазвучал чугунным молотом усиленный микрофоном голос Ольги, что-то насчёт благодарности всем за вечер и соблюдение приличий.

— Славик... — Алиса тряхнула головой, освобождаясь от гипноза. — Костёр же ещё...

— Ага, — Славяна широко улыбнулась. Блестели влажные от слюны губы, блестели глаза и туго утянутые назад золотые волосы и сама она словно бы вся светилась изнутри. От этого окружающий сумрак казался ещё более глухим и непроглядным. — Ты ещё выступать собиралась.

Алиса, закружившаяся в сильных, слишком сильных ощущениях, словно бы только сейчас об этом вспомнила. Песня, выбранная на мгновенном импульсе, построилась на внутреннем экране, строка за строкой и Алиса разом подумала что-то ужасное, что-то вроде «осрамимся, провалимся». К груди изнутри подступил неприятный холодок. Аккорды перепутаю, голос потеряю...

— Может, ну его, Славик... — голос её прозвучал жалобно. Славяна, впрочем, не вняла.

— Всё будет отлично, ты классная! — отпустив её талию, Славяна дружески-хозяйственно взяла подругу за плечи.

— Так надо ж за гитарой тогда...

— Гитару твою Уля на поляну принесёт, я её попросила.

И на сём последнем степени свободы исчерпались до нуля.

***

Лес в свете рано вышедшей луны смотрелся плоским карандашным рисунком, чёрная бумага и серебристый графит, вертикальной штриховкой пробивавший маячившую вдали мерцающую уютным оранжевым теплом полусферу. Как жилой купол на враждебной людям планете. Оттуда доносились неразборчивые возгласы и смех, кто-то пытался исполнять без аккомпанемента нечто не то юмористическое, не то романтическое.

Тропа через лес была широкой, утоптанной, сегодня по ней уже пробежались туда-обратно

легковесные младшие. Пожгли, побесились и отбой, на боковую пора. А сейчас время старших, время поймать за краешек подола уходящую смену, уходящее лето, прости-прощай, лагерь, ты уходишь в прошлое так же, как эти рассыпающиеся на золотые искры и золу ветки в очаге, безвозвратно. Из остывшего пепла никому не удастся воссоздать живое дерево. И может быть, последний шанс под этот тихий треск, глядя на то, как теряются в звёздном небе самые горячие, самые высоко взлетевшие искорки, сказать, наконец, то, что не мог высказать за прошедшие дни. Если не тому, кто рядом, может рядом и нет никого, так хоть самому себе. Пробриться в грудную клетку, выскрести со дна сердца всё тяжелое, всё то, что кровь не в силах нести и бросить в огонь. Пусть горит.

Костровая поляна. Место для живого огня, который в лагере разводить не разрешит пожарная инспекция, домики там деревянные, все дела. Огня до предела урезанного в правах каменным очагом и присутствием надзирающих взрослых, но всё-таки горячего, трещащего и рассыпающего искры как рассерженная саламандра. А если хочется большего — уходи-убегай из-под надзора, разжигай его меньшего собрата, но уж и сам отвечай за то, куда вас может занести.

— Осторожней, тут корень...

— Вижу... спасибо...

Алиса и Славяна переглянулись, одновременно вспомнив собственные посиделки с гитарой у маленького костерка. Две скрытые в сумраке неловкие улыбки. Сколько же прошло? Три дня? На фоне всего того, что происходило позже, те песни вдвоём и поцелуи в сухом, похрустывающем под тяжестью тел вереске, насколько же невинно всё это смотрелось сейчас. Славяна покрепче перехватила Алису под руку, словно опасалась, что может вдруг сбежать. Запястье под её рукой ощущалось деревянно-напряженным, а пальцы — холодными. Славяна успокаивающе сжала их — своими. Алиса не обратила на это внимания, она в сотый с половиной раз сожалела, что позволила себя уговорить. Всё же, в привычной пьяной тусе, в сигаретном полумраке, под звон пивных бутылок и стаканов можно было загигать любые импровизации и сколько угодно сбиваться с ритма. А сейчас...

«Зачем я только выбрала ту песню... Исполнить бы что-нибудь стандартно пионерское, взвейтесь кострами бочки с бензином?» Алиса покосилась на заботливо держащую её под локоть подружку. Никто ведь не знает про её выбор, никто, Славик тоже не в курсе, можно всё переиграть прямо сейчас...

К самому началу, к разжиганию костра они опоздали: Славяна настояла на том, чтобы сходить и взять утепление. Сейчас на ней была тонкая ветровка поверх майки. Алиса же просто прикрыла серым свитером крупной вязки голые плечи, завязав рукава на груди. Шурысь от яркого света, они вступили на оранжевую поляну, которую сами же приводили в порядок днём раньше. Ольга, увидевшая их первой, недобро кивнула им не то приветствуя, не то порицая. Она планировала торжественно поручить разжигание прощального костра «лучшей пионерке отряда», а в итоге пришлось разжигать самой и молча. Получилось не с первого раза. Сидевшая рядом с ней Виолетта зыркнула полузакрытым глазом и тонко улыбнулась. Женя, сидевшая отдельно от прочих, приветственно взмахнула рукой блеснув парой алых цветков в линзах, кто-то ещё кивнул, кто-то покосился, остальные не обратили на пару внимания.

— Алис... — зашептала Славяна стеснительно. — Мне надо с Панамкой переговорить, подождёшь?

— Иди... — Алиса высвободила руку и пошла вокруг костра, почти вплотную к огню. Ворсинки на свитере скручивались от жара, примешивая к запаху пепла легчайший дух палёной шерсти. Пионеров на брёвнах разместилось немного, от силы пара дюжин, не все старшие были здесь, у иных нашлись в прощальный вечер дела поважнее, так что Алиса почти сразу наткнулась на Ульяку. Девочка сидела согнувшись, подпирая кулаками подбородок и медитативно созерцая пламенную пляску, а позади неё, подальше от жара, прислонился к бревну грифом вверх верный друг-инструмент. Алиса присела рядом и с нежностью провела кончиками пальцев по потёртому лаку.

— Ты правда выступить собралась, — косясь голубыми глазищами заговорщицки зашептала вместо приветствия Ульяка, — давай матерных частушек! «Моя милка...»

— Завались, Улёныш...

— Ну и лан... — Уля демонстративно надулась и немного отодвинулась прочь. — Чтоб я ещё раз твою трень-бренькалку таскала...

Алиса, хохотнув, взмахнула рукой, символически отвесив Уле дружеский подзатыльник.

Время тянулось неспешно. Участники сбивались в нестойкие и недолгие пары и тройки, кто-то хищно нарезал круги вокруг догорающего огня с картофелинами в руках. Аквамариновая трещотка из музклуба почему-то не пришла, оставив компанию без музыкальной программы, не было видно и фиолетовых хвостиков её соседки по домику. Несколько пионеров собрались вокруг

Ольги с Виолеттой и нестройно затаили а-капелла окуджавское «возьмемся за руки, друзья», к ним присоединился и звонкий голосок Ульки. Алиса ощутила скуку и тянущую куда-то безвременье сонливость.

Славяна бесшумно соткалась из теней совсем рядом, присела плечом к плечу, вплотную. Что-то внутри у Алисы болезненно сжалось и задрожало от её близости, словно заплясали поднятые солнечным лучом, вдруг заглянувшим сквозь пыльное цветное стекло на веранду старого дачного дома, пылинки. На фоне её ауры уютного тепла и жара углей Алиса особо явственно ощутила как подбирается к спине зябкая полуночная сырость и мельком порадовалась, что прихватила свитер. Славяна между тем толкнула Алису локтем и, изогнувшись, заглянула ей в глаза вопросительно-утвердительно. Алиса трижды коротко кивнула на это и Славяна легко вскочила на ноги.

— Ребята! — Славяна потянулась на носочках и вскинула ладонь. В темной одежде и со смотанными волосами она смотрелась непривычно, словно терялась на фоне ночного леса. — Алиса Двачевская сейчас споёт для нас э-э-э...

Она неловко оглянулась на тяжело поднимающуюся с бревна Алису, та, подхватив за гриф свою гитару, пошла в обход костровища, выбирая место поудобнее. Ноги свои она ощущала малость деревянными. Славяна неотрывно следила за ней с ободряющей улыбкой на лице.

«Надо же... Дваче... С чего это...», неслись с разных сторон разноголосые шепотки. Алиса, перехватив инструмент, уселась подальше от огня оказавшись в полутени и мельком пожалела, что не приложила заранее к фляжке. Пробежалась пальцами по струнам, настраиваясь. Славяна уселась поблизости. Алиса прокашлялась.

— Спою я вам... Короче, сейчас начну и сами всё поймёте...

— Так, тихо все! — хлопнула в ладоши Ольга Дмитриевна. Виолетта вытянула длинные ноги в брюках и положила поверх сплетенные в подобие шерстяного клубка пальцы. Сейчас она с заметным интересом переводила взгляд с Алисы на Славяну и обратно на Алису. Разговоры вокруг костра поутихли, попрятались. Алиса вновь аккуратно дважды кашлянула, прогоняя сухой спазм из глотки и тронула струны, начав длинное негромкое вступление. Глянула исподлобья на размытые в оранжевом сумраке лица, лишь лицо Славяны выделялось ярким пятном и лёгкой тревогой, и вновь опустила голову, стараясь сосредоточиться на вибрации деки и ритме внутри себя. И негромко начала:

Свобода это когда грызешь верёвку зубами,

Свобода — соль простыней...

— Двачевская, погромче можно, — раздалось откуда-то с той стороны огня.

...признаний.

Свобода, шум лифта...

— А почему рифмы нет?

— Действительно, стихи странные какие-то...

— Да тихо вы, послушать дайте!

Алиса продолжала пробивать звуками зажим в груди и в горле, толкая их куда-то мимо картонных струн и промерзнувших внезапно, хоть в огонь пихай, пальцев.

...ничей, ни в чём, нигде, ни зачем, никуда...

— Двачевская, да хватит под нос бубнить себе, не слышно! — незнакомый голос был громкий, ломающийся и самоуверенный. Кто-то, кажется, рассмеялся.

— Так, хлебало завали, козёл! — Алиса рванула разом все струны так, что гитара словно взорвалась звуком и вскочила на ноги.

— Двачевская, не выраж... — гневно возвысила голос Ольга.

— Да я... — сжав губы в нитку, Алиса ссутулилась, сжимая гитару побелевшими пальцами.

— Алиса, Алиса... — Славяна вскочила на ноги, прежде чем она успела что-то добавить. Одним прыжком оказалась вплотную, лицом к лицу, встала спиной к зрителям и огню, закрывая Алису от всех.

— Да ну вас... их... — выдавила та. Внутри у Алисы всё ходуном ходило, зубы стучали. Славяна

схватила её за плечи, словно собираясь здесь же обнять.

— Алис, всё хорошо, — горячо зашептала Славяна ей в лицо. — Всё в порядке! Давай сначала. Я всё запомнила, я поддержу.

Её горячие ладони проскользили по плечам вниз и успокаивающе сжали локти. Алиса попыталась распрямиться, вздохнула, выравнивая дыхание. Ладони Славяны деликатно надавили на предплечья, предлагая сесть обратно, а сама она повернулась ко всем, фыркающим, шепчущимся, ко гневно озирающейся, но не вмешивающейся Ольге.

— Так, внимание все! — Славяна вскинула развёрнутую ладонь. — Будет выступать дуэт Двачевская и Феоктистова... Да тихо вы все, придурки! — в её интонации ворвалась металлическая ярость такой остроты и тяжести, что языки пламени перед ней прогнулись и потускнели. — Начинаем!

Жаркий шёпот Славяны, завершившийся эмоциональным взрывом, словно разом снёс и разбил плотину внутри Алисы, она распрямилась, расправила плечи, а пальцы на струнах сами заняли нужное положение. Славяна, сохраняя на лице жесткость, опустилась на бревно рядом, на расстоянии одного локтя. Шепотки вокруг прекратили летать, опали и впитались в почву, сейчас все сидели и смотрели только на них двоих.

Свобода — это когда грызёшь верёвку зубами

Свобода — соль простыней, обмотанных вокруг тела новой победы

Измученной кашлем признаний.

Сильный голос Славяны перекрыл хрипловатые тона Алисы, полностью сосредоточившейся на сложных аккордах.

Свобода — шум лифта ночью,

На кухне свет не от свечи. Зачем?

Просто для чтения книг,

Алиса усилила голос вровень с подругой и нашарив взглядом среди зрителей Женьку, подмигнула. Та немедленно зарделась.

просто для чтения книг!

Свобода — это когда ты ничей, ни в чём, нигде, ни зачем, никуда, ни во что, никогда!

Голоса их всё возвышались, пока сдвоенное «Да» не улетело в звездное небо, дальше Славяна слов не знала и вынуждена была только подтягивать на гласных, но больше и не требовалось: Алиса поймала ритм и голос. Внутри неё с каждой нотой разгоралось хорошо знакомое ей злое медное пламя.

Свобода — это деревянный шест,

Ломающийся в руках на высоте семь метров и ещё чуть-чуть...

Свобода — это пот на лбу, это пот на висках,

Это забытое слово «забудь», это улыбка, да-а-а...

Пальцы, струны и голосовые связки натянулись до предела и звенели, став прямым продолжением друг друга. Толкаемая внутренним импульсом Алиса повернулась к Славяне, рассматривающей её с незнакомой страстью.

Это золотистая чистота и вопрос:

Почему буквы вдоль белого листа черны?

Алиса пустила несложный проигрыш и запела как заговорила. Сейчас она обращалась к Славяне и только к ней.

— Свобода, спасибо тебе, родная, ты колешь мне пальцы, избалованное дитя, ты жалишь изгиб плеча и не шутя ты шепчешь слова, звенящие в воздухе будней ставших вечным week-end'ом между тобой и мной.

— Между тобой и мной, — подхватила за ней Славяна.

— Между тобой и мной! — закончили они хором и Алиса вновь взяла басовый аккорд сильней всех

прочих:

И какое кому дело, что ты

Побывав в руках моих заставила захотеть забыть.

Я схожу с ума,

Из какого ты теста

Свобода!

Глядя прямо в глаза Славяне Алиса потянулась к ней всем телом, всем своим существом.

Я короную тебя, любимая.

Я короную тебя, любимая.

Я короную тебя, любимая.

— Всё! — Алиса слившись с гитарой в единое целое протянула хаотически-вибрирующий звуковой дрифт и замолкла. Пару секунд, пока звуки рассасывались и рассыпались по поляне, все сидели в тишине и словно в трансе.

— Вау!!! — Ульяна вскочила на ноги и со всей сил заколотила в ладоши. Женька с широкой улыбкой подключилась к ней и от них звук аплодисментов пошёл по поляне от человека к человеку, размножаясь и усиливаясь.

— Я... если честно... не совсем поняла идею... — заговорила сквозь аплодисменты Ольга Дмитриевна. — Да, не очень поняла идейный посыл. Но очень звучно, очень.

Она, казалось, хотела добавить что-то ещё, но сидевшая рядом доктор Виолетта плавным жестом коснулась её плеча и Ольга замерла с полуоткрытым ртом, словно позабыв нужные слова. Медсестра чуть заметно подмигнула девушкам левым, светло-голубым ведьминским глазом и добавила свои аплодисменты к общему фону.

Алиса, опустив гитару, встала, ощущая как горят щеки и подрагивают колени. Лица зрителей, догорающий костёр, тёмный лес на заднем плане и тёмное небо вверху влились и смешались в единую плоскость, в набросок гуашью мазками без лишних деталей. Она почувствовала, как Славяна обхватила её тонкими руками и с чувством коротко поцеловала в висок и лишь после этого разглядела совсем рядом, вплотную её пылающие восхищением глаза.

Коротко охнув, Алиса вывернулась и быстрыми шагами умчалась в лес. Оторопев на мгновение, Славяна рванулась следом, оставив сиротливо прислоненную ко бревну гитару. Ольга и Виолетта проводили их внимательными взглядами, после чего медсестра вновь коснулась плеча вожатой и, склонившись к её уху, прошептала несколько слов...

— Алис... — Славяна без труда нагнала её там, где практически разошёлся красноватый угасающий ответ и почти безраздельно царил зыбкий лунный. Алиса замедлила шаг и Славяна осторожно взяла её за плечо.

— Феоктистова, ты... — Алиса резко повернулась к ней. — Совсем? Того? Ты куда меня... при всех лапаешь?!

— Ой... — Славяна словно разгорячённая влетела под холодный водопад. — Ой.

Она так по инерции и положила Алисе на плечо вторую ладонь и девушки замерли. Просвета между их фигурами практически не оставалось.

— Прости... — продолжила Славяна виновато. — Я совсем не... Просто ты такая потрясающая, я вдруг ощутила... как сильно влюблена, как хочу быть с тобой.

— Да что... — Алиса не находила слов. — Славик, ты...

— Я! Прости... я совсем всё забыла... ты так пела там... Я люблю тебя!

— Славик...

Славяна потянулась ближе, стремительно целуя Алису в угол глаза, в скулу, в кончик носа, в щеку, в уголок губ.

— Люблю.

Стенка которую Алиса до последнего пыталась держать и за которую пыталась держаться, была проплавлена навылет в самом центре, от отверстия с треском сгорающих поленьев пошли извилистые трещины, ещё миг — и она обрушилась в никуда и не осталось ничего кроме дышащей вселенской пустоты и бьющегося живой звездой обнажённого сердца в ней. Шумно вздохнув, Алиса поймала губы Славяны своими и два живых космоса слились, заполняя друг друга до предела.

***

Огонь на поляне уже еле тлел. Девушки, крепко держась за руки, вышли к очагу и Алиса неловко заозиралась, будто бы что-то вспомнив.

— А гитару Ульянка забрала, — пионер, сидевший и лениво ворочавший головни в очаге длинной палкой уставился на них. От очага плескало резким запахом гари. Больше на поляне никого не оставалось и Славяна мельком подумала, сколько же времени они провели среди деревьев под луной. Вечность плюс один час?

— Как тебе песня? — спросила она, просто так, чтобы хоть как выразить чувство лёгкости во всём теле, колени и локти, всё словно тянуло вверх, словно к каждому суставу привязали по надутому гелием шарик. Пионер тяжело поднял голову. Лицо его было смутно знакомым, но глаза терялись в неприсветленной тени.

— Хорошая... — проговорил он раздумчиво. — Но вы... вы ведь так всё уничтожите, вообще всё... не думали об этом?

Славяна вопросительно хмыкнула, но пионер не стал продолжать. Лениво махнув рукой, он снова уставился в костёр сгорбленной готической горгульей. Или химерой? Девушки переглянулись и, не сговариваясь, поспешили прочь.

Алиса не столько шагала через тёмный лагерь, сколько плыла в пространстве, в груди у неё продолжала звучать рваная гитарная мелодия, поверх которой накладывалось бесконечно повторяемое «люблю». Самым ясным и однозначным ощущением сейчас было чувство тёплой и сухой ладони Славяны, сжимающей её собственную, ему она полностью и доверилась. А Славяна словно полностью утратила себя, её больше не оставалось. Не здесь. Не сейчас. Нигде. Никогда. Оставался лишь путь, вектор движения, магнитная стрелка на букву «С», указывающая на единственную возможную точку. Север. Славяна. И ни она, ни Алиса не ощутили даже сотой доли грамма удивления, когда их дорога через тёмный и пустынный лагерь закончилась перед домиком Славяны, вот только...

На деревянных ступеньках перед закрытой дверью, подобрав под подбородок колени и накиннув на плечи тонкую кофту, одиноко сидела Женька.

Девушки замедлили шаг, Славяна приоткрыла губы и неуверенно покосилась на Алису не зная, как быть дальше и что лучше сказать. Женька блеснула толстыми стёклами, глядя на них снизу вверх, высоких, стройных и невыносимо, до боли близких, окружённых единой аурой чего-то мягкого и терпкого. Коротким движением отбросила со лба неровно подстриженные тёмные волосы и вдруг тонко улыбнулась, одними уголками губ.

— Ну... ясно всё с вами... — голос её прозвучал низко и хриловато-приглушённо.

— Чё тебе ясно, дебила кусок?! — разом взвилась Алиса, ноздри у неё зло раздулись и свободная ладонь судорожно сжалась. Но Женя лишь сдвинула свои вечные очки на кончик носа и поднялась на ноги. Даже сейчас, стоя на ступеньках, она была заметно ниже ростом, чем любая из девушек.

— Алис... э... Жень... — Славяна залепетала почти жалобно. — Жень... ты ведь можешь с Ульянкой поспать...

Женя медленно покачала головой.

— Посплю в библиотеке у себя.

Алиса и Славяна некоторое время смотрели ей вслед, пока Женя не дошла до места, где дорожка уходила за круглый бок соседнего домика. Лунный свет на мгновение осенил её фигуру, словно серебристое крыло призрачного ангела. Женя исчезла, и Славяна потянула на себя дверную ручку, отчего-то очень стараясь не скрипнуть петлями.

До библиотеки Женька дошла не сразу, ощутив вдруг, что ноги плохо повинуются ей, она присела на первую же скамейку и принялась протирать стёкла краем кофты. «Может где-нибудь... в другой реальности...», мелькнуло у неё в голове неясное. Она попыталась вообразить себе эту другую реальность, но отчего-то ей в воображении рисовался только бесконечно уходящий к горизонту океан зелёноватой воды и наполовину погруженное в него солнце.

***

Дверь закрылась. Механизм замка щёлкнул. Славяна, почти неразличимая в темноте повернулась к Алисе и обняла её за талию. Плотно и требовательно. Алиса разом ощутила как слабеют колени.

— Славь... — она с трудом могла говорить, откуда-то из глубин тела поднималась неконтролируемая дрожь.

— Поцелуй... — прошептала та просто и начала первая, лоя её губы настойчивым движением и прижимая к себе Алису, прижимаясь животом и бёдрами так, как раньше себе не позволяла. Поцелуи жадные, всасывающие и сглатывающие, глубокие как море, Алисе пришлось отступить на шаг под таким напором и она оказалась прижатой к стене, а руки Славяны сползли с талии ниже, а подол платья пополз вверх...

— погоди, Алис, — Славяна разорвала поцелуй, оставив Алису тяжело дышащей и вздрагивающей, и прыгнув через весь домик, дёрнула на пол матрас со своей кровати. Чуть помедлив, так же разорила пустующую кровать соседки. Конечно, односпальная койка со скрипучей сеткой не то место, на котором можно удобно разместиться. Славяна чуть задержалась, подгоняя два матраса краями, руки у неё тряслись и только что зубы не стучали. Наконец, девушка выпрямилась и шагнула к Алисе, глядевшей на эти приготовления круглыми глазами. Замерла. И парой решительных движений стащила через голову и швырнула в сторону майку. Лифчика под ней не было. Полураздетая, она потянула к Алисе руки, та потянулась навстречу и вот Славяна, отступила спиной вперёд, плавно опускаясь на импровизированное ложе и увлекая Алису за собой.

Сторонний на... ну уж нет. Его присутствие в этом домике точно было бы неуместным. Я думаю, здесь вы со мной согласитесь.

***

В окошко светила луна, ставшая за последний час ещё более резкой и яркой, в этом свете золотые волосы и кожа Славяны казались почти бесцветными. Алиса, опираясь на руки, нависла над ней, остановила взгляд на выступающих ключицах и трогательной ямке между ними, не решаясь взглянуть ни выше, ни ниже.

— Алис... делай, что захочешь...

Славяна прошептала это почти неслышно, одними губами, как нарисовала тёплым дыханием на запотевшем стекле. Алиса перевела взгляд выше, выражение лица у Славяны оказалось мягким, почти детским.

«Хочу... Хочу ли я увидеть её... безо всего? Да, хочу.»

Славяна вздрогнула, когда по низу живота скользнули холодные пальцы и Алиса завозилась там, растёгивая тугую кнопку и «молнию», коснулась кружевного пояса бежевых трусов и, застеснявшись, оставила их в покое. Славяна приподнялась, зашевелилась, высвобождая ноги из жёсткой ткани и сгибая их в коленях, ощутила внутренней стороной бедёр, как дрожит её подруга... её любимая. И как там между ног в треугольнике живота и бедёр неудержимо собирается влажный жар.

— Давай, раздевайся уже, — и Славяна, оттолкнувшись локтями, села, запуская ладони по бёдрам Алисы под подол платья и поднимая его вверх, Алиса поскорей воздела руки, позволяя стащить платье через голову, лифчика она тоже не надела сегодня. Избавив Алису от платья, Славяна, с каким-то хриплым взвизгом впилась ей в губы, прижимаясь голой грудью и сцепляя руки в жёсткий замок на спине, и Алиса ответила, Алиса раскрылась, позволила её языку гулять внутри, позволила ладоням скользить по спине и сама прижалась плотней. Какие-то точки в теле откликались на прикосновения, словно горячие пузырьки хаотично лопались внутри и от них расходились острые быстрые волны. Славяна с усилием повернула их обеих, укладывая Алису на спину и оказавшись сверху. Её грудь была прямо перед её глазами, обнажённая. Открытая.

— Алис... — Славяна прошлась десятком лёгких поцелуев по левой груди и по правой и ощутила, что задыхается, ткнулась лицом Алисе в подмышку глотнув оглушающе сладкого до рези запаха, ткнулась губами в сосок, обхватила, коснулась кончиком языка, уловив как вздрогнула Алиса. Славяну и саму колотило, но уже не нервной мелкой дрожью, глубоко, до самого центра, до позвоночника, до горячей точки между ног. Она снова целовала грудь, покрывала её десятками нежных касаний, согревала дыханием и трогала, трогала, не решаясь двигаться дальше. Алиса лежала молча, лишь немного сильнее обычного выдыхая сквозь зубы при каждом прикосновении. Славяна немного расширила ареал поцелуев, спускаясь на живот, до пупка и ниже, по кругу, дошла до резинки самых обычных белых трусов, чуть оттянув её, прошлась губами вдоль оставленного её отпечатка. Алису тряхнуло сильнее и выдох превратился в подавленный тихий вскрик.

— Можно... снять? — прошептала Славяна.

Алиса поймала идущий изнутри инстинктивный позыв сжать ноги и закрыться, но тот так и остановился на полпути. Она сама не поняла, что заставило её согласно вздохнуть и приподняться, позволяя стянуть с себя последний предмет одежды. Полностью обнажённая, Алиса почувствовала, как жесткие упоры в теле словно бы растворяются, тело расслабляется и ноги сами собой раздвигаются шире, словно приглашая. Узкая горячая ладонь вдруг ощутилась на внутренней стороне бедра и почти сразу — там.

— Так странно... — Славяна хихикнула, заставив Алису на миг напрячься. — Ты такая же, как я...

Она осторожно проникла пальцем между складками, горячими и скользкими, поводила по кругу, пытаясь делать то же самое, что делала сама с собой. Отсутствие обратной связи немного сбивало с толку, Алиса лежала неподвижно и глаза у неё были полузакрыты. Славяна рискнула добавить второй палец, найдя плотный бугорок, пропустила его меж пальцами и немного сжала, Алиса дёрнулась всем телом и чуть громче выдохнула сквозь зубы.

— Всё хорошо? — прошептала Славяна испуганно.

— Да-да, Славик, да... Чуть нежнее, ладно?

Славяна немного ослабила нажим, вода двумя пальцами по кругу и задевая отверстие ниже. Вокруг. Как в ритме вальса вдвоём сегодня, а кажется — много дней назад. Вокруг, чуть слабее и немного быстрее, она немного подвинулась, прижимаясь обнажённым телом, грудью к боку. Вокруг. Алиса вдруг вздохнула и выгнулась всем телом, повернула голову, приоткрывая губы и Славяна продолжила то же движение много раз, одновременно целуя Алису, проникая языком между сжатых губ. Ещё движение, ещё плавней, ритм совпал. Ещё. Движение пальцами. Ещё. Движение языком. Ещё. И ещё. И ещё...

Короткий стон переходящий в «ах», тело Алисы словно толкнуло изнутри и вверх, навстречу ладони, навстречу губам Славяны и ей самой.

— Славь...

— Алис...

— Славик...

Девушки остановились, но лишь на пару мгновений, Славяна продолжила поцелуй, Алиса отвечала, ловя язык своим как набегающие волны и отправляя обратно, но некоторые всё же проскакивали и отправлялись по всему телу, через грудь и вниз.

— Давай, что захочешь... — повторила Славяна, поворачиваясь на спину и увлекая Алису на себя. Алиса, поначалу несколько неуверенно, повела цепочку поцелуев от манящей ямки под горлом, между грудей и вниз. Славяна зашевелилась под ней, стаскивая трусики на колени и избавляясь от них.

— Ещё!

Много-много поцелуев по животу, вокруг пупка и ниже.

— Алис, ещё...

Алиса ткнулась губами в редкие, но жесткие волосы. Запах был ощутимым, но совершенно не противным, одновременно дразнящим и уютным, вроде любимой мягкой подушки.

— Алис, ну-у... — Славяна завопилась и застонала, почти тихонько завывала, расставляя ноги и сдвигаясь выше так, что Алиса вдруг обнаружила свою голову у неё между бедёр. — Ну-у-у же, ну давай...

Она стеснялась говорить впрямую, стеснялась сказать как жутко сейчас хочет ощутить губы Алисы — там. От одного только дыхания внизу внутри у неё всё сжималось. Но Алиса сообразила и решила.

Неприятно не было. Вкус Славяны походил на вкус поцелуя с ней, но более глубокий и сильный. Насыщенный. Алиса осторожно провела языком. Сверху вниз. Бедра Славяны напряглись...

— Лучше губами... ай...

Алиса попыталась припасть губами плотней. Славяна постанывала и вздрагивала под неумелой лаской. Щекотные мурашки летели сквозь неё до самой макушки, от каждого влажного нежного касания и каждого раскалённого выдоха там.

— Алис... — зашептала она вдруг. — Пальцами.

— Чё?

— Ну в меня, ну...

— Я ж тебя тогда...

— Давай! Я хочу!

Алиса осторожно высвободила руку и обвела кончиками пальцев вокруг ведущего внутрь отверстия, пытаясь примериться, как лучше. Она боялась сделать больно.

— Ах, всё, не могу-у... — Славяна просунула пальцы между губами Алисы и вульвой и несколькими быстрыми толчками добила себя до разрядки, резко согнула ноги, вскрикнула. Протяжно, с перерывами, хрипло выдохнула.

Испытывая ужасное смущение, Алиса приподнялась, но Славяна встретила её томной и нежной улыбкой.

— Прости...

— Алисонька... не выдумывай... иди ко мне скорее... — Славяна, приподнявшись, притянула её к себе, положила рядом и принялась целовать. Очень неторопливо, сладко и нежно.

— Всё ведь хорошо?

— Да, очень... Обними меня... ты такая смелая! Мне так хотелось... ну, туда, а я попросить стеснялась.

Луна за окном почти скрылась за деревьями, а нагие девушки всё лежали обнявшись и целовались. Первое смущение растворилось в этих тёплых прикосновениях без остатка, словно они всегда, всю свою жизнь провели вот так, обнимаясь.

— Так хорошо с тобой... — Славяна оторвалась от губ Алисы, когда ощутила явную нехватку воздуха. Тело казалось лёгким, но без тянущих за суставы ниток. Просто почти невесомым, как тень от облака. Расслабленным. — Так хорошо... Я так сильно тебя люблю!

— И я тебя.

Признание далось Алисе без усилий. Естественно. Как хорошо сказала Славяна совсем недавно «очень-очень близко». Они сейчас так и были и Алисе не хотелось этого менять. Она ощущала себя очень гибкой, воздушной. Нагота не стесняла совершенно. Словно стены и жесткий каркас, отгораживающие её от мира рассыпались в пепел и она была со Славяной почти единым целым. Алиса улыбнулась и легко погладила Славяну по боку, переходя на бедро и ниже.

— Алис... — Славяна прикусила губу. Хотелось если не целоваться, то болтать обо всём на свете.

— Это так здорово, оказывается... когда две девушки. Хотя я и с парнем бы попробовала.

Она уловила тень напряжения в Алисе и мгновенно сменила курс.

— Ну, в смысле физически... Интересно ведь.

Алиса только фыркнула, вспомнив свою попытку.

— Да не интересно нифига... Что они понимают? Славик, я так с тобой и осталась бы навсегда, даже ребёнка можно было бы из отказников взять, знаешь, сколько таких сейчас? Ну, если позволяли бы... — она перекатилась на спину и потянулась, заложив руки за голову. — Неужто мы с тобой вдвоем нормально человека не воспитали бы, Славик? Всяко уж лучше, чем мой батя-алкаш, он и мамку мою спойл, да и... Да ладно, чего это я, проехали.

Алиса осадилась, увидев краем глаза, с какой тревогой и жалостью Славяна на неё смотрит.

Перешептывания, прикосновения и поцелуи в тёмном домике продолжались ещё долго, но, в конце концов, девушки мирно уснули.

***

Славяна проснулась как по будильнику, словно её нечто толкнуло изнутри. Всё поле зрения заполняла рыжая взлохмаченная макушка и Славяна с удовольствием втянула аромат её волос. Чёткий привкус горящего костра. Алиса спала обняв подушку и согнув под простыней колени, лицо её казалось напряженным и было хорошо видно, как под веками бегают глазные яблоки. Алисе явно снились сны и, возможно, не очень хорошие. Славяна легонько дунула своей любимой, да, сейчас она воспринимала её именно так, в лоб и на губах Алисы наметилась тень сонной улыбки.

В домике было очень тепло и очень душно. Славяна осторожно, стараясь не будить Алису, выбралась из-под покрывала. Не одеваясь, прокралась до окна и приоткрыла форточку, впустив внутрь дома немного свежести раннего утра, неторопливого птичьего «тиу-вирь, тиу-вирь» и запаха недалёкой реки. Полюбовалась небом, на котором словно чокнутый акварелист смешал облака всех оттенков и форм, серые, белоснежные и розоватые с краю, присмотрелась к неясному отражению в стекле и, спохватившись, подергала длинные волосы.

«М-да...»

Скрученные вчера золотые волосы раскрутились, спутались и сейчас являли собой некое подобие грязно-жёлтого коврика. Славяна, поморщившись, подхватила со столика расчёску и, как давеча, уселась голой на табурет и принялась расчёсывать почти монолитные пряди.

Примерно через пять минут, заполнённых дерганием, распутыванием и шипением сквозь зубы, Славяне ужасно захотелось выругаться в голос. Она досадливо, но бесшумно кинула расчёску на стол, подперла подбородок кулаком и призадумалась. Ещё через минуту она стукнула выдвижным ящиком, нашарила внутри нужное, скрипнув половицей прокралась к зеркалу в шкафчике и принялась за дело.

Алиса пробудилась от скрипа и шороха, распрямилась, потягивая затёкшую со сне шею и с наслаждением зевнула. Уселась, машинально придерживая на груди простыню и принялась тереть заспанные глаза свободной рукой. В поле зрения проявились лопатки и шея стоящей к ней спиной Славяны...

— Славичка... — Алиса невольно улыбнулась, и тут до неё дошло. Она разом распахнула глаза настолько широко, словно солнце взошло раньше срока и в двойном экземпляре.

— Ты с ума сошла?! Твои ко...

— Если б ты знала, как они мне НАДОЕЛИ, — Славяна улыбнулась её отражению и аккуратно срезала большими ножницами последнюю прядь. Насколько аккуратно, насколько это было возможно, разумеется, получив в итоге подобие не очень ровного каре.

— Нет, ты точно ненормальная... — Алиса, продолжая прикрываться, встала и подошла к зеркалу. Открытая шея смотрелась удивительно трогательно и Алиса, не сдержавшись, чмокнула розовую кожу.

— М-м-м... — Славяна, совершенно не стесняясь себя, повернулась. — Алис, тебе б тоже перестать эти хвостики носить, смотри...

Она двумя руками взбила рыжие лохмы в нечто артистически-хаотическое и повернула Алису к зеркалу.

— Мне кажется, так тебе намного лучше... ещё целуй!

— М-м...

— Ещё!

— М-м-м...

— Да убери ты простыню эту, дай почувствовать.

***

В этот же самый момент времени вожатая Ольга Дмитриевна, она же просто Панамка, глядя под ноги и твёрдо, как солдат на плацу, печатая шаги, прошла по дорожке. Решительно поднялась на две деревянные ступеньки и, сжав губы практически до атомарной толщины, заколотила в дверь ребром ладони. Один удар, другой, третий, а на четвёртый раз она просто повернула ручку и рванула дверь, оказавшуюся незапертой, на себя...

Лагерь ещё не проснулся, он ещё только собирался просыпаться и ни один человек не видел, как шла по дорожкам, хмурясь и кусая губы, вожатая. Стоящая неподалёку влажная от утренней росы скамейка тоже была совершенно пуста, но если мы предположим, что некий наблюдатель этим утром сидел на ней... Ему, конечно, неоткуда было взяться в лагере, но предположим, что он за долю секунды до того, как Ольга первый раз ударила в дверь поднял правую руку и беззвучно щёлкнул пальцами. По лагерю словно прошла невидимая волна, дорожки и домики приподнялись и плавно опустились, в утреннем небе на долю секунды встала странная невозможная оптически радуга из шести цветов и всё накрыло яркой зелёной вспышкой.

Вожатая Ольга Дмитриевна, глядя под ноги и твёрдо, как солдат на плацу, печатая шаги, прошла по

дорожке, пока что-то внизу не отвлекло её. Она словно бы споткнулась, но не упала, а осторожно отвела вбок занесённую ногу, обходя присевших на плитку пару жёлто-лимонных бабочек. Перешагнув их, она продолжила свой путь, но уже немного менее уверенно. Деревянная ступенька тихо скрипнула под ногой, потом вторая, Ольга занесла руку для удара. Остановилась. Нахмурилась и зашевелила губами, словно вспоминая какие-то слова. Прикоснулась указательным и средним пальцами к косяку входной двери и, развернувшись, тихим шагом удалилась прочь. Сейчас даже скрип песчинок под подошвами туфель казался ей слишком, невыносимо громким.

День седьмой. Зачем? (альтернатива один)

Простыня упала на доски пола и они вжались телами друг в дружку, совершенно ничем не разграниченные, груди, животы, бёдра, всё словно бы срослось воедино, в одно немислимое создание с восемью конечностями. Славяна постанывала громче, когда Алиса касалась её шеи, вновь открытый участок тела оказался невыносимо чувствительным. Глубокие поцелуи как погружение в океан, ладони по коже как скольжение по волнам, попытки найти ритм движений один на двоих. Алиса прервала очередной поцелуй, когда заняли губы и немного закружилась голова.

— Славик... мы так сейчас продолжим ведь...

— Чего продолжать, мы ещё и не начинали толком, — Славяна беззаботно рассмеялась в ответ.
— Давай!

Алиса ощущала в себе явный раздрай. Тело так и просило уложить его обратно и позволить Славяне делать с ним всё, что та пожелает. Руками, губами, языком... На этот раз — действительно позволить. И действительно всё. Но в то же время где-то в голове за плотной занавеской психовала Алиса Благоразумная, и альтер-эго очень хотело совсем другого — остаться в одиночестве и пообщаться, наконец.

— Славик... ведь последний день, нам столько собирать ещё.

Альтер-эго, всё же, победило, но Алиса ощутила укол грусти и сожаления, когда между их со Славиком телами появилось свободное пространство. Девушки, не сговариваясь, глянули в слишком тесное для двоих зеркало.

Золото и медь. Голубизна и янтарь. Влажная мягкость и резкие штрихи. И два почти одинаково облупившихся на солнце носа. И две одинаково смущенные улыбки.

— Алис... ты такая красивая...

— Да ну тебя, брось ты...

— Правда.

— Нашла красотку! Пацанка я и есть пацанка, с тобой не сравнить...

Алиса неуклюже отступила на пару шагов. Её ужасно хотелось держаться так же, как и Славяне, свободно и естественно, будто бы совершенно не замечая наготы. Алиса поймала себя на том, что откровенно любит её складной фигурой. Поймала — и смутилась. Поймала на смущении — и захотела поскорее сказать чего-нибудь простое и доброе.

— Вот ты д-д-действительно красивая...

— Спасибо, Алис, — Славяна улыбнулась широко и непринужденно. Правая её рука неловко половила пустоту на месте несуществующей больше косы. — Давай и правда одеваться, подъём скоро. И кровати надо в порядок привести...

Откопав среди сброшенной ночью одежды трусики и натянув их, Алиса разом ощутила себя жестче и увереннее. Она даже взялась помочь Славяне, так бодро взявшейся за уборку, словно от этого вся её дальнейшая жизнь зависела. Накинув одежду, они вдвоем быстро вернули на место матрасы и увязали смятое постельное бельё в узел. Ведь и правда — на следующую ночь оно уже не потребует, следующую ночь они уже будут не здесь. Осознав вдруг это, Славяна тихонько вздохнула.

«Вот бы нам ещё семь дней... Или семьдесят... мы бы всё друг про друга узнали, всему бы научились... а теперь...»

— Алис... — ей так хотелось говорить о любви, выразить словами всю засевшую в сердце занозой светлую боль, говорить бесконечно. Алиса, почти закончившая приводить себя в порядок, вздёрнула светлые брови. И Славяна сказала совсем не то, чего хотела, она сказала совсем другое.

— Давай нормально вместе вымоемся, я нам душевую открою.

Пятиминутная пробежка мимо сонных домиков, по дорожкам, цепляя пятками клочья утреннего тумана — как полёт. Славяна вновь использовала мастер-ключ, чтобы открыть душевые для них. Во влажной и прохладной бетонной коробке Славяна быстро покрутила краны, быстро сбросила одежду и, прошлёпав босыми пятками по шероховатому коричневому кафелю, утянула за собой в кабинку Алису. Невзирая на слабые протесты той.

— Времени уже много, воды мало и греется она долго, давай уже!

***

Ходить под руки так просто. Запястье проскальзывает вдоль предплечья и пальцы рук сами находят друг дружку и сплетаются вместе. Плечо к плечу, локоть к локтю и соприкасаются ими очень приятно. И идти в ногу получается совершенно естественно, как бы само собой. Так, рука об руку, перебрасываясь репликами обо всякой ерунде, они прошли через лагерь и лишь у самой столовой Алиса деликатно высвободилась.

На день отъезда погода выдалась жаркой, но не паляще обжигающей, просто уютной.словно невидимый искусный декоратор потрудился над миром, раскидав по синему небу белые облака причудливых форм, ровно столько, чтобы не мешать солнцу, смешав на плитке дорожек солнечные пятна и полутень, распылив зелень на мазки и штрихи всех оттенков зелёного, от почти чёрного до почти прозрачного. Ветер шевелил листву и пахло в лагере — ветром. Всё словно специально хотело сказать: здесь так хорошо, вам здесь рады и ждут, возвращайтесь сюда снова.

«А ведь мы сюда больше не вернёмся...» — подумала Славяна и сердце её что-то несильно сдавило, вдохнуть полной грудью не получалось. Она глянула на любимую, на подругу, на Алису. Ночная близость с ней что-то подкрутила в восприятии, сейчас Славяна видела Алису с предельной резкостью, казалось, она через площадь могла бы ощутить каждый волосок и каждую мурашку на её коже. Я сейчас она отчётливо видела, что Алиса держит беззаботную улыбку, но прячет глаза, словно зрачки разворачиваются внутрь и созерцают бесконечную янтарную глубину.

— Тебе тоже не хочется уезжать, да, Алис?

— А... — Алиса словно вынырнула с большой глубины, возвращаясь к реальности.

— Можно же вожатыми сюда записаться, я б хотела... чтобы мы с тобой...

— Ага-ага, — Алиса скептически дёрнула уголком рта. — Вожатая Двачевская по прозвищу «Дам-в-лоб»...

— И вожатая Феоктистова, — подхватила Славяна, — по прозвищу э-э-э...

— «Метла», — улыбнулась Алиса. — Славик... да кто же меня сюда пустит? С моей репутацией? Я и на смену эту попала случайно, так... Так, пойдём скорей, пока места все не заняли, бегом!

Действительно, созывающий на завтрак горн уже давно проиграл свою нехитрую мелодию и пионеры всех возрастов уже сбились на террасе столовой в нехилую такую пробку. Таща Славяну за собой за руку, Алиса преодолела четыре ступеньки, на ходу натягивая привычное выражение лица «всех порву». Выражение привычно сработало, пионеры-маломерки расступились, открывая прямой доступ к скрипучему и филенчатому парадному входу. Алиса рванула дверь на себя, посторонилась, пропуская подругу и вот тогда-то...

Бегущая с тарелкой и кружкой Улька чуть не споткнулась на ровном месте. Кто-то не выдержав воскликнул «ого». Кто-то шумно двинул стулом. Эти разовые всплески мгновенно перестроили массу сидяще-жующих, от них, подобно волнам от брошенной в воду горсти камней пошли волны шепотков и переглядываний. Впрочем, большая часть пионеров, Славяну толком не знающих, бросили беглый взгляд и вновь обратились к чревоугодию. А та, ощутив непонятные уколы пристального внимания на себе, стояла и озиралась.

— Косы твои... — прошипела сзади ей в ухо Алиса. Славяна машинально прикоснулась к открытой шее и уху, державшему тепло алисиного дыхания.

«Да, конечно же... Не буду обращать внимания...» — держа в уме «не вижу, не слышу», она пропустила Алису вперёд к раздаче. Сладкая рассыпчатая пшённая каша с фруктами, мечта. И кофейный напиток, по вкусу так себе, но не бывает же всё идеально?

— Вкусно сегодня, — Алиса звякнула ложкой об пустую тарелку. С её помощью они снова без проблем заняли отдельный столик и сейчас сидели как шли и как спали ночью — вплотную. И совершенно не замечали этого. Неизбежные толчки то плечом, то локтем совершенно не мешали, наоборот, будоражили. словно прозрачный купол отделил их ото всех прочих, звуки болтовни и смеха едва просачивались сквозь него. А вдвоём можно было переговариваться едва слышно и прекрасно друг друга понимать.

— В последний день всегда вкусно готовят, — Славяна облизала ложку. — Вот увидишь, на обед ещё что-нибудь особенное вынесут...

— А ты здесь и раньше бывала? — Алиса немного повернулась к ней.

— И не один раз, — в голосе Славяны звучало что-похожее на гордость. — Раз пятый уже, наверное.

— Серьёзно?!

— Ну, а то, — Славяна без особой охоты отпила из кружки, прополоскала напитком рот.

— И неужто не надоедает?

— Ни капельки, — Славяна слегка толкнулась локтем. — Здесь так хорошо, неужто сама не видишь?

— Если бы...

Алиса чуть заметно пожала плечами, не закончив фразу. «Если бы не ты, я вообще бы здесь мало что заметила, дожидая такая до конца смены и свалила», хотелось ей сказать, но словно кто-то запер внутри Алисы маленькую дверцу и бутылочки с надписью «выпей меня» под рукой не оказалось.

— Будешь допивать? — Славяна, оказывается, уже вскочила и бодро сгребала со стола грязную посуду, тарелку в тарелку. Алиса молча покачала головой.

— Тогда пошли.

Славяна прихватила наполовину полную кружку и по узкому фарватеру меж спинами завтракающих пролавиновала к столику с посудой и дальше на выход.

— Славя...

Выскочив на террасу, Славяна мгновенно столкнулась взглядом с одиноко сидящей на скамейке вожатой. Деревянные скамьи шли вдоль трёх сторон террасы, но кроме Ольги никто их сейчас не занимал.

— Доброе утро... — сзади пискнул чей-то голос, незнакомый мелкий скрипнул дверью и, проскочив у Славяны за спиной, шустро прыгнул со ступенек и растворился в лете.

— Доброе... — Ольга ответила вроде бы ему, уже не видимому, но смотрела только на свою лучшую пионерку. Зрачки в зелёных глазах раз за разом описывали зелёный ромб: плечо — лоб — плечо — грудь.

— Доброе... — Славяна вдруг ощутила ужасную неловкость и растерянность. Словно кто-то убавил ей разом пять лет возраста и она снова оказалась в лагере впервые... а тогда ведь и Ольги не было, была взрослая, суровая и раздражительная по мелочам Светлана Никодимовна.

— Доброе... — Алиса, скрипнув дверью, возникла сзади. Голос её звучал подчёркнуто официально.
— Нам что-то надо сделать, Ольга Дмитриевна?

Алиса шагнула вперёд и плечо её разом оказалось перед плечом Славяны.

— А... нет ничего, — вожатая не удостоила Двачевскую взглядом. — Славя, ты причёску сменила, я смотрю?

— А что, запрещено? — Алиса ответила первой и её официально-деловой тон стал официально-напряженным. Славяна только недоумённо моргнула на это и промолчала. Ольга обвела взглядом стоящих перед ней тесной парой напуганную Феоктистову и готовую драться хоть сейчас Двачевскую. И опустила глаза, не зная, как лучше себя держать.

— Нет, почему же, разрешено... сколько угодно... К автобусу только не опаздывайте, хорошо?

Алиса подхватила Славяну под руку и повлекла прочь. Ольга откровенно перевела дух, едва девушки повернулись к ней спиной. Пустоте в её голове сейчас мог бы позавидовать высочайший гуру медитации. Она думала — и не думала, знала — и не знала. И очень хотела, чтобы так всё и осталось впрямь.

Пробежав вдоль кирпичной, обшитой понизу досками стены, девушки свернули за угол, замедлили шаг. Переглянулись. Они сейчас думали ровно одно и то же и прекрасно друг дружку поняли.

«Знает. Но будет молчать.»

— Надо переодеться в своё... вещи собрать... — Славяна говорила так тихо, словно кто-то мог их подслушать сейчас. Хотя никого у боковой глухой стены пищеблока не было и даже доносившиеся откуда-то голоса звучали не громче пения птиц. Пустая тропинка уходила в тень, меж густых зарослей.

— Ага... — Алиса, казалось, снова уплыла куда-то и отозвалась не сразу.

— Ты приходи потом ко мне, — Славяна продолжала ещё тише. — Сходим к нам... на озеро, хорошо?

— Ага...

***

Славяна шла по хорошо знакомой извилистой тропе к озеру. К своему... нет, всё же «к нашему». Местоимение сам приходило на ум. «Наше озеро», «наш лагерь», да и домик, в котором всё происходило совсем недавно, конечно же, их с Алисой. Не с Женей же. Заросли на коротком участке тропы стали гуще и Славяна несколько раз отодвинула ладонью лезущие в глаза ветки, аккуратно их потом придержавая. Она знала, что Алиса неслышно следует за ней.

Четвертью часа раньше они встретились всё у той же не запирающейся технической калитки. На Алисе была знакомая по первой встрече чёрная футболка с надписью КИНО навывпуск, почти закрывающая короткие шорты, Славяна надела тот же голубой сарафан с абстрактным узором из блёклых линий, в котором три недели назад сюда приехала. Ей очень хотелось обнять Алису, но она только приветственно коснулась её плеча. Что-то помешало. Может быть то, что они совсем недавно виделись?

Как только они вышли на опушку леса, ветер усилился, да и белые облака стали плотнее и, словно бы, опустились ниже, сжимая дружелюбную голубизну неба до космически режущей синевы. Алиса и Славяна вышли на крохотный пляж, на котором ещё чернело угольное пятно от их крохотного костра. Разросшиеся выше человеческого роста «метёлки» раскачивались и шуршали так, словно пытались что-то сказать им, но мешали друг другу. Став бок о бок, Алиса и Славяна помолчали, глядя, как ветер дробит на неправильные сверкающие осколки поверхность воды. Так зеркало на долю секунды покрывается сеткой трещин, перед тем, как разлететься вдребезги.

— Искупаемся, Алис? — Славяна тронула её за плечо, но Алиса лишь покачала головой.

— Не хочется чего-то.

Она осторожно опустилась туда, где заканчивалась песчаная и начиналась полоса жёсткой травы, остановила взгляд на дробных мерцающих водных бликах и застыла. Порыв ветра взлохматил рыжие волосы, которые она так и не стала, по совету Славяны, скреплять в свои вечные хвостики. Славяна неловко присела рядом, почти вплотную, поерзала на месте. И, неслышно спросив Алису «можно?», не беспокоясь испачкать голубой сарафан улеглась спиной на песок, опустив затылок Алисе на колени.

Ей просто хотелось оказаться ближе. Неважно, как. Она душой, сердцем, чем угодно ощущала нарастающее в Алисе отчуждение, странное, совершенно непонятное после совместной ночи. Вроде бы они открылись друг перед другом совершенно, до дна. Однако...

— Алис... — сказала она тихо. — Ты как, в порядке?

Алисе просто хотелось как-то унять свою душевный сумбур, разобраться, наконец, разложить по полочкам. Ночь... поцелуи, нагота, ударивший от пальцев Славяны жаркий взрыв во всём теле до кончиков рыжих волос, всё это казалось чем-то нереальным. Хотелось не то убежать, спрятаться и позволить сну растаять без остатка, не то схватить Славяну в объятия и целовать со всей возможной силой, пока из губ не пойдёт кровь, пока не станет с очевидностью ясным, что это — настоящее, материальное! Она медленно коснулась коротких золотых волос. Совершенно реальные, тонкие, рассыпающиеся под пальцами волосы.

— Не хочется... прощаться... — это тоже было правдой, но настолько неполной, несовершенной.

— Так зачем прощаться? — Славяна солнечно улыбнулась, глядя снизу вверх. — Мы из одного города, неужто встретаться не сможем?

— Это ты из города, а я из пригорода... — Алиса вздохнула, дело было совсем не в этом.

— А далеко?

— Час-полтора на электричке.

— Так разве же это далеко? — светлая улыбка стала лукавой. — Встретимся...

— Гулять под ручку, да?

— Ты... жуткий скептик! — Славяна вскочила, разворачиваясь и хватая Алису за плечи.

— Придумаем... — голос её враз стал глубоким и глаза словно засветились изнутри, — что-нибудь!

Вкус и влажность тёплых губ разом всё поставили на место, упростили, изломанная кривая чувств и мыслей превратилась в прямую, потом в сияющую точку, которая вспыхнула и растаяла, оставив

лишь всеобъемлющее ощущение абсолютной правильности всего. Потом как-то оказалось, что Алиса лежит примяв под собой длинные стебли и смотрит на силуэты растопыренных «зонтиков» на фоне неба, с которого ветер угнал прочь давящие облака оставив лишь несколько мазков белым пером. Славяна лежала головой у неё на плече, уткнувшись носом в голубую дрожащую жилку на шее.

— Алис, — заговорила она после недолгого молчания. — А ты так и не рассказала, как случайно в лагере оказалась.

— Да-а, — та приподняла руку, обозначая взмах, — нечего и рассказывать. Район нашей школе одну путёвку выделил, ну её и отдали самой-самой. Отличница, спортсменка... А за день до отъезда — раз и спортсменка в больнице в переломом, в гипсе. Путёвка, ясно, пропадает. Учебная часть на ушах стоит, и тут как раз туда маман заявила, зачем-то её вызывали, с поведением моим, вероятно... Я уж не знаю, чего она там устроила.

Славяна ощутила щекой нервный вздох.

— Даже не представляю, как. Но домой явилась — го-ордая. Путёвку. Доченьке! Выбила! Она так, — Алиса рывком сглотнула, — счастлива была, ты не представляешь. До вечера. Потом опять пьянка, ругань... но я уже собралась и утром рано свалила на сбор. Вот и всё.

— Алис...

— Что, Славик?

Славяна кожей и костями чувствовала, как скопившийся где-то в горле Алисы комок горькой боли перетекает в неё. Чувствовала и не знала, чего сказать.

— Алисонька... знаешь, пора нам. На обед ведь опоздаем.

— Ой, а сколько сейчас?

***

На обед они опоздали.

Держась рядом они ровным спортивным бегом пронеслись через опустевший лагерь — лишь для того, чтобы перед столовой налететь на сотрясающую земную твердь и мечущую изумрудные молнии Ольгу.

— Где вас носит? — заорала она командирским контр-басом — Автобус собран, вас ждут, ну что вы устроили?!

— Обед... — только и пискнула Славяна.

— Профукали вы обед, в дороге перекусите!

— Сумки...

— Погружены сумки ваши, девочки помогли, спасибо им. БЕГОМ!!!

Вожатая только что не пинками прогнала их по дорожкам мимо полукруглых фасадов с распахнутыми дверями до приоткрытых в прощальном жесте ворот за которыми порывивал движком и плевался бензиновым дурманом бордовый «Икарус», загнала в салон, повелительным жестом отправила к незанятым задним рядам и махнула водителю, мол, трогай. Коротко прошипела закрывающаяся дверь, двигатель забурчал громче и ровнее и под колёсами захрустели песчинки, когда автобус сдал задом, разворачиваясь на пяточке перед воротами.

— Так и не попрощались мы с лагерем толком, — вздохнула Славяна, разглядывая проплывающие за окном гипсовые фигуры разнополых пионеров-стражей врат.

— Да и ладно, — фыркнула Алиса. — Вот не пожрать напоследок это проблема.

Автобус покачнулся, выбираясь на дорогу, а в середине салона вдруг поднялась со своего места Женя. В облегающей жёлтой футболке с отороченными кружавчиками рукавами она смотрелась непривычно. Придерживаясь за спинки она дошла до заднего ряда и присела рядом со Славяной.

— Вот... — в руках у неё оказался небольшой пакет. — Вам на кухне паёк собрали, я сказала, что передам.

— Спасибо, — Славяна бережно приняла шуршащий подарок. Алиса, поморщившись, отвернулась к окну.

— Пожалуйста, — Женя вдруг перешла на шёпот. — И вы знаете: я про вас никому-никому не рассказала. И не расскажу никогда!

— Да кому ты... — Двачевская свирепо повернулась, отесняя Славяну, но та положила ладонь ей на губы и Алиса умолкла. Женя сидела боком, на краешке сиденья, опустив глаза.

— Вы такие смелые, — сказала она вдруг сипло. — Вы потрясающие. Я вам так завидую...

Она резко вскочила и, очкастая, невысокая и нескладная, растворилась в салоне без следа. Просто вернулась на своё место, вероятно. А автобус, гудя и покачиваясь, катил своей дорогой, час сменял другой час, поля и рощи за окном понемногу всё чаще прерывались сперва деревянными домами с заборами и палисадниками, потом чем-то кирпично-бетонно-промышленным, потом уходящими в небо панельными спичечными коробками, всё больше становилось попутных машин и людей на тротуарах, всё чаще «Икарус» тормозил перед светофорами, а панели, бетон и кирпич, наконец, слились в единые стены слева и справа улицы. Когда дневные краски неба уже вытеснялись розовыми вечерними, «Икарус» свернул на боковую улочку и тяжело припарковался. В разогретом трёхчасовой дорогой салоне густо пахло бензином и синтетической резиной, уставшие пионеры зашевелились, кто-то потягивался, кто-то тёр кулаком глаза, Ольга Дмитриевна воздвиглась во главе и чего-то вещала, вероятно, прощально-напутственное. Славяна и Алиса её не слушали. Насмотревшись досыта в окно и наболтавшись о разных пустяках, последний час они просто держались за руки.

— Ну что... пора, — проговорила Алиса, когда Ольга умолкла и утомлённые путешественники потянулись гуськом на выход.

— Пора, — вздохнула Славяна.

Алиса замешкалась, пока Ольга-Панамка, не глядя ей в глаза, снимала с багажной полки её рюкзак и гитару. Коротко попрощавшись, она спустилась на тротуар, к старому дому, чьи окна первого этажа украшали сверху оскаленные львиные морды. Ульянка укатила раньше них, с младшим отрядом, больше прощаться было особо не с кем, пионеры рассасывались прочь, кто-то уходил сам, кого-то принимали в заботливые руки родители. Алиса посмотрела на свою ладонь, ещё влажную от прикосновения руки Славяны, такой хорошей. На сердце копилась горечь предчувствия грядущей жизни с воспоминаниями о них двоих, о том, чего они успели сделать и понять, а чего уже никогда не...

— Алиса! — Славяна подбежала, катя за собой пузатый розовый, явно не отечественный, чемодан на двух колёсиках. — Ты подожди меня, я сейчас.

Только мотнулись остриженные волосы и мелькнул голубой молнией сарафан, Славяна, бросив багаж у ног Алисы, подбежала к припаркованному неподалёку автомобилю. Алиса прищурлась, всматриваясь. Машина была массивных благородных форм, тёмно-серого цвета. Да неужто?! «Mercedes-Benz», да откуда бы? Может он случайно здесь, так? Но Славяна без церемоний подскочила вплотную, навстречу выбравшемуся с места водителя невысокому мужчине. Тот окинул внимательным взглядом короткую стрижку, но каких-либо эмоций не выразил. Это, что ли, батя-полковник? Алиса ожидала бы увидеть кого-то более внушительного. Высокого, плечистого, сурового. Этот же со своим стёртым лицом и в сером костюме совершенно терялся на фоне своего роскошного авто. Славяна между тем коротко переговорила с мужчиной, тот коротко кивнул, вернулся, негромко хлопнув дверью, в салон. «Mercedes» басовито-раскатисто замурлыкал, тронулся с места, объезжая пустой «Икарус» и выехал на проспект.

Славяна внимательно посмотрела ему вслед. Огляделась по сторонам. Спутники их почти уже все рассосались. И тогда она вихрем сорвалась с места, с сияющими глазами и широченной улыбкой подлетела к Алисе и как безумная повисла у неё на шее.

— Алиска, — жарко выдохнула она. — Ты не представляешь себе! Родителей дома нет и ещё неделю не будет!

— А... э... — Алиса завертела головой, не понимая.

— А? — Славяна тоже поняла не сразу. — А, это папин подчинённый, не обращай внимания. Он должен был домой меня отвезти, но я сказала, что прогуляюсь. Здесь недалеко. Давай, хватай рюкзак, пойдём!

— К-куда, — Алиса была немного в шоке. Или не немного. Зато Славяна щебетала, ликовала и выглядела абсолютно, беспредельно, бесконечно счастливой.

— Ну как куда?! Домой! Ко мне!

Алиса ощутила, как вся продуманная на много дней вперёд схема сожаления и грусти о несбывшемся разваливается как карточный домик, оставив только лёгкое облачко бумажной пыли.

***

Прогулка по центру города и правда не заняла много времени. Славяна, за которой подпрыгивая на неровностях асфальта шумно катился чемодан, возбужденно болтала, постоянно обращая внимание Алисы на какие-то знакомые ей детали, уверенно задерживалась на красный и быстро перебежала на зелёный. Алиса с рюкзаком и гитарой наперевес тащила следом. Голову ощутимо давило от перенесённой духоты и усталости, гитара была слишком неуместной и неудобной и всё казалось слишком не тем. Такого не планировалось, не предполагалось, слишком неожиданно.

Колёсики гулко загремели под длинной высокой аркой. Алиса вслед за Славяной прошла через обширный, светлый, обсаженный кустами давно отцветшей персидской сирени двор. Под лиловым вечерним небом светлые стены казались красноватыми. Откуда-то доносились мелодичные звуки фортепиано.

— Эх, лифта нет... — Славяна покосилась на чемодан и вздохнула. — А этаж четвёртый. Но ничего, справимся.

И, ухватившись за ручку двумя руками, повлекла свою ношу ввысь.

— Алиса, вот тут разувайся, вот здесь тапки, но можно и босой ходить, у нас тепло, сюда рюкзак ставь... — Славяна болтала без умолку, не хуже балаболки — руководителя музкружка. Алиса топталась на месте, неловко озираясь. В светлой прихожей пахло деревом, обувным кремом и одеколоном. Славяна бесцеремонно уронила чемодан и толкнула ногой так, что он откатился к дальней стене сам, шаркая по паркету.

— Так устала, такая потная, потрогай спину, — она подставила руке Алисы не прикрытую сарафаном действительно влажную верхнюю часть спины. — Давай сперва душ примем, нормальный, горячий. Алиса, хочешь душ принять?

— Ну да, пожалуй... — Алиса по-прежнему ощущала себя очень неуклюже на этом блестящем паркете, не знала, куда девать руки.

— Тогда бросай всё, пошли, — Славяна потянула сарафан через голову, оставаясь в одних трусах.

— Что, вместе?

— Ванная большая, поместимся, давай!

— Н-нет, давай ты лучше первая.

Сияющий энтузиазм Славяны немного увял и она согласно покивала.

— Давай, конечно. Только иди ты сперва. Я пока на кухне разберусь.

Через какое-то время девушки, чисто вымытые, с замотанными полотенцами волосами, расположились на кухне. Тонкий чёрный гляцевый халатик сидел на Славяне идеально, открывая почти до груди распаренную розовую кожу. Халат Алисы, пушистый и белый, был ей, пожалуй, великоват. В нём она ощущала себя уютно утонувшей, немного сонной даже.

— Есть картошка жареная в сковородке, торт с вишней есть, чайник я сейчас поставлю, — Славяна вдруг прервала свою беготню от холодильника к плите и обратно. — Алис... ведь так здорово... я и не думала, что мы с тобой вот так вот сможем...

Алиса бесцельно оглядывала большую кухню, отмечая висящую на стене деревянную черно-алую маску с крупными зубами и высунутым языком, каменную статуэтку дракона рядом фикусом на подоконнике, прилепленные в беспорядке на холодильник наклейки с иностранными словами, какую-то набранную из мелких камней картину, изображавшую зелёную гору под фиолетовым небом. Здесь явно жили люди, повидавшие этот мир, люди, которым многое доступно.

— ...Мама сейчас в Бельгии, на конференции, а отца в срочную командировку отправили, представляешь? Мы можем здесь неделю жить спокойно. Правда, мама твоя, Алиса, может ты позвонить ей сможешь, предупредить?

За высоким окном уже почти совсем стемнело, лишь желтели пара окон в доме напротив. Окно выходило во двор, лишних звуков не было. Алиса понимала, что скоро ночь и они не будут сидеть до бесконечности, скоро пойдут в одну постель. Ощущение нереальности не отпускало. Возможно, потому, что она ощущала себя чужеродным пришельцем в этой большой квартире на этой идеально чистой кухне, где вряд ли когда-то кто-то до утра, ничего не соображая, нависал носом над полупустой рюмкой.

И в то же время при мысли о том, что приближающаяся ночь повторит предыдущую внутри

пульсировало, сжималось и сокращалось. Алиса ощутила, что больше не может терпеть то, как её тащит в разные стороны. Ничего не говоря она встала, сходила к рюкзаку и вернулась с известной уже обтянутой тканью фляжкой.

— Немножко, Славик... для расслабления. Не против?

Славяна вздернула брови, улыбнулась. И полезла в кухонный шкаф, добыв оттуда пару мелких граненых ёмкостей.

— А давай!

Через какое-то время Славяна стукнула по столешнице пустой рюмкой. Глаза у неё блестели, розовые щеки заалели и тонкий халатик заметно разошёлся в груди. Они уже убрали с высохших волос полотенца и сидели совсем близко, через угол стола. Славяна то и дело прикасалась в руке Алисы и словно невзначай удерживала ладонь подольше, ведя пальцами от кисти к локтю. Алиса подумала, насколько изменилась Славяна всего-то за пять дней, с короткими волосами она смотрелась более взрослой и более... властной, что ли. Может быть, оттого, что она находилась у себя дома?

— Понравился торт, Алис?

— Ага... — две рюмки крепкого, пахнущего ягодами напитка немного сгладили внутренний раздрай и жёсткий обруч больше не давил голову. Сердце словно опустилось из груди ниже и билось там, размеренно и сильно.

— Я так устала, ты не представляешь, — раздумывая Славяна глянула из-под светлых ресниц.
— Пойдем, я покажу тебе, где сама живу.

Они прошли сквозь сумрачную прихожую в тёмную комнату, Славяна открыла дверь, пропуская Алису вперёд. И дернула за ручку, прикрывая, но не захлопывая. Алиса успела заметить, что кровать у Славяны довольно широкая, прочая обстановка терялась в неверном свете желтого фонаря за окном, а дальше её обняли сзади и Славяна, вздрагивая всем телом, прижалась к её спине.

— Останешься, Алис? — спросила она робко, словно боясь отказа. Но, наверное, и в самом деле боялась. Алиса почувствовала, как нежные руки осторожно поднимаются по пушистой ткани, от живота к груди и какая крепкая у Славяны её собственная грудь и как становится всё горячее внутри тела, внизу.

— Останусь, конечно...

Она повернулась, ловя жадные губы и быстрый язык своими, принимая в себя сухое возбужденное дыхание. Славяна резкими движениями раздергала два узла на поясах и два халата упали к их ногам, два горячих, одинаково пахнущих хвойным мылом тела прижались и Славяна снова впилась поцелуем Алисе в губы с такой силой, как никогда раньше. Шаг назад — Алиса упала спиной на покрывало и Славяна разом оказалась сверху.

— Никто не помешает, слышишь, — она снова и снова целовала её, губы у Славяны были опухшие и потрескавшиеся, задевали трещинками уголки рта.

— Я так хочу, так... — она задохнулась, покрывая поцелуями плечи Алисы и её обнажённую грудь, блуждая руками по её телу. И словно весь мир закрутился вокруг них, сжимаясь до нескольких самых чутких мест, и снова увеличиваясь, пока губы, языки и пальцы находили всё новые-новые, всё более чувствительные места на их телах...

***

Алиса неожиданно и резко проснулась. Лунный свет бил ей прямо в лицо, за эту неделю луна доросла до почти полной, бесстыдно округлой. Попыталась перевернуться, расслабленное тело не сразу послушалось. Тело, принявшее несчетное число прикосновений, пропустившее через себя не один, а целую серию безумно ярких всплесков. Было хорошо. Вкус и запах Славяны ещё оставался на лице и на губах. Алиса ощутила прикосновение колена к бедру и немного отодвинулась. Уставилась в непривычно высокий и непривычно светлый потолок и поняла, что ей мешает отсутствие привычных для её родного района еженощных механических звуков.

То ли лунный свет послал ей импульс извне, то ли он родился где-то внутри, в сердце. Неважно. Алиса привыкла повиноваться импульсу, последовала она ему и теперь. Аккуратно сползла на край кровати, беззвучно спустила ноги на мягкий ковёр. Встав, обернулась. Славяна спала на боку, вытянув руки и ноги и сопя через полуоткрытый рот. Лицо её во сне было совершенно детским, даже младенческим. Алиса потянулась к ней ладонью, остановилась на полпути. И бесшумно ступая вышла, без скрипа приоткрыв не захлопнутую дверь. Одежда, потная и пыльная, но своя,

лежала в ванной, рюкзак, гитара и обувь — под вешалкой. То, что входная дверь просто захлопывается снаружи, она заприметила ещё вчера. Заплатить за ночную поездку на такси ей было нечем, но это неважно — в доме Славика Алиса ничего бы не взяла никогда. Можно просто подождать на скамейке, пока не пойдёт первая электричка.

Она закончила одеваться, оставалось немного. И тут дверь позади неё закрипела, открываясь.

— Алис? — обнажённая Славяна стояла в тёмном проёме, прикрывая руками грудь. — Что случилось?

— Э... ну... — к такому Алиса готова не была. — Мама... там...

— Что, среди ночи? — Славяна шагнула вперёд, фигура её расплывалась в сумрачной прихожей.
— Зачем ты выдумываешь?

Голос её, поначалу спокойный, прорезался рыдающими нотками.

— Что происходит, Алиса, я же вижу? Что с тобой? Я всё делаю неправильно, да?

— Нет-нет... — стоя на месте, Алиса металась внутри себя как собака на привязи. Выхода не было. Никакого.

— Тогда что?

— Всё хорошо, — Алиса согнулась, выталкивая то, что не могла, никак не должна была говорить, — всё х... прост... я... не игрушка твоя, понимаешь?!

— Да какая иг... ты что несёшь?

— Не игрушка я. И не собачка комнатная. И не служанка, — слова, тяжелые как камни, сталкивались, вышибая снопы искр. И внутри, наконец, вспыхнуло злобное пламя.

— Да какая служ...

— Да такая, знаешь, которая в коротком фартучке ходит и кланяется, — закричала Алиса яростно.

Славяна застыла, опустив руки. Без единой нитки на теле, она была совершенно открыта всему. И сейчас в неё, открытую и незащищённую, летело плотное облако острых твердых осколков.

— Ты что? Алис? Ты не... — она не могла говорить. — Ты никак не... Я люблю тебя, Алис. Слышишь, я люблю тебя!!!

— А я...

Слова самые жестокие лезли наружу сами, раздирая в кровавые красные клочья и глотку и сердце.

— А я тебя не люблю, поняла. Не люблю. В одном месте свербёж, это что, любовь? Потискаться охота — это любовь?

— Нет... — Славяна замотала головой. Из голубых глаз брызнули крупные, как ледяные градины, слёзы. — Нет. Ты ведь врёшь сейчас. Зачем? Зачем ты мне врёшь, Алис?!

Она как сомнамбула, лишённая собственной воли, потянулась к ней руками и всем телом, но Алиса, дернувшись, отскочила. Гитара на плече взвыла всеми аккордами разом, жалобно, как похоронный плач.

— Зачем?

Алиса, не говоря больше ничего, на ощупь открыла замок, выскочила наружу и рванулась вниз по широкой лестнице, преследуемая собственным эхом. Славяна без сил опустилась, сползла по стене возле вешалки, плача так горько, как никогда в жизни не плакала.

Отбежав от подъезда на пять шагов Алиса остановилась, переводя дыхание. Темно-синий квадрат неба над головой, стены пробитые чёрными мертвыми окнами. Одинокий желтый фонарь посреди двора отбрасывал успокаивающий круг желтого света.

«Мне не нужны эти отношения. Мне. Не. Нужны. Эти. Отношения. Явная лесбиянка, да ещё и мажорка такая, что я с ней буду делать?»

Алиса жадно, полной грудью, втянула вольный воздух. Свобода! Ночной воздух был парной, неподвижный, свободы в нём совершенно не ощущалось. Какая там дорога до вокзала? Она выдернула из кармана шорт пачку, чуть не сломав ноготь, крутанула зажигалку, затянулась.

Обернулась. Дверь подъезда под сороковатной лампой всё ещё медленно-медленно закрывалась. В груди кольнуло тупой иглой, несильно.

«Она ведь плачет там сейчас. Сидит у двери, совершенно одна и плачет.»

Внутри неудержимо разрасталась жгучая, как язва, пустота. Алиса затянулась как можно глубже, пытаясь заполнить пустоту дымом и никотином. Дым показался ужасно, бессмысленно горьким и холодным. Воспоминания о том, что Славяна говорила и делала приходили и словно с размаху били мокрой тряпкой по щекам и по лбу:

«я помочь хочу»

«ты так потрясающе играешь»

«почему мы не можем быть просто подругами»

«я всё запомнила я поддержу»

«люблю»

Она затянулась с утроенной силой, разом сжигая чуть ли не половину сигареты. И отхаркиваясь ненавистью к себе самой, к своему бессилию, согнулась от боли и кашля. Жжение в сердце стало невыносимым.

Алиса двумя огромными прыжками подскочила к подъезду и рванула дверь на себя.

***

Она успела подняться на два этажа и замерла на промежуточной площадке не хуже соляного столпа, увидев удивительную фигуру. Сперва в поле зрения появились пара летних босоножек со звездочками. Выше них шли мохнатые потертые явно спортивные штаны к полосками по бокам. Венчала же всё дутая, не подходящая по сезону, куртка веселой розовенькой расцветки, застёгнутая до самого горла.

— Славик... ты что такое... — Алиса смешалась, сплющилась и потерялась и виде такого зрелища. А Славяна просто, держа спину прямо, спускалась шаг за шагом, пока их лица не оказались на одном уровне.

— А что под руку попало, то и... — ответила она с вызовом. — Я ещё и трусы опять не надела, знаешь ли!

Глаза её пылали яростью, сильнее и жарче чем голубые звёзды.

— Ты лучше скажи, зачем вернулась? Ушла так иди куда тебе надо, я не держу.

— Но Славик... Прости. Я хочу быть с тобой, хочу! Просто... в этой твоей квартире, такой большой и... богатой... я правда как игрушка, правда... Прости, — Алиса умолкла, понимая, что несёт какую-то дичь. Ноги не держали и сердце колотилось как безумный часовой механизм, она отступила к окну и присела на широкий мраморный подоконник, отставив в сторону вещи. Уставилась на свои колени, не в силах поднять голову и не увидела, но почувствовала, как Славяна опустила рядом.

— А хочешь, давай уедем, — сказала та очень тихо.

— То есть?! — Алиса считала, что уже исчерпала запасы шока до дна, но сейчас поняла, что ошибалась.

— Я возьму у родителей деньги, я знаю, где, — Славяна говорила тихо, но горячо, — купим на вокзале билеты и уедем. Далёко. В Новосибирск... или в Хабаровск. Будем жить вдвоём, уличные концерты давать станем, так и на жизнь заработаем. Давай?

— Так найдёт же нас, — проговорила Алиса хрипло, — твой папа-полковник, из-под земли откопает.

— А я ему телеграмму отправлю потом. И всё объясню. Он хороший, он поймёт.

— Славик... — Алиса не знала, смеяться ей или кричать в голос. — Ну вот почему ты... такая?

— Какая я? — Славяна чуть не выкрикнула это ей в лицо. Алиса, не выдержав, расхохоталась на всю лестничную клетку.

— Ну такая... вот... от которой никуда... не деться...

Смех заполнял и заполнял собой жгучую пустоту, а когда от той ничего не осталось — взорвался

волной заполняющей собой всё свободное пространство нежности. Алиса с силой обняла сидевшую перед ней девушку и прижала к груди.

— Славинька... — зашептала она. — Я идиотка. Я полная дура, прости меня. Я наврала и тебе и себе. Всё наврала, прости. Я не могу, я люблю тебя. Не могу. Не могу не любить, понимаешь?

— И я люблю тебя, Алиса, — Славяна подняла на неё огромные, под припухшими и красными от слёз веками, но всё равно самые огромные как две синих галактики глаза. — Очень люблю.

— И я тебя... Простишь меня? Я даже готова в фартучке походить.

— А походи!

На лестничной площадке между вторым и третьим этажами ещё долго звучали тихие признания, странные страстные речи, поцелуи и сумасшедший двойной смех. Долго, пока девушки, до предела выжатые и измотанные не задремали, привалившись спинами к стеклу и столкнувшись головами. Если бы кто-то глянул на окно со двора, он увидел бы странную картину — медно-рыжие пряди, прошитые и запутанные с искристыми золотыми.

Проспят они, на самом деле, минут пятнадцать, не больше. Потом сонная Славяна подхватится с места и, спотыкаясь на ступеньках, потащит за собой сонную Алису, еле удерживающую свой родной музыкальный инструмент. Дома в комнате Славяны они разбросают по углам одежду, упадут на кровать и отключатся, провалятся в сон на много часов. Обнявшись так крепко, словно каждая из них боится, что видит другую во сне и сон вот-вот закончится.

У них ещё есть семь дней, всего лишь семь дней. И никто не скажет нам, что их ждёт дальше. Они, всё же, слишком разные, Славяна и Алиса. Такие же единые по природе своей, как бьющий из отверстия в облаках солнечный свет и пылающий в ночном мраке костёр. И такие же несовместимые. Но пока что они трогают друг дружку во сне, Славяна прижимается к Алисе всем телом и забрасывает на неё ноги, та бурчит чего-то неразборчивое, подтягивая её поближе. За незашторенным окном над крышами понемногу разгорается золотисто-оранжевая утренняя заря. У них есть ещё целых семь дней. А дальше, как знать... всё может быть.

КОНЕЦ

День седьмой. Рубеж (альтернатива два)

Простыня упала на пол и в ту же секунду дверь затряслась под ударами. Ни Славяна, ни Алиса не успели ни прикрыться, ни воскликнуть «кто там», они не успели ничего вообще, как на фоне распахнувшегося светлого прямоугольника материализовалась фигура Ольги Дмитриевны. Испуганно вскрикнув, они отпрянули друг от дружки, они попытались прикрыться руками, инстинктивно, но бессмысленно, прикрывать пришлось бы слишком много. Ольга Дмитриевна бегала взглядом по их лицам, из всех сил тщаь собрать лицо в нечто монолитно-осуждающее. Хотя, выражение куда больше походило на то, как если бы её одновременно огрели рельсом по лбу и тяжёлым мешком — по затылку.

«Как вы, две идиотки, могли не запереть дверей?» — вот что метнулось у неё в голове, но вслух Ольга смогла сказать только одно, процедить сквозь зубы:

— Оденьтесь...

И резко вышла, почти сбежала.

***

Славяна и Алиса сидели на голой панцирной сетке одной из кроватей, в своих схожих по покрою платьях, блекло-голубом и бордовом. Они сейчас могли бы сойти за сестёр-близняшек за счёт одинаково напуганных взглядов, дополненных одинаково упрямо сжатыми полосками губ. Ольга Дмитриевна нависала над ними, не уступая в монументальной значительности самому Деятелю с площади. Пока подруги в панике рылись в вещах, натягивая бельё и прочее, она смогла мобилизоваться, и сейчас взгляд её жёг, а голос — бил и гремел не хуже гидравлического кузнечного молота.

— У меня нет слов... у меня слов нет! Просто никаких слов нет у меня! Нет слов! — говорила она задыхаясь.

— Ольга Дмитриевна... — робко попыталась вставить Алиса.

— Молчи! — рявкнула Ольга, воздевая указательный палец. Слова, очевидно, всё же нашлись.

— Это нечто... невысказанное... В нашем государственном лагере! Такое! Разложение и разврат. Настоящий, законченный... разврат! Раствление...

Острый палец перешёл в горизонталь, покачался и упёрся в Алису.

— Двачевская! — фамилию Алисы вожатая произнесла с откровенным отвращением. — На оставшееся до отъезда время ты изолирована по месту проживания. Завтрак и обед тебе принесут...

Славяна вдруг рывком поднялась.

— Ольга Дмитриевна, послушайте, — негромко, но твёрдо заговорила она и глаза её сверкнули жёстким излучением. — Это я виновата.

— Славя, сдай, пожалуйста, мастер-ключ, — Ольга словно бы не слышала её слов. Славяна шагнула к столу, покопалась в ящике и протянула Ольге блестящий цилиндр.

— Это я виновата! — повторила она с нажимом. — Это я... совращала Алису... С самого начала — я.

Алиса, звякнув панцирной сеткой, встала у неё за спиной и легко дотронулась до плеча.

— Славик, всё в порядке, — произнесла она сипло. — Всё нормально. Изолирована так изолирована. Я иду.

Алиса обогнула застывшую монументом Идеальной Вожатки Ольгу и, прикрыв за собой дверь, вышла. Вожатая и её лучшая пионерка остались наедине, первая забрала мастер-ключ и несокрушимо плакатная жёсткость в её лице уступила место тяжкому недоумению.

— Алиса не виновата ни в чём, поймите, — Славяна говорила всё горячее и настойчивей.

— Прекрати! — оборвала её Ольга. Попыталась оборвать. Славяна шагнула ближе, глядя ей прямо в глаза.

— Не прекращу! — горячий металл её голоса затвердел. — Это я и совращала и растлевала, вина полностью моя.

Под её напором Ольга смешалась и вроде бы даже стала меньше ростом, взгляд Славяны оказался с её на одной линии и даже немного сверху. Когда Ольга ответила, голос её звучал негромко, но

внимательный слушатель хорошо различил бы в нём неуверенность и даже нечто похожее на испуг.

— Славя... ты чего творишь? Ты подо что меня подвести хочешь?

***

Оставшись в домике в одиночестве, Славяна механически двигаясь вернула на кровати матрацы, связала в узел ещё хранившее их с Алисой живые запахи постельное бельё. Обувшись и расчесав короткие волосы, вышла на улицу. Солнечный блик, отразившись от окна соседнего домика, больно резанул глаза. Над лагерем уже собирался купол душевной дневной жары, жара неприятно давила на голые плечи, на спину. словно тяжелый рюкзак с ненужным, неприятным содержимым. Сгибаясь под ним, не чувствуя ни ног, ни земли под ногами Славяна дошла до умывальников. Обнаружив, что не взяла с собой ни мыла, ни зубного порошка, ограничилась тем, что плеснула в лицо ледяной водой. И так же ничего вокруг себя не видя и не замечая, отправилась на завтрак. Ведь утром надо завтракать, верно? В груди у неё словно образовался большой комок из колючей проволоки и бритвенных лезвий, при каждом шаге ком шуршал, ворочался, царапал и скрёб.

В столовой было прохладно, в чистые окна светило солнце и уютно пахло свежесваренной кашей. Столики были пусты.

— Славушка, — толстая повариха в окошке раздачи улыбнулась ей доброжелательно, — ты сегодня первая, я смотрю.

Славяна блекло и вымученно улыбнулась гладкому румяному лицу, толстому носу и толстым рукам.

— А ты подстриглась, Славушка, смотрю я, тебе так идёт, — женщина споро подхватила из штабеля миску. — Сегодня каша вку-усная, день отъезда же ж, хочешь двойную порцию положу?

— Нет-нет, спасибо, что вы, — замотала головой смущённая Славяна.

— Да бери, не стесняйся, кушать тебе надо больше, вон ты бледная какая...

— Спасибо, — прошептала Славяна, принимая доверху наполненную ароматной кашей с фруктами миску, — спасибо большое, — повторила она и поскорее отошла. В уголках глаз закипало непрошеное и горячее. Глядя в миску и желто-коричневые квадратики пола она добрела до дальнего столика и едва уселась спиной к залу, как прямо в кашу закапали прозрачные солёные слёзы. Она сидела опустив голову, пока пространство у неё за спиной заполнялось голодными, возбуждёнными предстоящим отъездом пионерами, тишину вытеснил хаос скрежета стульев, звона ложек и разномастных голосов, болтающих и смеющихся.

«Я извращённая дрянь, — думала Славяна. — Как я только могла? Захотела быть поближе с Алисой? До чего я нас довела, как я только могла позволить нам до этого дойти? Поближе... Что с ней теперь будет? Я сломала ей жизнь...»

Поняв, что сейчас расплатится, она поскорее запихнула в себя несколько ложек уже остывающей каши. Каша и вправду была рассыпчатой и сладкой, очень вкусной, но слёзы от этого надавили изнутри ещё сильнее.

«Я не заслуживаю получать удовольствие...»

Рассудив, что зал уже полон, и никто в толпе не обратит на неё внимания, Славяна оставила почти нетронутый завтрак и с опущенной головой тихо прошла среди шума. Кое-кто уже переоделся для отъезда и её сарафан действительно не выделялся на общем фоне. Огибая рвущихся навстречу голодающих, Славяна вышла наружу, спустилась по ступенькам, обогнула строение и опустилась на первую попавшуюся скамью. Силы у неё на этом закончились, Славяна повесила голову, видя перед собой одно только размытое светлое пятно. Уютное тепло летнего дня, приятные запахи, шелест листьев на ветру и временами доносящиеся бодрые голоса в один голос твердили: здесь хорошо, здесь тебе рады. От этого Славяне становилось ещё больнее. Колючий ком резал изнутри кожу и рвался наружу.

Неизвестно, сколько б ещё тянулись эти заполненные бесконечной болью минуты, но рядом раздался скрип песка под сандалиями и шорох одежды. Кто-то небольшой и тёплый присел рядом. Этот «кто-то» осторожно потряс Славяну за плечо.

— Славь...

По низкому ломкому голосу было несложно узнать Женю.

— А... Жень, — Славяна взглянула на неё. Библиотекарша была в коротких шортах и незнакомой жёлтенькой футболке с кружевной оторочкой рукавов. Серьёзное лицо, впрочем, совершенно не вязалось с легкомысленным партикулярным нарядом. — Чего тебе?

— Двачевской сухпай выделили, я взялась отнести, — Женя отозвалась сухо, но тут же перешла на страстный шёпот. — Ты только не подумай, я никому про вас не говорила, никому!

— Да что ты, Жень, — Славяна даже испугалась немного, — я и не думала про тебя.

— А вы... ну, между вами... — Женя замялась, но Славяна поняла.

— Да, — ответила она просто.

— Тогда вам обязательно надо поговорить до отъезда, — увеличенные линзами зрачки сверкнули, Женя присмотрелась к недоумению на лице Славяны. Хмыкнула.

— Домашний арест... Домик не Бастилия, в окно вылезти не фиг делать, если знаешь, зачем. Скажи, где будешь ждать Алиску свою, я передам, — Женя снова перешла на заговорщицкий шёпот.

Логика в этом плане не просматривалась никакой, абсолютно. Смысла — ещё меньше. Но Славяна ощутила, как проясняется в голове и уменьшается колючая боль.

— Скажи ей, пусть приходит на наше место, на берег... она должна понять. Но зачем ты это делаешь, Женя?

Та по-птичьи склонила голову набок и улыбнулась одними уголками губ.

— Да так...

В Славяне колыхнулась волна благодарной нежности, и, движимая ею, она притянула голову Женьки к своей груди и чмокнула в макушку, в неуправляемый торчащий тёмный завиток.

— Спасибо, — шепнула она Женьке в волосы и, отпустив её, вскочила и устремилась прочь. К калитке и дальше.

***

Славяна уже полчаса стояла на крохотном песчаном пятачке у воды. Погода несколько подпортилась, задувал порывами неприятный холодный ветер и сухие «метёлки» шуршали с такой силой, словно задались целью заглушить все посторонние звуки. Поверхность озера морщилась сеткой мелких трещин. Сидеть Славяна не могла, она нервно переступала с ноги на ногу над тёмным следом их с Алисой давнишнего костерка и неотрывно смотрела назад, на опушку леса.

«Может, Женя обманула? Может, Алису поймали? Может... она не хочет ко мне приходиться?»

Но в тот момент, когда последнее «может» растравило ей душу до предела, среди высоких трав нарисовались рыжие волосы и чёрная футболка КИНО.

— Алиса! — Славяна, сбивая колючие семенные коробочки с высоких стеблей, рванула по тропе ей навстречу. — Алиса!

Славяна распахнула руки и с налёта обняла её. Алиса в ответ обхватила её за лопатки. Они стояли, обнявшись и молчали, даже ветер в этот момент поутих.

— Ну всё, Славик, я здесь, я пришла... — заговорила Алиса несколько грубовато. — Что за?

— Э-э-э...

Славяна только сейчас сообразила, что ухватилась за предложение Женьки «поговорить» совершенно спонтанно, даже не задумываясь, что за разговор и зачем он потребуется. Но теперь надо было начинать.

— Ты ведь простишь меня, Алиса? — сбивчиво заговорила она первое, что пришло на ум. То, что мучило сильнее всего. — Я извращённая дрянь, я всё испортила...

— Обе хороши были, — фыркнула Алиса не разрывая, впрочем, объятий.

— Но что же из-за меня с тобой сделают, Алис...

— Да может и ничего, — отозвалась та ободряюще. — А может сунут в комиссию какую, на очередной карандаш возьмут. Не первые, не последние...

Алиса усмехнулась, но тут же посерьёзнела. Отодвинула Славяну, держа за плечи и внимательно уставилась ей в глаза.

— А вот тебе, Славик, надо очень тщательно всё продумать, как и что говорить... А то сунут тебя под... — Славяна вздрогнула под её ладонями и Алиса добавила со вздохом. — Видишь ли... я знаю,

что батя твой вовсе не по авиации.

Славяна разом распахнула глаза и одновременно показалось, что голубизна уходит из них, бледнея и расплываясь по коже лица. Она пошатнулась, но Алиса придержала её.

— Но... как... — выдохнула Славяна жалобно.

— Так... — Алиса дернула углом рта. — В первый день ещё обратила внимание.

Рыжая сорвалась с места, оттесняя первую волну атакующих, немного задержалась, упершись взглядом в вывешенный список дежурных. По чьей-то прихоти дежурных указывали исключительно с полным ФИО. Имена в нижней графе были вписаны синей ручкой, коряво и крупно:

Двачевская Алиса Викентьевна

и ниже

Феоктистова Славяна Мельхиоровна

— Я... я... я всё равно не понимаю, — Славяна затрясла головой. — Ну, отчество...

Алиса прищурилась.

— А никто в лагере не поймёт, я уверена. Ну, кроме начальства, — она говорила непривычно раздумчиво и веско, словно оттеснив и спрятав от мира тревожную и импульсивную рыжую девчонку с гитарой. — Но вот в моей тусе, конечно, алкаши бездарные в основном, но и интересные люди порой заходят. Художники, которых не выставляют нигде, музыканты неформальные. Так что... в нашей компании каждый знает, кто такой полковник Мельхиор Феоктистов и чем он занимается...

Славяна высвободилась из её объятий и, пошатываясь, отошла, присела, почти упала на край тропинки. Внутри у неё что-то рушилось. Кирпичик за кирпичиком, неостановимо. Тонко зазвенело в ушах и перед глазами пошла серая муть, затеняя окружающий мир. Затем муть неторопливо рассеялась, понемногу вернулись и звуки. Алиса, оказывается, сидела напротив и продолжала говорить.

— ...Витьку ему точно не простят никогда, к примеру. Знаешь, ребята теперь пишут на стенах везде вот такенными, — Алиса показала, — буквами ЦОЙ УМЕР.

— Ой, я видела, — голос Славяны был тоньше и ломче замороженной паутины. — Но я думала, и правда...

Она умолкла. Алиса скривилась, словно ей предложили стакан прогорклого кефира.

— Да нет, почему же... Жив-здоров, живёт где-то под Пермью, в колхозе работает. Даже вроде стишки сочиняет... во славу Деятеля. Но теперь уж точно никаких «мы ждём перемен». Или вот, к примеру, академик Са... — Алиса досадливо махнула рукой, прерывая свою речь. — Ладно, проехали. Но зачем бате, который умы упорядочивает, от собственной дочки такой подарок, а?

— Да не сделает он этого! — Славяна беспомощно затрепыхалась.

— А почему? — прищурилась Алиса. — Тебе шестнадцать, родители всё за тебя решают. Подпишет бумажку о добровольном научном эксперименте, сам себе завизирует, сунет под облучатель в своём институте и выйдешь за порог всё той же Славяной, в жизни которой никакой Алисы никогда не было!

Последние слова Алиса отчеканила так, словно вбила в пустоту здоровенный атомный гвоздь.

— Алис... нет...

— А как? — в голосе Алисы прорезался незнакомый злой сарказм. — А придёшь ты со мной под ручку к своим маме-профессору и папе-мозгокруту и скажешь: это Алиса Двачевская, я хочу всегда быть с ней вместе? Ну?

Славяна сидела закрыв руками лицо, плечи у неё мелко-мелко тряслись.

— ...ет, — сказала она невнятно, не открывая лица.

— Чего? — переспросила Алиса. Славяна убрала ладони. Глаза и губы у неё выглядели пересохшими, воспалёнными.

— Подпишет... и сунет... — она снова задрожала, теперь уже вся целиком. — Знаешь... я даже не

уверена... я раньше не задумывалась, но теперь... У меня отличная память, но я совсем не помню последние семь дней прошлогодней смены. Обрывки какие-то...

Алиса перекадилась к ней и обняла за плечи. Неожиданно и резко стало холодней, облако закрыло солнце и стебли-сухостой грозно зароптали под порывом ветра.

— Мне страшно, Алис... — Славяна прижалась к ней. — Мне очень-очень страшно...

— Да брось, — Алиса попробовала успокоить её так, как успокаивала боящуюся кары за очередную шкodu Улю, — мозгокрутство не опасно, вообще, просто...

— Просто я люблю тебя! — прошептала Славяна ей в плечо и шею. — Без этого уже не я буду, совсем не я.

— Славик...

— Я лучше у Виолы таблеток возьму... пять пачек... я знаю, я с сортировкой помогала...

— Эй-эй-эй! — Алиса извернулась, схватила Славяну за подбородок и хорошенько потрясла. — Ты чего это? И думать забудь, слышишь!

— Не забуду... — Славяна ткнулась губами ей в ладонь. Кожа на скулах у неё немного порозовела. — Спасибо, Алис. Дашь сигарету?

— Так! — Алиса вскочила на ноги. — Знаешь что, Славка, я скажу: кончай киснуть! Ничего ещё не случилось, а ты... Не дам, бросила!

Алиса привыкла повиноваться идущим из нутра импульсам, повиновалась она и на этот раз. Выдернула из кармана шорт пачку, с размаху швырнула об землю и с силой раздавила, растёрла подошвой. Из другого кармана выцарапала любимую импортную зажигалку и швырнула в заросли.

— Видишь, нет нихрена! И даже не думай подсаживаться на эту мерзость, поняла! Вредно это!!!

Последнее вырвалось у неё произвольно и Алиса, не выдержав, скрипуче хохотнула. Славяна улыбнулась, глядя снизу вверх, кожа лица у неё снова обрела нормальный человеческий цвет. И тоже, неровно, пополам с кашлем, рассмеялась. Поднялась навстречу Алисе.

— Ты ведь сразу знала и всё же... — она не закончила. Алиса пожала плечами и хотела что-то ответить, но...

***

— Ну, вот вы где... пионерки...

Экспрессивно-романтический дуэт внезапно превратился в трио, когда среди зарослей возникла из ниоткуда, величественная, как «Титаник» Королева Шприца или Императрица Клизмы, короче говоря, местная целительница Виолетта. Её негромкий с хрипотцой голос как-то разом перекрыл и свист ветра и шелест «зонтиков», да и поверхность недалёкого озера разгладилась, словно бы сама собой. В зеркальной поверхности проявилась копия бьющего сквозь дымку бледного солнечного диска.

— Пора, пионерки, — интонации Виолетты казались вполне доброжелательными, но Алиса инстинктивно задвинула Славяну за спину. Славяна ещё не вполне пришла в себя, вид у неё был совершенно потерянный.

— Куда? — вопрос Алисы прозвучал резко, так внезапно ломается под напором урагана свежее зелёное дерево. — На койку, под облучение?

— Расслабьтесь... — Виола подошла вплотную. Она смотрела на девушек сверху вниз, стройная, подтянутая. Наброшенный поверх футболки и джинсов белый халатик больше походил на мундир армии некоего независимого государства. Карий глаз поймал отблеск солнца и засветился красноватым.

Виолетту уважали за многое. В том числе и за то, что, если не считать нарочито томно-фамильярного обращения «пионер-пионерка», она всегда разговаривала со всеми как с равными. Черты, доступная лишь истинным хозяйкам и повелительницам. Не стала она изменять себе и сейчас.

— Расслабьтесь, — повторила она по-прежнему негромко, — я на вашей стороне. Олька-дурила застремалась, испугалась, что кто другой заложит и побежала упреждать, а ведь я ей говорила...

Ольга подошла к расслабленно лежавшей на покрывале с книжкой в руках Виолетте и негромко

заговорила.

— ... это ведь ЧЭПЭ, настоящее! Дочь Феоктистова...

Слова её сопровождалась жестами резкими и неуверенными. Медсестра, прикрыв глаза от яркого солнца, отвечала лениво, нехотя.

— Ничего не будет, слышишь меня?! Ни-че-го! Она что, с пузом или трипаком от нас приедет? А всё остальное недоказуемо по определению, если внимания не привлекать зазря, расслабься.

Ольга и Виолетта проводили их внимательными взглядами, после чего медсестра коснулась плеча вожатой и, склонившись к её уху, прошептала:

— Не надо их трогать, слышишь?!

— Так что же делать? — бог весть, почему Алиса сразу поверила медсестре, но сейчас она обращалась к ней как к защитнице и надежде. Возможно, единственной. Впрочем, Виолетта лишь пожала плечами.

— Для начала — ехать. Обед вы профилонили, автобус без вас укатил, оставаться здесь нет никакого смысла. Или хотите на грибы-ягоды переходить, на подножный корм? — Виолетта улыбнулась собственной шутке и, отвернувшись, пошла в сторону леса. Каждое её движение выражало несокрушимую уверенность, что «пионерки» сейчас последуют за ней. Уверенность оправдалась.

Перед самой опушкой леса Алиса крепко взяла бредущую неуверенными шагами Славяну за руку, пёстро-зелёные кроны зашелестели над ними. Тропа, извилистая и узкая. Провывшая на прощание скрипуче калитка. Дорожка, ещё дорожка, без единого человека навстречу, лагерь совершенно опустел, словно вымер. Они обогнули здание клубов и вышли к распахнутым металлическим воротам, перед которыми отдыхала серо-зелёная «Волга» с гостеприимно приоткрытыми дверцами.

— А наши вещи? — спросила вдруг Славяна.

— Всё в багажнике, не тревожьтесь. Чемодан, рюкзак, гитара... — отозвалась Виола полуобернувшись. — Располагайтесь сзади, едем.

В салоне «Волги» пахло свежестью, машина хорошо проветрилась за время ожидания. Славяна и Алиса с двух сторон влезли на заднее сиденье. Голые ноги немного прилипали к кожаной обивке. Впереди Виолетта хлопнула дверью, щелкнула замком ремня и через секунду зафырчал и заворочался стартёр. На смонтированной на передней панели коробке, очень резко, явно не на заводской манер врезанной в пластик, вспыхнула набранная из цветных индикаторов текущая дата 15.08.1989. В элегантном салоне явно кустарный «календарь» смотрелся чужеродно, не на месте. Впрочем, Виола немедленно щелкнула тумблером и индикаторы погасли.

— Так мы и не попрощались нормально с лагерем нашим... — тихонько вздохнула Славяна, оглядываясь на уплывающие назад фигуры гипсовых разнополых стражей врат. Алиса промолчала. Виола проехала поворот, за которым не так давно к Алисе приезжал самогонный мопед, переключила передачу и прибавила газу. Покрутила настройки радиоприёмника и разочарованно приглушила звук, динамики не выдали ничего кроме воя и карканья.

— Ещё, — она скосила глаза в зеркало заднего вида, пока машина плавно набирала ход. — Прогноз неблагоприятный, штормовое предупреждение, с севера идёт снежная буря, дороги перекрыты. Так что поедем боковыми, в объезд, не пугайтесь.

— Да какая буря, вы что, лето на дворе! — вскинулась сзади Алиса. Славяна просто в недоумении закрутила головой.

— Любое лето когда-нибудь заканчивается, мои хорошие, — с тонкой грустью отозвалась медсестра (медсестра ли?) и что-то в её голосе отбило у Алисы желание спрашивать дальше.

Через несколько минут Виола понизила передачу, машина перевалила через обочину и запереваливалась по грунтовым ямам и рытвинам. Двигатель взрёмывал, перегружаясь, Виола крутила рулём, Алиса и Славяна взвизгивали, когда их кидало одну на другую, из-под колёс в разные стороны летели пучки сухой травы и камешки. А за окном быстро, до странного слишком быстро стали сгущаться сиреневые сумерки, в лобовом стекле вспыхнули и заметались жёлто-янтарные, похожие на глаза Алисы, лучи дальнего света.

Сумасшедшая тряска прекратилась так же внезапно, как и началась, машина резво перестроилась и затормозила. Остановилась. Виолетта заглушила двигатель, зажгла в салоне свет и обернулась к ошалевшим немного от всего происходящего девушкам.

— Теперь нам надо остановиться, потому что разговор у нас пойдёт серьёзный, — интонации её

вновь изменились и разобраться в них стало ещё сложнее, сквозили в её голосе и лукавство и нетерпеливое ожидание и азарт и бесконечная усталость и бог знает чего ещё, непонятное.
— Сейчас у вас есть возможность сделать Выбор...

В том, что слово это она произнесла именно так, с большой буквы, ни у кого сомнений бы не возникло никаких. Растревоженная стремительной ездой Славяна тронула Алису за предплечье, провела пальцами до локтя и взялась плотней.

— Вариант первый, — продолжала Виола тоном опытного лектора, — я сейчас разворачиваю машину, через пять минут мы выезжаем на шоссе до города, ещё через пяток — догоним ваш «Икарус». Я пересажу вас в него, вы вернётесь в своё общество и свои семьи и будете решать свои жизненные проблемы по мере возможного сами.

Алиса нахмурилась и прикусила губу. Ощущение руки Славяны на своей странном образом придавало сил и уверенности.

— Значит, есть и второй?

— Есть и второй, — продолжала Виола нарочито спокойно, — мы едем дальше и вы уезжаете навсегда, в другое... — она помедлила, — место. Год тот же самый, но другие, скажем так, обстоятельства. Там вы получите новую жизнь и новую судьбу, выбирайте.

Самая загадочная из всех лагерных медсестер щелкнула тумблером, свет в салоне на долю секунды вспыхнул очень ярко и потух. Скорее всего это была иллюзия, но, но на ту же долю секунды девушкам показалось, что глаза Виолы как будто подсветило изнутри: карий стал обжигающе-алым, а серый — пронзительно-синим. Словно две глянцевые круглые конфеты.

— Выбирайте, — повторила Виола и, отвернувшись, замерла за рулём.

Алису колотила нервная трясучка, она покосилась на Славяну и обнаружила ту сидящей прямо с приоткрытым в немом изумлении ртом. В точности, как тогда в лесу у костра, при первом извлечении волшебной фляги.

— Не... — пробурчала Алиса, — это дело надо того... обдумать.

***

Дернув ручку, Алиса выбралась наружу и огляделась. Мир заполняли густые тени, возможно их отбрасывали плотные лиловые тучи, затянувшие небо насколько хватало глаза, без единого намёк на солнце или луну. Но совсем непроглядным мрак всё же не был.

Виола остановила «волгу» на круглой асфальтированной площади, очень давно и очень условно, надо сказать, асфальтированной. Покрытие растрескивалось в виде всех возможных многоугольников и сквозь трещины пробивались травяные полосы. Прямо перед Алисой оказалось строение, более всего похожее на обычный поселковый магазин, бетонный короб с передней стеной из сплошных стеклянных блоков. Стекла, однако, были до полной непрозрачности грязными, покрытыми сколами и трещинами, крайнее правое же и вовсе заменял фанерный щит с огромной, явно вручную нарисованной вывеской «ХЛЕБ МЯСО АЛКОГОЛЬ». Внизу можно было разглядеть полустёртые часы работы, но едва ли они были актуальны — магазин смотрелся давно и надёжно закрытым. По обеим от магазина сторонам и дальше можно было рассмотреть непривычного вида дома под двускатными крышами, но и в них и возле них не просматривалось ни огонька, ни движения.

«Какое-то мёртвое место», — подумала Алиса, озираясь. За спиной у неё обнаружился обязательный для любого райцентра памятник, Алиса мазнула по нему ленивым взглядом, но сразу же и вернулась, ощупывая монумент расширенными от удивления зрачками: вместо непрямого, подтянутого, поправляющего круглые очки известным всеми миру элегантно жестом Деятеля, в центре площади на постаменте красовался некий неизвестный тип невысокого роста, лысый с бородкой и низким лбом, одетый не то в военную полушинель, не то просто в пальто. Правую руку с зажатой в ней кепкой он простирали куда-то в пустоту, немного правей АЛКОГОЛЯ и МЯСА.

— Вла... ди... — напрягла зрение Алиса. Буквы выбитые на граните в сумерках читались плохо.
— Ле... Не, не знаю такого.

Она в раздражении трянула рыжими патлами.

— А я помню... — тоненько протянула вылезшая на воздух Славяна, — что-то такое на факультативе по истории...

— Да господь с ним! — Алиса досадливо отмахнулась от странного монумента и обошла багажник, поближе к подруге. — Давай решать.

Виоле они поверили мгновенно и сразу. Слишком странным было всё происходящее, слишком странным, чтобы кричать «караул», искать психиатра или звать родителей и вожатых. Славяна неуверенно изучала носки своих сандалий, Алиса ещё раз оглядела окружающую пустоту. Решение пришло.

— Оставайся, Славик.

— Чего? — Славяна уставилась на неё огромными, ещё более ярким на фоне лилового мрака глазами.

— Оставайся... — повторила Алиса мягко. — Ну ты подумай сама: у тебя здесь всё есть и всё впереди. Получишь аттестат, закончишь вышку с дипломом, карьеру сделаешь и станешь тем, кем сама захочешь.

Алисе казалось, что ещё никогда в жизни она не говорила настолько горячо и настолько проникновенно.

— И даже забывать меня тебе не придётся, подумай. Просто не рассказывай никому. Будешь вспоминать нас как красивую сказку длиной в семь дней и никто не сотрёт твою память. У тебя целая жизнь здесь!

— А ты... — начала Славяна, но Алиса не дала ей закончить.

— А мне здесь ловить нечего. Могила дедушки на Колыме, могила бати на Охте? Маман... — Алиса немного увяла. — Маман жаль, но она уже сейчас меня не всякий день узнаёт. Год-два... А мне потолок — брэнчать на квартирниках для десятка алкашей, а потом спиться и сторчатся, это всё!

Славяна молчала, закусывая губы и бегая глазами.

— Но я же люблю тебя! — наконец сказала она жалобно.

— И я тебя! — слова пришли и воплотились в звук прежде, чем Алиса успела их обдумать. — И я тебя люблю. Но так будет правильной, понимаешь? Правильней!

Славяна снова надолго умолкла. Алиса глянула поверх её макушки и поняла, что небо всё же не совсем неподвижно, лиловые облачные складки медленно сползали слева-направо.

— Я не хочу правильно, — заговорила вдруг Славяна.

— Славик... — Алиса растерялась.

— Я хочу с тобой!

— Но ты... родители...

— Я. Хочу. С тобой!

Алиса заглянула ей в глаза, пытаясь найти нужные слова и аргументы, но не увидела ничего, кроме твёрдой как километровой лёд решимости.

— Ну... что ж...

— Ну, что решили? — щелкнула дверь со стороны водителя и в сумрак вышла Виола. Или «Виола»?

— А вы честно обещаете, что мы будем там вместе? — обратилась вдруг к ней Славяна.

Вопрос этот пробудил в Виоле некое скрытое ликование.

— Честно? Понятия не имею, — отозвалась она.

— То есть, как это?!

— Хорошие мои, никто вам такого не пообещает, а если пообещает, то не разумея, — Виола уже в открытую веселилась, говоря это. — Может вы неделю вместе проведёте да и разбежитесь в ужасе, знать друг друга больше не желая, откуда же мне знать?

Она вдруг рывком стала вновь серьёзной.

— Но одну могу сказать наверняка: никто не заставит, — она подчеркнула это слово, — там вас забыть друг друга. Там нет таких технологий.

Алиса и Славяна поглядели на довольную собой, щурящуюся по кошачьи Виолу. Друг на друга. И снова на Виолу.

— Едем!

— Так тому и быть! — Виола удовлетворённо всплеснула руками. — Алиса, угостишь сигаретой? Я знаю, у тебя есть.

— Бросила, — ответила с явным вызовом Алиса.

— Да ну, когда успела?

— Сегодня!

— Эх... курить охота... — Виола потёрла уши ладонями. — Ну да ничего, потерплю. Садитесь... И, кстати, — она словно вспомнила что-то важное, — я всё равно не смогла бы отвезти одну туда, другую обратно. Только один путь и только вместе!

— Но зачем же вы тогда, — встрепенулась Славяна, на что Виола только смешно сморщила нос и отвесила нижнюю губу.

— Интересно на вас посмотреть было, — нарочито прогнусавила она.

Салон за прошедшее на стоянке время простыл, заполнился влажной сыростью и острыми запахами кожи и бензина. Виола пристегнулась и повернула ключ, двигатель ровно заурчал.

— Ну что, кораблю — взлёт, — она покосилась в зеркало заднего вида на ошарашенные глаза обеих спутниц. — Шучу я, шучу, не летает моя «волга». Поехали.

И переключила на первую передачу, трогая с места. Дальний свет мазнул по небитаемым деревянным домам, площадь с «Влади Ле», а потом и весь странный посёлок остались позади, тряская асфальтовая дорога сменилась тряской грунтовкой. Начал накрапывать, а потом и сильно зарядил из темноты дождь, в лобовое стекло летело всё больше желтых глиняных брызг, дорога явно шла под уклон, машина разгонялась. Виола запустила дворники и покрутила регулятор громкости. Булькающий белый шум вдруг разом сменился чётким гитарным драйвом, а затем сквозь него прорвались и слова:

...зима, когда наступит февраль

И чёрный фонарь станет жёлтым, как янтарь,

Я прикажу себе молчать и не ходить в тот дом,

Дождь усилился до сплошной водяной стены и Виола включила дворники на максимум. Но радио это не мешало, песня звучала всё ясней и отчётливей.

Кому-то станет интересно в чём беда?

Я раньше не бывал так часто дома никогда,

И я мечтал о телефоне, а он теперь для меня ерунда.

«Волга» скачком на скорости вылетела с грунтовки на широкую гладкую и пустую дорогу, повернула, заносясь и оставляя на асфальте немедленно начавшую размываться ливнем дугу грязно-серой глины.

Но это просто рубеж и я к нему готов,

Я отрекаюсь от своих прошлых слов,

Я забываю обо всём. Я гашу свет.

Нет мира, кроме тех, к кому я привык

И с кем не надо нагружать язык,

А просто жить рядом и чувствовать, что жив.

***

Виолетта прилагала все усилия, чтобы ровно удерживать машину на покрытой водой дороге. «Волга» шла как по нитке, и она временами позволяла себе отвлечься, прислушаться к шепоткам сзади. Славяна и Алиса освоились, успокоились и сейчас сидели очень плотно и крепко держались за руки.

— а это мы на месте выясним, я уверена...

— документы нужны новые!
— но тогда ведь и имена сменить можно.
— не смей. мне твоё нравится... ну ладно, только на такое же короткое...
— а ещё волосы перекрасить!
— а то на кой?
— а чтобы никто не догадался

Сдавленное хихиканье.

Когда ветра морские будут крепко дуть,

Я постараюсь сразу лечь и уснуть,

Я это так давно и навсегда решил.

К каждому звуку я буду готов,

Но в том доме не предпримут ни малейших шагов,

Обвиняя во всём сдутость шин.

Виола слегка улыбнулась и ещё немного прибавила газу. «Волга» неслась сквозь тьму по идеально прямому шоссе, всё наращивая скорость, хотя та давно уже перестала соответствовать показаниям спидометра. За задним стеклом оставалась короткая, в несколько миллиметров, полоса совершенно чистого и сухого вакуума, но почти сразу же, через мизерную долю секунды она вновь заполнялась водяной круговертью. Дворники работали на полную, сбрасывая с лобового стекла одну ниагару за другой, временами в потоки дождя чья-то невидимая рука словно вбрасывала крохотные ледяные звездочки-крупинки и тогда те отлетали прочь с неприятным ультра-тонким взвизгом, вероятно, с таким же звуком вспарывал бы метрику переходящий на анамезонный привод звездолёт. Впереди в свете фар мелькнула особенно обширная лужа, создавшая иллюзию, что дорога сплошь покрыта бриллиантами, ещё миг — и справа и слева от «волги» плеснули два исполинских бриллиантовых крыла, одно из которых обмахнуло на скорости бетонный корпус тёмной автобусной остановки.

Ведь это просто рубеж и я к нему готов,

Я отрекаюсь от своих прошлых слов,

Я забываю обо всём. Я гашу свет.

Нет мира...

Сторонний наблюдатель, если бы он мог сейчас сидеть на скамейке под навесом остановки, прятаясь от всепроникающего дождя, встал бы, надвинул поглубже капюшон, вытер мокрой ладонью залитое водой лицо и лёгким движением мизинца поправил бы в ухе беспроводной наушник. Вышел на середину шоссе, чтобы проводить взглядом ещё мелькающие в глубокой мокрой серизне алые отблески стоп-сигналов.

Нет мира, кроме тех, к кому я привык

И с кем не надо нагружать язык

«Пусть всё у вас будет хорошо, родные».

Дождавшись, пока вдали не останется ни следа багровых булавочных звёздочек, Наблюдатель поднимает правую руку, беззвучно щёлкает пальцами и остановка взрывается миллионом разноцветных квадратных пикселей, каждый из которых немедленно сбивается каплей воды и вот уже миллионы разноцветных капель сливаются под ногами в единую многоцветную реку.

Второй щелчок. Сверкающий щероховатой влажностью асфальт покрывается трещинами и взламывается изнутри бурным и пенистым потоком, на месте автострады остаётся шумящая необузданная широкая река, уносящая и осколки и цветные потоки безвозвратно в даль.

А третьего щелчка быть не могло. Ведь все мы хорошо помним, что никакого Наблюдателя не могло быть, ему попросту неоткуда было бы там взяться. Именно так, неоткуда. Да и кто мог бы поручиться, что было там хоть что-то, кроме вечно падающей из ниоткуда в никуда серой стены дождя, бесконечного и никогда не меняющегося серого дождя.

«А ПРОСТО ЖИТЬ РЯДОМ И ЧУВСТВОВАТЬ — ЧТО ЖИВ!»

И вот на этом уже действительно заканчивается повествование про Славяну и Алису, но не заканчивается их история. Каждый из вас может в меру своей фантазии преставить, как могли сложиться их отношения и судьбы в каждой из двух ветвей Реальности. Благодарю всех, кто читал и поддерживал автора морально и материально, но не меньшую благодарность я ощущаю и к тем, кто счёл мою повесть бездарной и скучной и решил об этом промолчать. Спасибо всем и до новых встреч.